И.М. ДЫНИН

ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

И.М. ДЫНИН

ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА

«Афганцы» в письмах, документах, свидетельствах очевидцев

МОСКВА
ПРОФИЗДАТ — 1990

ББК 68.49(2)243
Д89

Редакция литературы по воспитанию, культуре и досугу

Рецензент — кандидат филологических наук,
писатель **В. И. Муссалитин.**

Дынин И. М.

Д89 После Афганистана: «Афганцы» в письмах, документах, свидетельствах очевидцев. — М.: Профиздат, 1990. — 144 с.

1 р.

Эта книга будет интересна всем, кому не безразличны нелегкие судьбы «афганцев». В основу своего повествования очевидец событий, происходивших на многострадальной афганской земле, военный публицист Иван Михайлович Дынин положил документальные факты и письма, свидетельства воинов-интернационалистов, возвратившихся домой, а также собственные наблюдения, которые снова и снова заставляют задуматься над проблемами нравственного здоровья нашего общества.

Д $\frac{0301070000-118}{081(02)-90}$ КБ-30-2-89 ББК 68.49(2)243

ISBN 5-255-00254-2

© И. М. Дынин, 1990

«После Афганистана». Эти слова приобрели особый смысл для многих молодых людей. В их необычных судьбах переплелось и героическое и трагическое. Разными вернулись домой воины-интернационалисты. Одни целыми и невредимыми, другие — инвалидами. Одни продолжают служить в армейском строю, другие надолго прикованы к постели. А сколько матерей оплакивают погибших ребят, сколько осталось юных вдов, сколько детей не увидят своих отцов...

Итоги любой войны подводить тяжело. Во много раз тяжелее говорить о последствиях такой войны, в которой пришлось участвовать советским интернационалистам на земле Афганистана. Долго мы делали вид, что в горах Гиндукуша наши парни не участвуют в боях, а только помогают местному населению строить мирную жизнь. Газеты не писали о жестоких схватках с душманами, об убитых и раненых. И только с началом перестройки, с приходом в наше общество гласности и открытости обнажилась горькая правда об афганских событиях. Да, тысячи советских воинов погибли в этой необъявленной войне, десятки тысяч стали инвалидами, более трехсот человек пропали без вести.

Новое мышление, новая политика, рожденная перестройкой, помогли в короткий срок решить вопрос о выводе советских войск из Афганистана. С чувством исполненного долга возвращались закаленные в боях солдаты, сержанты и офицеры на родную землю, с огромной радостью встречали их отцы и матери, жены и дети. После многих лет печальной работы «черный тюльпан» перестал совершать свои горькие рейсы.

Но с решением главной проблемы во весь рост встали нелегкие вопросы, накапливавшиеся за многие годы пребывания советских войск в Афганистане. Со всей остротой обнажились недостатки в лечении и реабилитации раненых, в организации медицинского обслужива-

ния, в пенсионном обеспечении инвалидов и семей погибших, в обеспечении воинов-интернационалистов квартирами.

В помощи и внимании нуждаются не только те, кто вернулся из Афганистана без рук или без ног, кто потерял зрение и оказался надолго или на всю жизнь прикованным к постели, но и многие тысячи тех, кому выпало счастье вернуться на Родину невредимым.

Тревоги и опасения «афганцев» были обоснованными. Уволенные в запас, окрепшие физически и духовно, а многие — удостоенные высоких государственных наград, они садились за рычаги тракторов, становились к станкам в заводских цехах. Да, это было возвращение, их возвращение к мирной жизни. Но молодые люди приходили на свои рабочие места уже другими: с неизмеримо возросшим чувством своего достоинства, с обостренным пониманием справедливости. Их отличала не только горячность в работе, но и высокая бескомпромиссная требовательность к себе и к окружающим. Даже в условиях развернувшейся в стране перестройки воины-интернационалисты далеко не везде безболезненно вписывались в мирную жизнь. Бюрократы первыми увидели в «афганцах» угрозу своему благополучию, повели скрытую, а порой и открытую борьбу с ними. Воинов-интернационалистов, особенно тех, кто перенес ранения, зачастую неохотно принимали на работу, а при случае старались скомпрометировать их, всячески затрудняли их адаптацию в трудовом коллективе, препятствовали получению положенных по закону льгот.

Отношение к «афганцам» нередко становится той лакмусовой бумажкой, по которой определяется истинная гражданская позиция руководителей предприятий и зрелость трудовых коллективов. И здесь посильное участие в судьбах воинов-интернационалистов принимают профсоюзы, отстаивая права «афганцев». Профсоюзные комитеты заботятся о трудовом устройстве воинов, уволенных в запас, оказывают им всестороннюю помощь, поддерживают их в конфликтах с администрацией, заботятся о своевременном и полном предоставлении льгот, положенных им и их семьям. Все это вылилось в широкомасштабную общественную акцию «Профсоюзы — воинам-интернационалистам».

Книга, которую держит в руках читатель, не только напоминание о мужестве советских воинов, честно выполнявших свой солдатский долг, но это еще и рассказ о

том, как складываются судьбы «афганцев», возвратившихся на Родину, как проходит их становление в трудовых коллективах, какую помощь оказывает воинам-интернационалистам общество. И так хочется, чтобы каждый, кто прочтет эту книгу, проникся уважением к нашим замечательным ребятам, прошедшим сквозь горнило войны в Афганистане, заинтересовался их заботами, принял к сердцу проблемы, волнующие их. В гуманном обществе, которое мы строим, так и должно быть.

С. И. КРАМАРЕНКО,
заведующий отделом воспитательной работы,
культуры и спорта ВЦСПС

ПЕРЕЖИТОЕ — НЕ ЗАБЫТОЕ

1

Седоголовые горы, похожие на молчаливых и важных аксакалов. Покрытые густой пылью боевые машины пехоты. Словно поседевшие, выгоревшие на солнце гимнастерки солдат. И волосы их, подстриженные по-военному коротко, серебрились то ли от пыли, то ли от солнца, а может, от непрошенной седины. Передние машины колонны, осыпанные цветами, были уже у себя, на Родине, а остальные еще отсчитывали последние метры на афганской земле. Воины-интернационалисты, выполнившие свой долг, возвращались домой.

Все было радостно, красочно и неправдоподобно. Горы фруктов, музыка; улыбки, лица родных. И где-то позади, в какой-то другой, далекой и непонятной жизни остались плоскокрышие кишлаки, обожженные огнем дороги, взрывы мин, стоны раненых. «Афганцы» были счастливы. Они целовали землю, горячо обнимали и родных, и совсем незнакомых людей, что-то кричали и ничего не желали в этой жизни, кроме праздника встречи, который она подарила им.

Среди возвратившихся не было Руслана Аушева, но чуть ли не в каждом мне виделись его черты. И этот высокий офицер, с талией, перетянутой ремнем, был похож на него. И тот, который шагал неторопливо, но широко и ровно, напоминал Руслана. И у того, кто резко оглянулся, усы совсем, как у Аушева, круглыми черными скобками обрамляли рот. Но это была кажущаяся похожесть. Руслан вернулся на полгода раньше и совсем не так...

Из афганского блокнота

Дорога на Саланг была знакома до боли. До той беспощадной и жестокой боли, когда хочется стиснуть виски руками и закрыть глаза, чтобы не видеть этих угрюмых скал, этих разрушенных кишлаков и сброшенных под откос обгоревших, покореженных машин. Они будоражили память, оживляя картины, которые он старался

вспоминать реже. Неожиданные гулкие выстрелы. Огонь, лижущий бока закопченных цистерн. Стоны раненых. И лица погибших ребят, которых ему не забыть до конца своих дней.

Танки и машины сорвались с места, и теперь у Аушева было только одно желание: успеть! Он спешил выручить людей, оказавшихся в беде, заслонить броней беззащитные грузовики и огнеопасные цистерны, которые обязательно есть в составе любой колонны, движущейся из Советского Союза в Кабул.

Минут через пять Руслан увидел две идущие навстречу машины с выбитыми стеклами и пробитыми кузовами. Они только что побывали под огнем. Надо было остановиться, уточнить обстановку, но в кабинах сидели афганцы, надо было разговаривать через переводчика, да и что могли рассказать перепуганные, чудом уцелевшие водители... Не сбавляя скорости, бронегруппа прошла мимо, вписалась в крутой поворот и тут же как на ладони стала видна жестокая картина разгрома. Грузовики оказались запертыми между двух костров. Душманы, засевшие в расщелинах скалы, подступавшей к дороге, вели огонь из гранатометов по передним и задним машинам. Грузовикам, шедшим в голове колонны, удалось уйти, а два наливника, загоревшись, сцепились между собой и перекрыли движение. В конце колонны тоже полыхал огонь.

— Кислица, попробуй столкнуть сцепку в пропасть, — распорядился Аушев, связавшись с командиром танкистов.

— Горячо, но попытаюсь, — ответил старший лейтенант.

— Киселев, что у тебя? Киселев, почему не отвечаешь?

Внутри командирского «броника» было тесно, местность просматривалась плохо, руководить боем становилось труднее. Руслан открыл люк, одним движением выбрался наружу и сразу же спрыгнул вниз, на дорогу. Несколько пуль, срикошетив, напомнили об опасности. Мельком подумал: «Зря не надел бронежилет». Но даже в мыслях думать о себе показалось неуместным. Тут же резанула душу тревога: «Слишком плотный огонь. Перебьют все машины». Гранатометы бухали, не переставая. Даже огонь второго танка, оставленного на подходе к району боя и стрелявшего из пушки по расщелинам скалы, не останавливал душманов.

Танк Кислицы, сделав несколько рывков к горящим машинам, попятился назад. Старший лейтенант высунулся из люка, с горечью бросил:

— Механик-водитель не выдерживает. Настоящее пекло.

— Ствол пушки опусти. Не жалей. Может, подцепишь.

— Понял, — Кислица нырнул в люк.

Прикрываясь завесой черного дыма от горящей нефти, Руслан добежал до своего «броника», откуда было хорошо наблюдать за обстановкой на дороге. Афганские водители, почувствовав поддержку, начали отвечать огнем на огонь душманов.

— Киселев не вышел на связь? — спросил у радиста Руслан.

— С поста передали, что старший лейтенант Киселев погиб. Снайпер...

Ствол танкового орудия проткнул насквозь горящую массу, но сдвинуть ее с места не мог. «Еще раз, еще», — Аушев мысленно подбадривал Кислицу. Танк почти вошел в огонь, потом отступил назад, но пламя перекинулось на него. Горела оснастка. Танкисты принялись спасать свою машину, Руслан тоже подбежал к ним, помог погасить огонь.

Аушев поспешил к своему бронетранспортеру. В этот момент будто кто-то горячей железной рукой толкнул его в спину. Он ог-

лянулся и присел, но пули рикошетили и дико взвывали совсем рядом, поэтому рванулся вперед, за бронированную защиту, опустился рядом с радистом. Мысль заработала четко: «Я ранен. Кажется, тяжело. Радист пока не заметил этого, надо отдать приказания».

— Свяжись с разведчиками, — говорить старался громче и четче. — Пусть пробираются к нам сверху.

Раздался выстрел, но звук его дошел до Руслана откуда-то издалека. И вся картина боя виделась теперь как-то туманно, будто через запыленное стекло. Снаряд хлобыстнул по пламени, разметав его, и танк рванулся вперед и пересек ослабший костер. «Отлично», — подумал Аушев, чувствуя, как тяжелеют руки и ноги. Как раз в это время кто-то наклонился к нему.

— Передайте Папирнику, пусть командует, — почти шепотом сказал Руслан, чувствуя, что проваливается в мягкую и липкую бездну.

Удивительно крепким и устремленным к жизни оказался его организм. Газеты еще писали о том, как был ранен Герой Советского Союза Аушев, а он уже летел в отпуск, предоставленный ему после лечения. Отпуск показался коротким. Встреча с женой Азой и дочкой Лейлой, с родителями, с братьями Адамом и Багаутдином. И бесконечные встречи с земляками, однополчанами, журналистами. Отдыха не было, но он не привык отказывать людям.

...И опять Афганистан. Опять нелегкая служба. Беспокойней должности начальника штаба мотострелкового полка трудно найти. Он никогда не считал себя кабинетным работником. Его можно было встретить и в горах, и в расположении придорожной заставы, и в техническом городке.

Но настало время возвращения на Родину. Весь полк выстроился на плацу. Под звуки оркестра перед шеренгами проплыло боевое знамя. Майор Аушев в тщательно подогнанной и отутюженной форме с Золотой Звездой на гимнастерке припал на колено, поднес к губам край полотнища и не спешил распрямиться, пряча повлажневшие глаза. Ранним утром тяжелый самолет под прикрытием вертолетов набрал над аэродромом высоту и взял курс на север.

Руслан Аушев, получивший очередное воинское звание, наверное, мог выбрать место службы поближе к родному дому, к столице или к курортной зоне. Ему бы не отказали: заслужил. А он попросился на Дальний Восток. У него один аргумент:

— Что люди подумают, если я пристроюсь на теплое место? Тогда и награды будет стыдно надеть.

Подполковник Аушев стал командиром полка. Долж-

ность трудная. И боевая учеба, и вопросы сохранности вооружения и техники, и подбор кадров, и воспитание людей — на командирских плечах. И все это Руслан делает умело и с завидной энергией. В части установили ящик с надписью: «Почта доверия». Любой может написать о том, что его беспокоит, высказать свое, даже самое «крамольное», мнение. Можно критиковать командира, можно обжаловать приказ, сообщить о неуставных взаимоотношениях. Все будет изучено, рассмотрено, проверено, учтено. У Руслана на этот счет свое мнение:

— Много сейчас говорим о демократизации. Некоторые считают, что это, мол, не для армии. Но разве армия не является частью всего общества? Солдаты приходят с «гражданки» и возвращаются обратно. Если все оставить как есть, то контраст со временем станет просто разительным, и не в нашу пользу.

Руслан воюет с престовутой «дедовщиной». У него на это явление свой взгляд, проверенный во время службы в Афганистане. Там эта заноза была куда меньше. Ценился не срок службы, в основе авторитета стояло поведение человека в бою, когда рядом смерть. И кумиром, примером для подражания становился тот, кто в экстремальной ситуации вел себя мужественно, не терялся, находился там, где опаснее и труднее.

В ходе боя нередко приходилось оказывать помощь раненому товарищу, выносить его из-под огня, прикрывать, защищать. Все это сплачивало коллектив, действовало очищающе. В свое время Алексей Толстой писал: «На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остается в человеке — ядро. Разумеется — у одного оно покрепче, у другого послабже, но и те, у кого ядро с изъяном, тянутся, каждому хочется быть хорошим и верным товарищем»[1].

Руслан Лушев хорошо знает, что рецидивы «дедовщины» возникают не в поле, во время учения, не на стрельбище. Там действуют те же законы: кто мужественней и выносливей — к тому тянутся товарищи, у кого больше мастерства, тот и в центре внимания. Все беды от «деда» начинаются в казарме, когда у солдата много свободного времени, а провести его с пользой он не умеет. Все это размагничивает человека. И тут мно-

[1] Толстой А. Собр. соч. Т. 10. М., 1961. С. 629—630.

гое, если не все, зависит от командира, а также полит-
работника.

— «Старики» и «салаги», — говорит Руслан, — это
из лексикона офицера, не обременяющего себя воспи-
тательной работой среди сержантского состава. Ему
проще сделать ставку на сильного и наглого «деда», ко-
торый свойственным ему образом воздействует на дру-
гих.

Свои мысли подполковник Аушев не прячет за часто-
колом оговорок, он прямо говорит о корнях «дедовщи-
ны» и старшему начальнику, и корреспондентам газет,
и своим товарищам, подчиненным.

Гласность — она ведь не только (а может быть, и
не столько) в готовности смело говорить о болячках
прошлого, а в том, чтобы с такой же смелостью вскры-
вать нарывы сегодняшнего дня. И там, где это делает-
ся, гласность начинает работать и приносить пользу.

В мотострелковом полку, которым командует Аушев,
создан клуб «Офицерская честь», помогающий удовле-
творять потребность в душевном, искреннем общении.
Контакт между командирами и подчиненными установ-
вился живой и доверительный. Диалоги носят, как пра-
вило, дискуссионный, проблемный характер. Кроме
того, при парткоме части создана и активно действует
группа по межнациональным отношениям, в которую
вошли представители 17 национальностей. Успехи полка
в боевой подготовке, искоренение «дедовщины» из жиз-
ни ротных коллективов во многом связаны с появлением
этих и других нестандартных форм индивидуально-вос-
питательной работы.

В ингушском роду Аушевых мужчины всегда были
красивыми, сильными и смелыми. В годы Великой Оте-
чественной войны на разных фронтах сражалось 500 Ау-
шевых. Через Афганистан прошли три родных брата —
три офицера — Руслан, Адам и Багаутдин. Руслан, удо-
стоенный звания Героя Советского Союза, был в Афга-
нистане дважды.

Хорошо идут дела и у братьев Руслана — Адама и
Багаутдина. В их биографиях много общего. Оба были
в Афганистане, в том же полку, где служил Руслан, обо
награждены орденами. Но, может быть, Аушевы из осо
бого рода? Может, их судьбы являются исключительны-
ми? Чем чаще приходится слышать эти вопросы, чем
больше удается встретиться с «афганцами», услышать
и прочитать об их делах, тем увереннее можно ответить:

что судьба Руслана и его братьев типична для «афганцев».

Еще в Афганистане мне много хорошего рассказывали о десантнике гвардии старшине Юрии Зобнине, о его тяжелых и опасных маршах в горы, о том трижды проклятом бое, в котором Юрий потерял своих лучших друзей.

О том, что произошло в тот жаркий, напоенный запахом пороха, напуганный взрывами, треском автоматных очередей день, мне рассказал командир батальона, в котором служил гвардии старшина.

Из афганского блокнота

Батальону Леонида Хабарова предстояло оседлать Салант. Так в Афганистане называется один из ключевых перевалов, по которому идет снабжение обширного горного района. По единственной проезжей дороге днем и ночью движутся автомашины, телеги и вьючные караваны. Чего только нет в кузовах, цистернах, ящиках и узлах. Двигатели машин, передвижные электростанции, одежда, рис, дрова. Не случайно эту трассу в Афганистане называют Дорогой жизни.

Когда перевал был уже близок, Хабаров решил направить вперед дополнительный дозор. Требовалось тщательно обследовать местность в районе деревянного моста, перекинутого через горный поток. Если даже мост не разрушен, душманы могли устроить там засаду. Условия подходящие. Дорога узкая, с одной стороны почти отвесные скалы, с другой — крутой обрыв.

Выбор командира пал на отделение гвардии старшины Юрия Зобнина. Десантник опытный, умеющий трезво оценить обстановку и принять верное решение, не раз показывал образцы тактического мастерства и смелости. Недаром комсомольцы избрали Зобнина своим вожаком. Но не так-то легко комбату послать в неизвестность, в ночную тьму горстку солдат во главе с двадцатилетним старшиной, зная, что в любую секунду их может подстеречь душманская пуля.

Когда разведчики спустились в узкое ущелье, сбоку из тщательно замаскированных укрытий, называемых лисьими норами, хлестнули пулеметные очереди. Хабаров с группой десантников бросился на выручку. Он бежал впереди, до места схватки оставались считанные метры и в этот момент будто кто-то сильно толкнул в правое плечо, руку обожгло в нескольких местах. Но боль не помутила сознания. Леонид продолжал командовать, кого-то посылал вперед, кому-то помогал выбраться в безопасное место.

Наверное, душманы по поведению десантников догадались, куда сходятся нити управления. Вокруг комбата зацокали пули, засвистели, рикошетя на камнях. И тут рядом оказался старшина Зобнин. Увидев окровавленного командира, он подставил плечо, оттащил его в укрытие, а сам опять рванулся в пекло боя, к разведчикам. Душманы наседали со всех сторон, отбиваться было все труднее. На глазах Юрия погиб его друг Паша Елин. Зобнин,

стиснув зубы, стрелял из автомата, ненавидя и душманов, и горы, изрыгающие смерть.

Бой еще продолжался, когда связист доложил, что за командиром выслан вертолет. Но рядом не нашлось удобной для посадки площадки. Надо было преодолеть около двух километров в трудных горных условиях под огнем противника. И Юрий Зобнин, рискуя жизнью, нес комбата на себе, боясь, что Хабаров не выдержит долгого пути. Когда же наконец раненые были погружены в салон винтокрылой машины, он сам чуть было не потерял сознание.

Из Афганистана гвардии старшина Зобнин вернулся в Москву. Казалось, все: прощай служба! Уволен в запас. Сдал оружие. Не надо отрабатывать строевой шаг. Не потребуется подниматься ночами по сигналу тревоги. Для человека, пришедшего с войны, такое состояние естественно и оправдано. И вдруг Юрий принимает решение поступить на службу в органы милиции. Удивиться было чему. В Москве работы хоть отбавляй, бывшему старшине нашли бы спокойное место. А его опять потянуло на передовую — туда, где приходилось рисковать не меньше, чем в армейском строю.

Работа в милиции пришлась по душе Юрию, а сам он хорошо вписался в беспокойный организм новой службы. Через два года получил офицерское звание, с красным дипломом закончил милицейскую школу. И как-то само собой получилось, что больше всего лейтенант Зобнин занимается с молодежью. То он разбирается с «люберами», то беседует с «металлистами». Ему есть о чем рассказать ребятам. Афганистан научил ценить в человеке те качества, которые помогают выходить победителем из самых сложных жизненных ситуаций.

Особое отношение у Юрия к наркоманам. Всякий раз, когда ему приходится видеть молодых людей, теряющих человеческий облик, он вспоминает Афганистан, бои, в которых приходилось рисковать собой, спасая товарища. А здесь, в мирных условиях, вполне здоровые парни и девушки добровольно губят себя. Их не влечет ни шелест осенних листьев, ни щебет птиц, ни цветение садов, о чем мечтали перед боем воины-интернационалисты. Они добровольно уходят из жизни в ядовито-сладкие сны, погибая медленно и бесславно.

Зобнина часто можно встретить в школах. Вместе с товарищами из клуба интернационалистов, созданного во Фрунзенском районе столицы, он взял на себя заботы о воспитании подрастающего поколения. Лейтенант Юрий Зобнин, можно сказать, не вышел из боя, он и

сегодня борется за правду, за то, чтобы все жили по совести. Хотя его жизнь по сравнению с той обстановкой, какая была в Афганистане, кажется слишком мирной.

Сержант Алексей Ляхов в Афганистане служил сапером. Прокладывал дороги. Восстанавливал мосты. Строил укрепления. Но война есть война. Небольшую группу саперов, готовивших переправу, атаковали душманы. Бой разгорелся жестокий. Командир был тяжело ранен. И тогда командование взял на себя сержант Ляхов. С большим трудом советским воинам удалось отбиться от наседавшего противника. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Алексей Ляхов был награжден орденом Красной Звезды.

После службы сержант запаса вернулся на Родину, но он, как и прежде, остался сержантом, только сменил форму на милицейский мундир. Его можно встретить на улицах города Аксая Ростовской области. Трудно сказать, чем привлекает бывших воинов-интернационалистов служба в милиции. Одни считают, что главную роль играет их готовность войти на риск, их мужество и бесстрашие. Другие говорят о неприятии ими всякого зла, о стремлении бороться за справедливость. А кому-то кажется, что таким образом «афганцы» хотят обеспечить людям спокойную и мирную жизнь, защищать слабых, помогать потерпевшим.

В костромском селе Павино живет и работает трактористом бывший воин-интернационалист Александр Аверкиев. Многое уже забылось из той далекой войны, в которой пришлось участвовать ему, но осталась готовность всегда оказать помощь, если кому-то грозит опасность...

Пожар уже полыхал, когда кто-то выкрикнул, что в доме остался пятилетний Миша. Услышав это, Аверкиев мгновенно рванулся в самое пламя. Задыхаясь от дыма, он обшарил все углы. Мальчишки не было. И находиться среди огненного смерча становилось невмоготу. Но именно в этот момент откуда-то снизу послышался кашель и детский плач. «В подполе!» — догадался Александр, рванул на себя приворку и вытащил паренька, с трудом прорвавшись через огненный заслон. Миша Кузнецов был спасен, а Александр Аверкиев награжден медалью «За отвагу на пожаре».

Мужество — это черта характера. Если человек смел, он смел и в бою, и во время пожара, и в схватке с пре-

ступником. Смел и тогда, когда в воинском строю, и после того, как ушел в запас. Смел и на афганской земле, и в селе Костромской области, и на улице родного города.

Шофер Сернурского автопредприятия Анатолий Ямбаршев со своим другом Эдуардом Конаковым находился в переполненном автобусе, когда с улицы донеслись испуганные крики. Тут же выяснилось, что парень, напившийся до потери человеческого облика, устроил побоище с выстрелами из ружья. Один человек уже был ранен, а вокруг находилось немало людей, каждый из которых мог стать очередной жертвой. Анатолий и Эдуард не растерялись. Они сблизились с вооруженным преступником и, выбрав момент, обезоружили его.

Анатолий Ямбаршев — бывший воин-интернационалист, награжден медалью «За отвагу». Он, как и те, кто прошел через Афганистан, живет по уставу мужества, по закону совести. Для него нет чужой беды, не бывает чужого горя. Анатолий не приемлет позицию постороннего, чувствует себя ответственным за все, что происходит вокруг.

Сколько их — таких примеров? Десятки? Сотни? Это даже не примеры, а линия поведения, образ жизни, в которой нет места компромиссам с совестью.

Евгений Мартынов закончил Коломенское высшее артиллерийское командное училище. Юный лейтенант жаждал романтики, готов был преодолевать самые невероятные трудности, и жизнь предоставила ему их с лихвой. Служить попал в воздушно-десантные войска, в часть, входящую в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. У артиллеристов вроде бы положение попроще: в атаки они не ходят, горы не штурмуют. Но душманы действовали исподтишка, и тому же Евгению часто приходилось выполнять обязанности корректировщика. А эта должность особая. Чтобы успешно управлять огнем, надо выбрать высокое и открытое место, оставаясь там во время боя как на ладони. Да и душманы не лыком шиты, сразу видят, откуда тянутся невидимые нити на батарею.

Та ночь на всю жизнь запомнилась Евгению. Душманы открыли бешеный огонь. У них в руках оказались не только пулеметы, но и безоткатное орудие. Надо было во что бы то ни стало уничтожить огневые точки противника. Мартынов с радистом выдвинулись вперед, укрылись в нагромождении камней, начали передавать

координаты целей. Душманы обнаружили их. Положение с каждой минутой становилось сложнее. Черные тени мелькали рядом. Евгений был вынужден вызвать огонь на себя. Снаряды рвались совсем близко, грохот разрывов слился в единый неумолкающий звук. Казалось, с грохотом рушатся горы. Но скала, за которой скрылись наводчик и радист, спасла их. Когда обстрел прекратился, душманов поблизости уже не было. Одни из них погибли, другие вынуждены были поспешно отступить.

За этот подвиг Евгений Мартынов был награжден орденом Красной Звезды.

В двадцати боевых операциях участвовал молодой офицер-артиллерист и не получил ни одной царапины. Он уже подумывал о счастливой судьбе, но она приберегла ему трудный экзамен почти под самый занавес. Во время очередной операции Евгений руководил огнем с плоской крыши глинобитного дома. Он был уже не как на ладони, а будто на кончике пальца. И вражеский снайпер не промахнулся...

Ранение было тяжелым. Евгений проявил невероятное, удивившее врачей мужество, разрабатывая покалеченную, сшитую и скрепленную хирургами руку. И болезнь медленно отступала перед его мужеством. Евгений остался в боевом строю и даже остался десантником, правда, уже не в воздушно-десантных войсках, а в морской пехоте. Товарищи говорят, что парень он надежный и добрый, вот только характером резковат, не умеет подлаживаться, режет правду-матку.

И неудивительно, что эта характеристика, которая до перестройки считалась отрицательной, ныне привлекает. В новых условиях нужны именно такие правдивые, честные, бескомпромиссные и в то же время надежные люди. Нужны и в армейском строю и на «гражданке», куда приходят бывшие воины-интернационалисты.

Те, кто побывал в Афганистане, о славе не думают. Часто случается, что на работе, куда устраиваются они, мало кто знает об их службе. И вдруг на завод или в колхоз приезжают представители военкомата, горкома или райкома партии, собирают людей, торжественно вручают «афганцу» орден или медаль. И все будто впервые видят парня, удивляются:

— Скажи ты, — герой, а молчал.

Юрий Миролюбов вернулся из Афганистана в род-

ной совхоз «Красное знамя» Саратовской области с медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Но о себе рассказывал мало. Сразу же погрузился в повседневные заботы. Кроме Юрия, у Миролюбивых еще пять дочерей и сын. А доходы невелики. Отец, Николай Николаевич, проработавший много лет трактористом, заболел серьезно и, видать, надолго. Мать, Зоя Николаевна, трудится в совхозной столовой. Чтобы стать ей опорой, Юрий пошел работать шофером молоковоза.

До призыва в армию он закончил школу ДОСААФ, где получил права водителя.

И вдруг сообщение, в которое даже ему самому трудно было поверить. За мужество и отвагу, проявленные во время выполнения интернационального долга на земле Афганистана, сержанту Миролюбову Юрию Николаевичу присвоено звание Героя Советского Союза. В совхозе будто впервые увидели его: жали руку, обнимали, расспрашивали о службе. Удивлялись:

— Вот молчун. Хоть бы слово о себе. Помните, собирали воинов запаса. Многие рассказывали о боях, о друзьях-товарищах. Его еле вытащили на трибуну, а он: «Вы мне вопросы задавайте».

В один день с Юрием Миролюбовым звание Героя Советского Союза было присвоено младшему сержанту Виктору Павловичу Синицкому. «Надежный парень», — говорят о нем в Успеновке Запорожской области. Такие же слова говорили о нем в Афганистане, где Виктор был механиком-водителем боевой машины, которая с минным тралом обычно шла впереди, прокладывая путь колонне. На наиболее опасных участках дорог он оставался в машине один. Риск был большой. Восемь раз под машиной Виктора гремели взрывы, сам он получил четыре контузии, но, как ни уговаривали его, ложиться в госпиталь отказывался. Виктору казалось, что лучше, чем он, никто не проведет колонну. И в этом была доля правды: Синицкий почти безошибочно обнаруживал, где могут быть мины, и умело уничтожал их. В колхоз «Перемога» он вернулся с двумя медалями — «За отвагу» и «За боевые заслуги». Ему предлагали бесплатную путевку в дом отдыха, а он ни в какую: «Что я — пенсионер? Учиться буду». И пошел в СПТУ, думает о поступлении в институт.

Лушевы из Чечено-Ингушетии, Мамедовы из Азербайджана, Миролюбов из Саратовской области, Синицкий с Украины. Афганистан стал для них и многих та-

ких же ребят проверкой на жизненную стойкость, сроднил их. Об этом очень хорошо сказал еще один Герой Советского Союза — старшина запаса Юрий Шиков, рабочий объединения «Скороход», в матросском кубрике крейсера «Аврора» во время встречи с молодежью:

«Там, в Афганистане, — говорил он, — мы часто вспоминали фронтовиков Великой Отечественной. Например, как они командиров своих защищали, как берегли молодых, необстрелянных солдат. Сержанта, которого буду помнить всю жизнь, я встретил в Афганистане. Пусть меня извинят другие, но это тоже надо понять: не то что сердцем — кожей чувствуешь такого командира, который хочет, чтобы у тебя было все в порядке, ему не все равно, что у тебя в глазах: радость или тоска. Именно таким был мой командир отделения Валерий Старшинов. А замкомвзвода сержант Сафо Азизов — он первый мой боевой учитель.

Всех молодых солдат Сафо под свою опеку взял, чтобы зря, как он любил выражаться, матерей наших не старить. Показывал, как при обстреле бросаться на землю, и в бой как правильно войти, и как под огнем магазины набивать, — всему этому терпеливо учил нас Азизов.

И разве могло прийти кому-то в голову разделять, что вот, мол, Сафо — таджик, а Иван Батыру — молдаванин... Все мы дружили, а этим надо гордиться! Пожалуй, как нигде, в армии так прочно укрепляется дружба. Я на любом конце земли разыщу Сафо Азизова или Ивана Батыру, если им будет плохо. И они, уверен, почувствуют, если мне отчего-то станет невмоготу.

Я сейчас, как принято говорить, гражданский человек. Но чувство солдатского долга должно в нас жить всегда».

Годы или месяцы, проведенные в Афганистане, были тяжелыми для воинов-интернационалистов. Они страдали от жары, от холода и нехватки кислорода в горах, подрывались на минах, болели гепатитом. В них стреляли из-за угла и из-за скалы, они теряли друзей, подолгу лежали в госпиталях, многие остались калеками на всю жизнь. К этому, наверное, надо добавить и то, что война, в которой принимали они участие, была далеко не победной. Душманы не сдавали своих позиций, положение в стране ухудшалось. Казалось, есть от чего потерять веру в себя, обозлиться, проклясть и эту войну, и тех, кто послал туда молодых парней. Но стран-

ное дело — тот, кто не торопился на помощь Афганистану, кто не нюхал там пороха, не видел горящих, как костры, грузовиков, тот весьма смело и охотно рассуждает о негативном влиянии этой войны на наших ребят. А сами «афганцы» говорят о другом: о тяжелом положении, в каком оказался Афганистан, о душевности простых людей этой страны, о необходимости им помогать, о своем интернациональном долге.

По-разному возвращались воины из Афганистана. Одни — здоровыми, с Золотой Звездой, орденами и медалями. Другие — инвалидами. Третьим не суждено было вернуться в родные края, они погибли в боях с душманами или подорвались на минах. Но есть и такие, кого не оказалось ни среди раненых, ни в числе погибших. Они пропали без вести. Эта фраза, ставшая привычной во время Великой Отечественной войны, а также долгие годы после нее, ныне кажется противоестественной. В нашем цивилизованном мире, где так широко развита сеть технических средств связи, кажется, трудно и даже невозможно потеряться. И все же более трехсот советских воинов потерялись, пропали неизвестно где.

В Москву, в Комитет советских женщин, приезжают матери, сыновья которых пропали без вести: из подмосковного Загорска — Анна Васильевна Новикова, из Вышнего Волочка Калининской области — Анна Яковлевна Боровикова, из деревни Окулиха Ивановской области — Ираида Дмитриевна Галямочкина. Приходят москвички Мария Васильевна Нефедова, Людмила Николаевна Москвинова и Надежда Яковлевна Кирюшкина...

Что им можно сказать, чем утешить материнское сердце? Координационный комитет советской общественности за освобождение советских военнослужащих, захваченных в плен в Афганистане, установил контакты с Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Пакистан, обратился в Лигу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, в Центр ООН по правам человека, в Международную лигу за мир и свободу, в организацию Женщин Социнтерна. Комитет советских женщин, комитет «Надежда», проявляют большой интерес к судьбам пропавших без вести советских воинов. Но труден, очень труден путь к цели.

Все, что связано с нашими ребятами, оказавшимися пленниками в Афганистане, — это наша общая боль. Да, нелегка участь пленных в Афганистане наших юных солдат. Сколько из них живы? Как быстрее уста-

новить их местонахождение и чем помочь их освобождению? А время неумолимо бежит. С позиции международного права у так называемой афганской оппозиции нет никаких оснований для невозвращения советских военнопленных.

Проявляя настойчивость, советские дипломаты установили непосредственный контакт с представителями «Альянса семи», в чем оказало содействие министерство иностранных дел Пакистана. В одной из встреч, проходивших уже после вывода советских войск из Афганистана, с представителями группировок «Хезбе Ислами» и Джамиате исламийе Афганистан принял участие советский военный атташе в Пакистане полковник В. Д. Белый. Он вспоминает: «Мы решили вначале послушать представителей «альянса». Они заявили, что рассматривают эту встречу как политические переговоры с Советским Союзом и поэтому, мол, нет необходимости вести разговор о пленных советских военнослужащих, так как это решится автоматически в рамках общего урегулирования афганской проблемы...

Советские дипломаты твердо заявили, что эта встреча, учитывая полномочия участников и ее уровень, не может рассматриваться как какие-либо политические переговоры. Цель встречи — обсуждение только вопроса об освобождении советских военнопленных. Естественно поэтому прозвучало требование сообщить число советских военнопленных, находящихся в руках «альянса», назвать их имена и организовать с ними встречу представителей посольства либо в Исламабаде, либо в другом месте на территории Пакистана. Кроме того, было предложено, чтобы нашим военнослужащим была дана возможность написать письма на Родину. При этом с советской стороны было особо подчеркнуто, что освобождение военнопленных прежде всего вопрос гуманности, так как речь идет о людях, уже давно не воюющих, живущих в непривычных, тяжелых условиях, лишенных какой-либо связи с Родиной. Их судьба глубоко тревожит родных и близких, друзей, всех советских людей».

Представители «альянса» хотя и неохотно, но все же согласились сообщить имена четырех наших военнопленных, заверив, что попавшие в плен советские военнослужащие живы и здоровы.

Во всех документах, речах и обращениях воинов-интернационалистов, пропавших без вести, называют пленными. Но среди тех, кто оказался в руках душманов,

лишь несколько человек были захвачены во время боя. Остальных вернее называть жертвами терроризма. Чаще всего их захватывали, заманив обманным путем в частный магазин или какое-либо укромное место.

Именно так попал в беду младший сержант Сергей Целуевский. Он дежурил по столовой, и надо было случиться, что именно в тот день куда-то запропастились ложки. Сергей обыскал весь лагерь, обшарил все закоулки, пока кто-то из товарищей не подсказал, что их вместе с отходами могли выбросить на свалку. Незадачливый дежурный направился к мусорному ящику, который находился за пределами расположения батальона. Там обычно крутились мальчишки из ближайшего кишлака. На этот раз не было никого. Сергей начал разгребать мусор, и в этот момент его сбили с ног, скрутили и куда-то поволокли.

Младший сержант оказался в руках душманов. Шесть лет он провел в лагерях, и не было дня, когда не думал бы о родителях, о Родине, куда много раз пытался бежать. Только весной 1988 года Сергей был переправлен в Америку. Два месяца он пролежал в госпитале, потом работал в городе Модлаке плотником, кровельщиком, мыл посуду. Мечтая о возвращении домой, экономил на всем, бросив даже курить. Ему нужны были деньги на авиабилет.

Шесть лет стали годами мучения не только для самого Сергея, но и для его родителей.

— Трудно передать, что мы пережили за эти долгие шесть лет, — вздыхая говорила его мать Нина Яковлевна. — Но твердо верили — Сергей жив. Два года назад к нам обратились с просьбой предоставить его фотографии, чтобы сделать запросы в различные международные организации. И вот получаем письмо от сына. Из него узнали, что Сергей попал в плен, шесть лет скитался по лагерям. Потом его освободили, и он оказался в США. Сразу же пошли в военкомат с просьбой помочь.

В освобождении младшего сержанта Целуевского горячее участие приняли представители Координационного комитета советской общественности за освобождение советских военнослужащих, захваченных в плен в Афганистане и Международного комитета за спасение советских военнопленных в Афганистане. И вскоре Сергей был уже в Москве, откуда вместе с родителями отправился в родной город Ломоносов, под Ленинградом.

Владимир Каширов часто писал родителям. Двести три письма, полученных от сына, сохранила Анна Георгиевна. Последнее он написал 25 ноября 1983 года: «Здравствуйте, дорогие мои мамочка и Славик! У меня все хорошо. Я уже уезжал, собственно, домой, но... Ничего, совсем скоро будем снова вместе... Да, многие из друзей уже вернулись домой. Не скрою, чуточку завидую им. Но ничего, и я исполню свой долг.

Мама, береги себя. Не переживай, родная, вот увидишь — все будет хорошо... Интернациональный привет всем. Крепко вас целую, Владимир».

Она радовалась этому письму, готовилась встречать сына. Но однажды к дому подъехала военкомовская легковушка вместе со «Скорой помощью». Сердце сразу оборвалось, ноги подкосились. И предчувствие не обмануло. Приезжие принесли страшную весть. А потом тот же военком вручил Анне Георгиевне орден Красной Звезды, которого рядовой Владимир Николаевич Каширов был удостоен за проявленное мужество посмертно... Этому печальному событию предшествовало вот что. 6 декабря 1983 года бронетранспортер под командованием прапорщика Владимира Белова вышел из расположения части, чтобы доставить на сторожевой пост запасные части и другие необходимые материалы. В районе кишлака Хинджан фугас, подложенный душманами, взорвался под колесами БТР, который перевернулся и после взрыва боеприпасов начал гореть. Прибывшая на место происшествия бронегруппа обнаружила трупы двух членов экипажа. Третьего искали долго, пока не был найден сапог со ступней. Было высказано определенное предположение. На родину погибших членов экипажа подорвавшегося бронетранспортера были направлены их останки.

И вдруг невероятная новость, которая показалась матери счастливым сном: Владимир жив! Он жив, но числится среди пропавших без вести, хотя появились данные о том, что советский солдат находится у душманов. В консульское отделение Посольства СССР во Франции неизвестный гражданин передал пакет, в котором находилось несколько фотографий, а также была записка, написанная на русском языке и адрес: «Свердловская область, г. Краснотурьинск, ул. Колхозная, дом 16—24. Каширов Владимир Николаевич». Чуть ниже было приписано: «Мама — Анна Георгиевна». Записка заканчивалась горькими словами: «...видишь, ма-

ма, вместо дома, я оказался в Панджшере. Просто я невезучий человек. Сегодня уже 22 декабря. Милая моя мама, буду заканчивать. Целую. Владимир».

Эту записку солдат написал через две недели после взрыва, во время которого он получил ранение. Видимо, душманы, побывавшие около горящего бронетранспортера раньше, чем туда прибыло советское подразделение, унесли его, чтобы потом продать как пленника или обменять на оружие. Но Владимир не сдался и не примирился с судьбой. Он нашел способ подать голос, хотя хорошо известно, что условия содержания узников в лагерях душманов отличаются жестокостью.

С советской стороны предпринимались самые различные меры, чтобы выяснить судьбу Владимира Каширова, но они не приносили нужных результатов. Были, правда, разрозненные сведения о том, что Каширова душманы нарекли Каримом и содержат под стражей в одной из пещер, что он предпринимал попытки к бегству, когда в окрестностях разгорелся бой, но был схвачен снова.

18 июля 1984 года Владимир Каширов во второй раз сообщил о себе. Во время операции, проводимой в ущелье Панджшер, были захвачены документы одной из банд, среди которых находилась записка, написанная на русском языке. Видимо, ее перехватили при попытке передать на волю и приобщили к штабным бумагам. «Я русский солдат, — говорилось в записке, — взятый в плен. БТР подорвался на мине, 2 человека погибли, я был ранен и взят. Я пишу все это, может быть, кто-то и найдет записку».

По почерку установили, что записка принадлежит Владимиру Каширову, но написана она давно. Где же сейчас советский солдат, оказавшийся в руках душманов? Страдает в одном из ущелий, ожидая своей участи? Или томится в тюрьме на территории Пакистана? А может, судьба занесла его в одну из заморских стран... Эти вопросы волнуют и родителей солдат, пропавших без вести, и их сослуживцев, и миллионы других соотечественников. Волнуют, заставляя действовать с решимостью, которая необходима в такой ситуации.

Родина, от имени которой советский солдат оказывал помощь Афганистану, не только щедра на награды и льготы, она мудра в политике и великодушна к тем своим сыновьям, которые допустили оплошность или в бою, или в службе, или в нелегких условиях плена. Она

выручит ребят, оказавшихся на чужбине, сделает все, чтобы они вернулись к родным очагам, согреет их своим теплом, поможет стать полноправными гражданами своей страны, занятой великим переустройством жизни.

2

Первый заместитель председателя Советского комитета ветеранов войны Алексей Маресьев тепло поприветствовал своего необычного посетителя, обнял его, потом отступил на шаг и долго присматривался к нему, будто узнавая старого фронтового товарища. Маресьев видел, что по возрасту десантник Валерий Радчиков годится ему во внуки, но что-то давно забытое и все же до боли знакомое виделось и в осанке, и в походке, и даже во взгляде майора. Сразу же вспомнилось, как он сам старался шагать вот так же широко и уверенно, хотя каждой жилкой чувствовал неживую твердость искусственных ног. На глаза начал вдруг набегать непрошенный туман, и он растроганно произнес:

— Молодец!

А смущенный Радчиков никак не мог собрать в одну фразу все выстраданные в сердце слова благодарности этому легендарному человеку с Золотой Звездой на лацкане пиджака. Валерий пытался вспомнить, когда первый раз он сделал попытку мысленно соединить свою судьбу с его подвигом. Может, уже там, в горах Афганистана, когда после страшного взрыва очнулся, почувствовал боль и, оглянувшись, увидел кости раздробленных ног. Или чуть позже, когда кто-то из ребят, склонившись к носилкам пожал ему руку:

— Держись, командир.

Но скорее всего о Маресьеве он подумал в госпитале после шестой операции и после того, как хирург сказал, не веря, наверное, самому себе:

— Ты еще ходить будешь.

И тогда Валерий подумал о Маресьеве. Была война. Человек лишился ног. Но он не пал духом, собрал в кулак волю, сказал себе: «Нужно подняться». Сказал не для собственного успокоения, а поставил перед собой большую и, казалось, неисполнимую цель: он решил не только научиться ходить, но и получить право воевать в небе, в кабине истребителя.

Есть такое понятие: «характер десантника». Эти слова Валерий слышал и от своего командира в Киевском

суворовском училище, и от преподавателей в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище имени Ленинского комсомола, и от прославленного командующего воздушно-десантными войсками. «Десантник, — говорили они, — это стальной характер, железная воля и умение пойти на риск». По этим меркам Радчиков стал хорошим десантником. На риск ему приходилось идти не раз и не два. Он и ранен был, когда решил сам, не дожидаясь саперов, обезвредить коварную мину, из-за которой его разведгруппа могла не выйти своевременно в намеченный пункт. И характером, как говорится, бог не обидел Валерия. Учился хорошо, с парашютом прыгал уверенно. Но впереди его ждало такое трудное и такое долгое испытание, где уже мало только одной железной воли.

Видя, что Радчиков смущен, Маресьев заговорил первым, стал расспрашивать о семье. Валерий весь засветился:

— У меня Оля! Замечательная жена. И дочь Наталья.

Ольге он написал не сразу и не все. Но она тут же примчалась в госпиталь. И долго навзрыд плакала после разговора с врачом. А в палату вошла спокойно и деловито, как входят в дом, зная, что там много работы. Она и няню заменяла, и успокаивала, и вселяла надежду, и помогала сделать первый шаг. Врачи и сестры, много повидавшие на своем веку, удивлялись не только его мужеству, но и ее стойкости.

Раны, такие капризные и неподатливые раньше, начали на удивление быстро заживать. И Валерий все чаще задумывался о своей судьбе. Почти половину жизни он провел в армейском строю. Стрелял из многих видов оружия. Водил боевую машину десанта. Прыгал с парашютом. Он понимал, что путь в небо ему заказан навсегда. Но в душе жила надежда, высказанная хирургом. Хотелось скорее встать на протезы, быстрей научиться ходить. И тут же мелькала беспощадная мысль: «А куда ходить? Какие заботы у инвалида?» Он гнал прочь эту мысль: «У меня же опыт. Могу стать преподавателем, готовить курсантов. Могу работать в штабе или в военкомате». Но снова суровый приговор самому себе: «Кто разрешит? Армии нужны крепкие, закаленные офицеры». А где-то в самых закоулках сердца жила надежда: «Но ведь Маресьев получил разрешение летать».

По совету секретаря парткома госпиталя написал официальный рапорт на имя министра обороны СССР. Послал, не надеясь на успех, но зная, что даже отрицательный ответ принесет ему облегчение.

В ЦНИИ протезирования и протезостроения Валерию Радчикову был вручен орден Красного Знамени. Там он получил очередное воинское звание, стал капитаном. Там сделал первые робкие шаги. Это были счастливые дни и месяцы. Он снова чувствовал себя военным человеком. Это чувство еще больше крепло, когда в палату входили боевые друзья, оказавшиеся проездом в Москве, или почтальон приносил очередные письма со штампами полевой почты.

А однажды в руках у Валерия оказался конверт с печатным текстом обратного адреса. Он извлек сложенный вдвое листок, и буквы дрогнули, поплыли перед глазами: «Ваше письмо, адресованное министру обороны СССР, по поручению рассмотрено в Главном управлении кадров. Принято решение изыскать возможность оставить Вас продолжать службу в кадрах армии».

Протезы примерял со страхом. Это ведь не ботинки, не коньки или лыжи, которые можно отбросить в сторону, если окажется, что они не подошли. Для него протезы были продолжением жизни, с ее заботами и тревогами, с радостями и огорчениями. И когда впервые встал на искусственные ноги, когда почувствовал, что их можно подчинить, заставить работать, за плечами будто выросли крылья.

Анна Васильевна Бобылева, когда-то лечившая Маресьева, удивлялась мужеству Валерия. Он работал с нечеловеческой одержимостью. Порой вечером было страшно смотреть на избитые в кровь конечности. Казалось, утром он не сможет подняться, но Валерий задолго до завтрака уже начинал изнуряющие тренировки. Всего две недели потребовалось ему, чтобы научиться ходить на протезах. А потом была военно-врачебная комиссия, которая многому удивлялась, но все же решила, что Валерий Радчиков годен к нестроевой службе.

На встречу с Маресьевым он приехал во время командировки в Москву из Киева. Приехал уже в звании майора, которое было ему присвоено досрочно за успехи в службе.

Одна жизнь. Одна судьба. А сколько их, нелегких судеб, породила жестокая война в Афганистане? Сколь-

ко людей и сколько сердец обжег безжалостный металл?

С рядовым Петром Петрашевичем мне не пришлось встретиться ни в Афганистане, ни в поселке Нарочь Минской области, куда он возвратился после тяжелого ранения. О нем я узнал из рассказа моего товарища, военного публициста полковника Павла Черненко.

Судьба Петра Петрашевича похожа на судьбу Валерия Радчикова. Почти столько же лежал в госпитале, также тяжело учился ходить и с такой же настойчивостью добивался права встать в строй. Не в военную шеренгу, а в ряды хлеборобов. Бывший механик-водитель боевой машины пехоты решил стать трактористом. Молод, опытен, вот только ноги... Но сколько людей водят автомобили с ручным управлением!

После долгих сомнений и раздумий написал Петр письмо комсомольцам Минского тракторного завода. Рассказал о себе и попросил, если можно, переоборудовать один из тракторов под ручное управление.

На заводе просьбу бывшего воина-интернационалиста приняли близко к сердцу. Молодые инженеры-конструкторы Николай Жуковский и Андрей Станкевич вместе с художником-конструктором Сергеем Земченко внесли нужные изменения в конструкцию трактора и с помощью слесаря-сборщика Сергея Мискевича приспособили его для ручного управления. В правом верхнем углу кабины нарисовали орден Красной Звезды, которого удостоен Петрашевич. Такие же тракторы изготовлены на заводе для воинов-интернационалистов Геннадия Бровко и Александра Федорова.

И живет сейчас в Нарочи человек большого мужества, колесит по проселкам, возит сено, растит хлеб, а в минуты отдыха вспоминает то, что для него никогда не уйдет в прошлое. Он видит Афганистан, который перевернул всю его душу, помог другими глазами взглянуть на каждый прожитый день и на тот путь, что ему предстоит пройти. Он вспоминает свой полк и своих боевых друзей, своего командира взвода лейтенанта В. Иванова, который спас ему жизнь.

В части, где служил Петр Петрашевич, восхищаются его мужеством, верой в себя. Старший прапорщик Г. Ребрунов, младший сержант Н. Савельев и рядовой В. Ильючик прислали ему взволнованное письмо: «Здравствуй, наш боевой товарищ, брат по оружию, Петр! Вся наша ремонтная рота была восхищена твоей силой во-

ли, решимостью добиться своего, сесть за трактор и начать работу. Твой решительный напор убедил нас в том, что если человек нашей закалки захочет чего добиться, то он этого добьется. Мы поняли и другое: если слаб наш воин духом, то ничего никогда не сможет добиться. В госпитале лежат наши товарищи. Мы их навещаем и вот принесли заметку о тебе, прочитали им. Как много было радости у них в глазах, в улыбках — они, наши раненые товарищи, поняли, что не все еще потеряно в жизни. Вся наша рота гордится тобой, Петр, и восхищается. Мы сделали вывод: любить Родину — значит быть героем не только в солдатском строю, но и в гражданской жизни, в труде. Поздравляем тебя с победой!»

По дорогам Афганистана Александр Новак преодолел не одну сотню километров. Не наездил, как приходилось в Союзе, а именно преодолел. Там и километра ровного не найдешь. То приходится на пределе сил взбираться в гору, то скатываться вниз, не жалея тормозов, то нырять в темноту ущелья. И повсюду могла оказаться мина, подложенная душманами, из-за каждого выступа скалы или дувала мог прозвучать выстрел.

В тот роковой день рядом с Александром в кабине сидел старшина, поэтому ехали они в конце колонны, готовые к любой неожиданности. Но в горах было тихо и на удивление спокойно. Лучи заходящего солнца отблесками огня играли на лобовом стекле. И вдруг под передними колесами грохнул взрыв, машину развернуло, мотор заглох. Александр хотел нажать на стартер, но резкая боль в ногах затуманила сознание...

Домой его привезли с протезами. Ходить на них он еще не мог. Словно младенца, его носили на руках. Это подавляло. Протезы, похожие на чугунные утюги, никак не хотели слушаться, за каждый шаг приходилось платить кровавыми ссадинами, а без «деревяшек» он был беспомощным. И опять помогли боевые друзья. Приехали в гости, приободрили, соорудили коляску, на которой Александр мог двигаться по дому, и в шутку назначили срок, когда он должен научиться ходить. И будто сил прибавилось. Вскоре бывший солдат стал вышагивать почти по-солдатски.

Вручать орден Ленина, которого Александр Новак был удостоен за мужество на земле Афганистана, в село Луговое приехал представитель из Джамбулской об-

ласти. Гостем был и директор техникума, в котором Саша учился до призыва в армию. Когда зашел разговор о здоровье и о планах на будущее, директор неожиданно сказал:

— Возвращайся к нам. Определим тебя на должность лаборанта, а заодно и учиться будешь.

Оказавшись в центре техникумовских забот, Александр стал комсомольским активистом, был избран членом бюро райкома комсомола, а потом и делегатом на XIX съезд ВЛКСМ. Там, в перерыве между заседаниями, он познакомился с Алексеем Маресьевым, а после возвращения в Луговое вступил в партию.

Не обошла стороной Александра и любовь. Он встретил девушку, нашел в ней чуткую и добрую спутницу жизни. Они поженились, у них в семье растет дочь Наташа.

О судьбе майора в отставке Сергея Харченко можно создать фильм, можно написать повесть. А можно сказать словами военкома Северо-Осетинской АССР полковника В. Б. Колесова: «Сережа у нас один на всю республику. Ну, понимаете, с таким ранением один. Когда вручал ему перед призывниками орден Красной Звезды, от волнения долго не мог произнести первую фразу. Это сколько же лиха хлебнул человек: потерял после взрыва душманской мины зрение, лишился левой ноги, рука, опять-таки левая, искалечена, едва ее сохранили врачи. Осколки во всем теле и по сей день ворочаются. А вот не сломался. Выстоял. Дело для себя нашел. Знаете, как его на работе называют? Комиссаром. Он и есть комиссар. Кремень-человек».

А вот рассказ первого секретаря Советского райкома партии города Орджоникидзе Л. М. Тотиковой: «Провели мы недавно совместно с комсомолией района и клубом воинов запаса во Дворце культуры «Электрон» вечер-встречу «Песня, рожденная в Афганистане». Весь аппарат райкома привела с собой. Зал набит битком, люди сидели на ступеньках. Все знали: вырученные средства пойдут на строительство мемориала павшим воинам-интернационалистам. Пригласили мы Сережу с женой: как же без него, члена совета клуба? Когда подносили микрофон, он сказал: «Я счастливый командир. Пока командовал ротой, в ней не погиб ни один солдат». Вот и размышляй, что же это такое, счастье человеческое?

Он говорил о счастье, умолчав о тех минутах, когда

был у последней грани отчаяния, когда задал себе вопрос: «А стоит ли жить на белом свете?»

Но были в жизни Сергея другие минуты и встречи. Когда первый раз в палату вошли родители, он по походке и по дыханию почувствовал это. И в первый вопрос, который он задал отцу, вложил всю свою боль: «Как мне жить дальше?» И отец сказал тогда простые, выстраданные поколениями слова: «По-человечески жить...»

Потом была у Сергея встреча с армейским ветераном Анатолием Михайловичем Ивановым, тоже потерявшим зрение. Тот не успокаивал, не говорил ободряющих слов, а сразу же начал объяснять азбуку Брайля. «Всесоюзное общество слепых, мы его называем ВОС, — говорил Иванов, — и учит таких, как мы с тобой, и работу предоставляет, и отдых организует».

Однажды госпиталь посетил адмирал Алексей Михайлович Калинин, возглавлявший в ту пору Черноморский флот. У кровати Сергея он задержался дольше обычного. Трагедия молодого воина-интернационалиста потрясла его. «Что я могу сделать для тебя, сынок? — спросил он тогда и успокоил. — Ты только духом не падай...» Вскоре Сергей Харченко был переведен в распоряжение командующего Черноморским флотом, ему в порядке исключения было присвоено воинское звание майор, хотя по штатной категории он не мог стать старшим офицером.

И пожалуй, самым добрым и самым значительным событием в его жизни стала любовь. Вот ведь как бывает — не глазами рассмотрел Сергей свое счастье, а сердцем увидел и почувствовал, кто может стать ему другом и опорой. Произошло это во время учебы в Институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов ВОС. Харченко занимался там на факультете организаторов промышленного производства. Светлана Петровна учила слушателей работать на печатной машинке. Показывая, как нужно располагать пальцы, она брала Сергея за руку, и это прикосновение каждый раз завораживало его, он чувствовал, как по всему телу разливается теплота.

Из Москвы в Орджоникидзе Сергей и Светлана ехали вдвоем. Началась полная тревог и забот жизнь. Сначала Харченко был надомником, собирал индикаторные отвертки. Затем получил назначение на должность заместителя директора учебно-производственного

предприятия. Он заботится не только о выполнении пла-
на, выступает перед рабочими, помогает им в решении
квартирных и других бытовых вопросов, участвует в ху-
дожественной самодеятельности, а вечерами много чи-
тает.

Заметки на полях

*Парни, в расцвете сил получившие увечья, — это общечелове-
ческая боль. Люди из разных стран и с разных континентов, поза-
быв про все языковые, таможенные и социальные барьеры, спеша
на выручку, делают все, чтобы облегчить участь ребят, оказав-
шихся в беде.*

*Министерство здравоохранения и социальных дел Чехослова-
кии приняло решение пригласить на лечение несколько сот совет-
ских воинов-интернационалистов, получивших тяжелые ранения в
Афганистане.*

*Для того чтобы оказать помощь в создании современных ре-
билитационных центров, в Советском Союзе побывали также веду-
щие специалисты по протезированию, врачи, психологи из Сан-
Франциско, Сан-Диего, штатов Орегон и Калифорния.*

*Группа из двадцати американских специалистов две неде-
работала в Москве и Ленинграде. Они выразили желание переда-
советским коллегам не только опыт, но и литературу, современну-
технологию, чертежи и оборудование для производства протезов
инвалидных колясок. Имеется также договоренность организова-
безвозмездно обучение советских специалистов американской техно-
логии как в СССР, так и на соответствующих предприятиях
США.*

*Американцы побывали в военном [illegible] имени Бурденко и
Военно-медицинской академии, встретились с специалистами по
протезированию из «Роспротезпрома», [illegible] кооперативов «Инва-
техника», «Ортотехника», «Целитель», «Протез».*

*Отметив конструктивные достоинства аппаратов, гости предло-
жили свою помощь в технологии их изготовления. Что это дает?
Например, Ленинградское протезно-ортопедическое объединение
выпускает в год только 15 тысяч протезов, в то время как амери-
канская технология позволяет производить столько же всего за
неделю. Сотрудничество медиков двух стран позволит улучшить
качество и ускорить выпуск протезов, что крайне необходимо для
воинов-интернационалистов, проходящих реабилитацию.*

*Беда, которую принес Афганистан, не осталась бедой само-
воинов-интернационалистов, не замкнулась криком отчаяния в их
семьях. Она взволновала умы и сердца миллионов людей. И не
только тех, кому по долгу службы положено лечить раны и при-
слушиваться к тревожным голосам...*

*Во Всесоюзном центре патологии речи проходят лечение «аф-
ганцы», пережившие особенно коварные ранения и контузии. Им
легко возвратить им утерянную способность общаться с помощью
голоса. Опытные специалисты во главе с профессором Виктором
Шкловским делают все возможное, чтобы вернуть парней в полно-
ценный трудовой ритм жизни. Напряженные часы лечения и тре-
нировок дают свои плоды, хотя возможности врачей ограничены
порой недостатком технических средств.*

И вот во Всесоюзный центр патологии речи прибыла делегация молодежи из Запорожья во главе с секретарем райкома комсомола Александром Бычкайло. В составе делегации был и слесарь завода «Искра» Александр Онищенко, воевавший в Афганистане и награжденный медалью «За боевые заслуги». Посланцы Украины привезли в подарок специалистам центра пятнадцать стереомагнитофонов «Весна». Изготовлены они по инициативе районного совета воинов-интернационалистов, а средства на оплату подарочных магнитофонов были собраны комсомольцами.

Посланцы Запорожья встретились с ребятами, проходящими лечение. Эти встречи заставили комсомольцев задуматься о трудных судьбах своих сверстников и боевых друзей. Некоторые из них не способны самостоятельно передвигаться, не могут разговаривать, читать и писать. Многие трудовые коллективы, выпускающие радиоаппаратуру и телевизоры, решили последовать примеру комсомольцев Запорожья. Центр патологии речи уже получил нужную для лечения аппаратуру на 10 тысяч рублей, и она продолжает поступать.

Побывали у «афганцев», проходящих курс лечения речи, представители рабочих из Волжска Марийской АССР. По решению советов трудовых коллективов и профсоюзных комитетов ряда предприятий на средства, полученные за сверхурочные работы, были приобретены три стереосистемы «Илеть-110 С» для центра патологии речи.

В составе делегации был Виталий Васягин, прошедший через Афганистан, а теперь работающий в Волжске регулировщиком радиоаппаратуры. С большой охотой и с волнением он помогал подключить новую стереосистему, которая поможет его боевым друзьям преодолеть недуг. И вскоре в помещении центра раздалась музыка, зазвучали песни «афганцев».

* * *

Сергей Пляскин в одном из боев на афганской земле был тяжело ранен. За мужество был награжден орденом Красной Звезды. Инвалидом первой группы вернулся он в родной дом, но в нем жила неудержимая тяга к жизни. Сергей стал студентом Читинского педагогического института, активным пропагандистом военных знаний, а когда городским советом профсоюзов и клубом инвалидов «Гефест» были организованы первые в истории Читы спортивные соревнования инвалидов с дефектами опорно-двигательного аппарата, студент Пляскин принял в них активное участие. В состязаниях по пулевой стрельбе ему не было равных.

Когда заботятся от души, всем миром, тогда появляются самые необычные формы помощи. И служба знакомств, и спортивные соревнования — все это не просто интересно, а жизненно важно для парней, ставших инвалидами в двадцать лет. И хорошо, что часть их боли общество взяло на себя, облегчая участь своих сыновей.

* * *

Немало говорится о всенародном долге перед воинами-интернационалистами. В чутком к себе отношении нуждаются инвалиды, все участники афганской войны.

Наиболее важной из всех забот об «афганцах» является забота о тех, кто получил в боях ранения и контузии, кто нуждается в

восстановлении своего здоровья. Ведь большинство воинов-интернационалистов — двадцатилетние парни, впереди у них большая жизнь. Вот почему заслуживают самого пристального внимания предложения «афганцев», касающиеся улучшения их медицинского, санаторно-курортного обслуживания:

обеспечить диспансеризацию воинов-интернационалистов, направив их на консультации и специализированное лечение в медицинские и санаторно-курортные учреждения, особое внимание обратить на группы спинальных больных, перенесших черепно-мозговые травмы и инфекционные заболевания;

создать сеть центров, кабинетов психологической разгрузки при медицинских и санаторно-курортных учреждениях, привлечь к этому ученых страны, использовать опыт специалистов зарубежных стран;

разрешить бесплатный проезд (туда и обратно) воинам-интернационалистам, направляемым на лечение в центры восстановительной терапии;

предоставить родителям погибших воинов-интернационалистов, остро нуждающимся в лечении, право на получение бесплатных путевок в центры восстановительной терапии, санаторно-курортные учреждения;

предусмотреть в инструкции ВТЭК положения, связанные с установлением категории инвалидности, наступившей в результате отдаленных последствий ранений, контузий. В этих случаях приравнять размер пенсии воинов-интернационалистов к размеру пенсии, установленной для лиц, ставших инвалидами в результате ранений, контузий, полученных в ходе боевых действий;

при отсутствии необходимых документов, подтверждающих, что инвалидность наступила вследствие ранения, контузии, заболевания, полученных при выполнении интернационального долга, разрешить применять в подобных случаях порядок, действующий для участников Великой Отечественной войны;

принять срочные меры по улучшению протезного производства в стране, используя новейшие разработки специалистов, достижения науки и техники, возможности размещения необходимых заказов на предприятиях среднего машиностроения и оборонной промышленности, сокращающих выпуск военной продукции;

организовать подготовку квалифицированных кадров специалистов ортопедической промышленности на базе вузов, техникумов, учебных заведений профессионально-технического образования;

выделить средства на приобретение импортного оборудования и комплектующих изделий для изготовления протезов, особенно нижних конечностей;

рассмотреть возможность создания совместно с ведущими зарубежными фирмами ортопедических предприятий;

учитывая низкое качество протезов, изготовляемых в настоящее время, развернуть в городах и районах широкую сеть ремонтных мастерских;

рассмотреть вопрос об увеличении размера пенсии инвалидам I группы: они нуждаются в постоянном уходе и, кроме пенсии, не имеют других источников материальных средств;

создать необходимые условия для использования труда инвалидов из числа воинов-интернационалистов на предприятиях, организовать их надомный труд. Предоставить право работающим инвалидам наряду с пенсией получать заработную плату без ограничений, независимо от вида пенсии.

Эти конкретные предложения «афганцев» были учтены и легли в основу постановления Президиума ВЦСПС «О задачах профсоюзов в связи с возвращением советских воинов из Республики Афганистан» (см. приложения).

3

...Письмо она ждала долго. Мучительно долго, не зная, что и подумать. Перед глазами все время стоял ее Константин, немного похудевший, загорелый и улыбающийся. Он приехал в отпуск, много рассказывал об Афганистане, о своих друзьях, весело шутил и все время уговаривал, чтобы Надежда за него не волновалась. Не так, мол, страшен черт, как его малюют, служба у него спокойная, а товарищи надежные. Но уехал... и будто потерял адрес. Ни слова, ни полслова. Неужели не соскучился по жене и дочурке. На него это было совсем не похоже. Значит, произошло что-то неожиданное и непредусмотренное. Там ведь горы, дорог нет. И потом эти бандиты, которых называют душманами. О самом страшном она думать боялась.

И вот наконец письмо. Адрес написан его почерком, но послано письмо из Киева. Предчувствуя неладное, быстро разорвала конверт, и строки заплясали перед глазами: «Ты молода, красива, вся жизнь у тебя впереди. Считай себя совершенно свободной, потому что на меня теперь страшно взглянуть...» Было два чувства. Тревога: «Да что же с ним случилось, если написал такое письмо?» И обида: «Как у него рука поднялась написать такое!» Тут же начала собираться в дорогу: «К нему! Быстрее к нему! Может, ему нужна моя помощь? Надо успокоить его, поддержать, дать ему надежду».

А забот — по горло. С кем оставить крошечную Настю? Как и где взять авиабилет от Омска до Киева? Время летнее, отпускников много, билеты проданы на две недели вперед. И не думала, что вокруг столько чутких и душевных людей. Одни с готовностью взяли на себя заботу о дочери, другие выхлопотали билет, третьи помогли собраться. И вот он — под крылом Киев. Спешила, а сердце сжималось от страха. Она ведь не знала, что скрывается за фразой: «Ты молода, красива...» Более определенными были слова, взятые в скобки: «Подорвался на мине», хотя звучали они зловеще.

К Константину уже приходили отец и мать, но появление жены он почувствовал сразу. Вот она стремительно пересекла комнату, приникла губами к той частичке щеки, которая не была забинтована, и зашептала с укоризной: «Как ты мог подумать... Родной мой, любимый... Я всегда буду рядом, что бы ни случилось...»

Сердце ее разрывалось. Она видела, как Косте больно и трудно, и чувствовала, что нужна ему в эти дни каждую минуту. А в Омске, за сотни километров от Киева, у чужих людей осталась Настенька. Как она там? Не заболела ли? Помощь оказали родители Константина, предложившие взять к себе внучку. Не раздумывая ни минуты, слетала за Настенькой, отвезла ее к Бороздиным, а сама вернулась к мужу. И только тут задумалась о своем положении. Она знала, что в госпитале Константину придется провести не один месяц. Где и как жить?

Выход помогли найти добрые люди. Начальник госпиталя помог ей устроиться на работу в столовую. Теперь Надежда была рядом с мужем. Развозила еду по палатам тяжелобольных, кормила их, мыла посуду, а свободное время проводила у кровати мужа. Никогда раньше они не разговаривали так много и увлеченно. Вспоминали свою первую встречу и свадьбу, небольшой гарнизон, где начинали семейную жизнь, офицеров и солдат.

Правда, когда первый раз заговорили о полковых делах, Константин вдруг сморщился, как от самой жестокой боли. Надежда поняла причину, начала успокаивать:

— Ты не думай, Костя, мы с тобой еще будем служить. И не с такими ранениями служат...

Говорила, хотя сама не верила своим словам. Какая служба без ноги и без глаза. Но Константину такие разговоры нравились, и она все чаще заводила их, выискивала в книгах и газетах рассказы о тех, кто находил в себе силы победить недуг и оставался в строю.

Видавшие виды врачи удивлялись, как неожиданно быстро начал выздоравливать Константин Бороздин. Будто есть у него какое-то неизвестное им чудодейственное лекарство. На шестой день после операции он уже встал и сделал первый шаг, потом потребовал костыли, а потом начал учиться ходить на протезах. Радуясь, Надя подзадоривала:

— Ну чем не солдат? Пиши рапорт.

Написал и удивился, как быстро пришел положительный ответ. Его оставили в рядах армии. Потом ему вручили орден Красного Знамени.

Когда Константину дали путевку в санаторий, он искренне удивился:

— Как же я без Надежды?

Начальник госпиталя понимающе улыбнулся:

— Без Надежды в санаторий ехать нельзя. Будем «выбивать» вторую путевку.

Он и семейную путевку «выбил», и направление в косметологическую лечебницу, а потом и в Научно-исследовательский институт косметологии для Константина достал.

— Человек такого мужества должен быть красивым, — говорил он.

В Москву Надя тоже поехала вместе с мужем, где, как и в Киеве, устроилась на работу в детскую поликлинику, а в свободное время опять была рядом с ним. И свершилось чудо. То ли тело у Константина оказалось приживчивым и мягким, то ли сказался опыт врачей, но они сумели восстановить ему и форму, и цвет лица. Вскоре семья уехала в гарнизон, куда офицер Бороздин получил назначение, а потом снова вернулась в Москву. Константин стал слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина. На первый официальный сбор в клуб академии пришли вместе. Товарищи Константина преподнесли Надежде цветы, а начальник академии назвал ее заботу о муже подвигом. Она смутилась и, опустив голову, прошептала:

— Какой же это подвиг. Это — любовь...

Изредка мне звонит Сулико Георгиевич Бердзиашвили. Самого его застать у телефона трудно, он работает в бригаде носильщиков на вокзале. Разговор у нас всегда о Георгии. Трудно парню: без ног остался, учеба, работа, семья.

— А как Оля? — спрашиваю Сулико Георгиевича.

— О! Оля! — даже по телефону нетрудно определить, как он забывает про все тревоги. — Такая женщина!

Когда с Георгием Бердзиашвили случилась беда, он старался реже думать об Ольге. Она ему не жена, и не станет женой. Разве решится молодая красивая девушка связать судьбу с парнем, потерявшим обе ноги? Даже любовь не будет в силах оправдать такую жерт-

ву. Да и не примет Георгий никакой жертвы. Грузинская горячая кровь не позволит ему сделать это.

Но чем больше старался он забыть Ольгу, тем отчетливее видел ее во сне и тем чаще вздыхал, оставаясь наедине. А тут еще пожилая нянечка разбередила душу, начала расспрашивать о семье, а потом рассказала о том, как она и ее подруги встречали возвращавшихся с войны искалеченных бойцов, как помогали им освоиться в новой жизни.

— Она ведь баба, все выдюжит. И на ноги поставит, и обласкает, и детей нарожает. А что человеку в жизни для счастья нужно? — рассуждала нянечка и требовала: — Напиши ей. Напиши, сынок, не мучай ни себя, ни ее.

Написал коротко, как пишут телеграммы. Ранен. Нахожусь в госпитале. Если есть желание приехать, сообщаю адрес... Она примчалась в тот же день, когда получила письмо. И хотя пропуска у нее не было, прошла через все охранные посты. Ее пропускали, видя, как взволнована эта девушка, повторяющая, как заклинание, что идет к мужу, доставленному из Афганистана. Говорила уверенно, и поэтому никто не усомнился, не спросил даже ее фамилию.

Радость Георгия была короткой. Пока Оля сидела у него в ногах, а точнее, там, где должны были находиться его ноги, сердце билось горячо и гулко. А ушла она, и все внутри подернулось холодом. «Больше не появится, — шептал ему чужой, но такой понятный голос. — Видел, как побледнела, когда поняла, что вместо ног пустота...» Он вздыхал и соглашался: «Конечно, не придет». Он даже родителям не писал, боялся убить мать одним своим видом. А тут чужая судьба.

Но в те минуты, когда его терзали тяжелые думы, Оля вернулась в Домодедово, вбежала в дом отца Георгия и с порога выдохнула: «Беда у нас, Сулико Георгиевич!» Вместе они подготовились, как сообщить страшную весть матери. А на другой день все втроем поехали в госпиталь.

С той поры дорога от Домодедова до Москвы стала привычной для Ольги. И госпиталь сделался своим. Она свободно проходила туда, приносила гостинцы, помогала нянечкам ухаживать за Георгием и за другими раненными. А когда возвращалась в свой поселок, сельчанки судачили соседки: «Он же безногий. Неужели замуж собралась?»

Оля только улыбалась.

Георгий долго не мог поверить, что у Ольги не мимутный порыв, что она приняла твердое решение связать с ним судьбу. А когда поверил, его трудно было узнать. Откуда только силы брались. И перевязки, и тренировки — все с охотой, стиснув зубы, с какой-то подчеркнутой самоотверженностью. Даже врачи удивлялись его настойчивости. А он улыбался в усы:

— Командир приказал.

Тут Георгий ничуть не лукавил и не преувеличивал. Он действительно получил письмо из Афганистана. Письмо не совсем обычное, без ожидаемых в таком положении соболезнований, по-мужски прямое и даже суровое. «Я особенно успокаивать тебя не буду, — писал командир разведывательной роты старший лейтенант Виктор Тудвасев. — У тебя, как говорится, голова на плечах, есть руки — так что еще можно горы свернуть. Главное — захотеть, а для этого нужно собрать свою волю в кулак. Если понадобится моя помощь — пиши, не стесняйся. Вот еще что. Я не успел сказать тебе, что ты представлен к государственной награде...»

Получил Бердзенишвили и коллективное письмо от сослуживцев. Они уже знали, как Георгий перенес операцию и что думает делать дальше. «Мы удивляемся твоей силе воли, — писали они. — Благодарим тебя за это от имени всей разведроты. Мы уверены, что ты не замкнешься в тоске, ведь ты грузин, а грузины народ неунывающий. А самое главное — ты разведчик. Не забывай об этом, разведывая свой прямой и честный путь в жизни».

Стоит собрать всю переписку Георгия, и получится целая повесть в письмах. Рядовой Олег Чепель одно из писем направил невесте своего боевого товарища: «Дорогая Ольга! Знаешь, когда с Герой стряслась беда, мы думали, что, кроме родителей и нас, он никому не будет нужен. Извини за такие глупые мысли. О Гере писать много не нужно — сама знаешь его не хуже нас. Когда он был с нами в роте, ценили его очень. Да и не только в роте. Сама знаешь, что награды даром не дают. Большое тебе, Ольга, спасибо за все от нашей роты».

Писали не только командиры, солдаты, писали и родители сослуживцев Георгия. Взволнованное письмо пришло из Ташкента от матери рядового Сергея Чеботарева. «Милый Герочка, — писала Валентина Григорь-

евна, — я очень рада, да и не только я, но и вся наша семья, что ты начал ходить. Я, когда получила твое письмо, даже поплакала, так было радостно, что ты встал с постели. На работе мне сказали: что ты так радуешься, как будто это твой сын? А знаешь, сынок, мне все время кажется, что ты действительно мой сын, нет того дня, чтобы я о тебе не вспоминала».

После долгих месяцев боли и страданий началась в жизни Георгия полоса радостных событий. В госпитале он сделал первые самостоятельные шаги. Там же ему был вручен орден Красной Звезды. Через месяц после возвращения домой состоялась его с Ольгой свадьба. Он получил автомобиль «Москвич» и гараж невдалеке от дома. Затем у него родился сын, им выделили отдельную трехкомнатную квартиру в новом доме. И, наконец, стал Георгий студентом, поступил в Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Заметки на полях

В Таллинне действует Всесоюзная служба знакомства для инвалидов. Со всех концов страны идут трое письма. Было среди них и такое: «Я честно выполнил свой интернациональный долг в Афганистане. Сейчас — полгода как из госпиталя. Врачи дали вторую группу инвалидности. Правда, обнадежили, что это не навсегда. Устроился на работу. И остался... один. Конечно, друзья навещают иногда, но в их глазах я вижу плохо скрытую жалость. А жалость мне не нужна. Хочу жить полнокровной жизнью, как все ребята. Когда уходил в армию, была у меня девушка. Обещала ждать — не дождалась. Я ее понимаю и не виню. А так хочется, чтобы рядом была подруга, с которой могли бы пройти бок о бок всю жизнь...»

Таллиннская служба знакомств называет себя «Надеждой» инвалидов она обслуживает бесплатно. Надежда особенно нужна этим людям, утратившим здоровье, но не потерявшим стремления к полнокровной счастливой жизни.

О любви не принято говорить вслух. Но бывает, наверное, происходит что-то такое, о чем невозможно молчать. Рядовой Олег Лисянский написал не о себе, но написал так, будто все, что взволновало его, случилось с ним самим: «Это произошло с моим другом Андреем Зубовым, после долгой разлуки ему посчастливилось встретить свою любимую девушку, но лучше бы этой встречи не было. Она не захотела говорить. А когда парень, пытаясь рассеять тучи, обнял любимую, она заявила: «Убери руки, они у тебя в крови...» И это солдату, кавалеру ордена Красной Звезды! Даже если не осталось любви, как можно бросить такие слова...»

В конце письма стоят три точки. Мысль не закончена. Или сам автор посчитал ненужным высказать те мысли, которые возникают, когда задумываешься над словами этой незнакомки. Откуда у нее эта фраза: «У тебя руки в крови...» Откуда такое неуважение не только к человеку, которого, наверно, любила, но и к его службе, к слову «афганец», которое уже приобрело весомое общественное звучание? Ведь ее парень выполнял свой воинский долг и выполнял хорошо, если награжден орденом. А она «увидела» только кровь и сказала об этом так, как говорят разве что о разбойниках с большой дороги.

И вот тут-то возникла другая мысль. А откуда она, совсем еще девчушка, могла узнать истинное лицо солдата, воюющего в Афганистане? Сама она в этой стране не была, в школьных учебниках нет ни строки ни об этой войне, ни об условиях ее возникновения. Значит, источником информации (а порою и дезинформации) являются кино, телевидение и печать. Какой же образ «афганца» можно увидеть иногда в художественном произведении или документальном кино? Вот каким изобразил его Олег Хандусь на страницах первой книжки «Урала» за 1988 год в рассказе «Он был мой самый лучший друг». Сначала у героя рассказа Лешки возникали сомнения в нужности и справедливости того, что делает, но недолго. «Потом уже нравилось врываться в чужие дома, сбивая прикладом замки, выламывая ударами сапога ветхие двери. Да что там! Просто стоять посреди улочки, возле пестрых лавок, уверенно расставив ноги, задержав пальцы на холодном металле автомата. Чувствовать на себе боязливые взгляды дехкан. В этом было нечто упоительное, пьянящее...»

Видимо, и такие, кто упивается властью, кто не прочь был ворваться в оставленный хозяевами магазин, были. Знаю и таких, для кого служба в Афганистане закончилась на скамье подсудимых. В семье, как говорится, не без урода. Их можно встретить среди гражданских и среди военных, в Афганистане и на нашей земле. И если бы Хандусь рисовал образ преступника, если бы рассказ был о быте воровской шайки, изображенная им сцепка не вызвала бы протеста. Но ведь он писал рассказ, давал обобщенный образ воина, выполняющего свой интернациональный долг.

Пытаюсь в роли хандусевского Лешки представить хоть кого-нибудь из тех, с кем познакомился на земле

Афганистана, и не могу. Не подходят они под нарисованный в рассказе образ. И все блокноты мои исписаны примерами другого рода...

Казалось бы, бог с ним, с Хандусем, с его Лешкой. Мало ли было нарисовано фальшивых образов, они не затмили и не затмят славы советского солдата. Но есть в рассказе и такая тревожная сценка уже из жизни в Советском Союзе. Бросая взгляды на сидящего в кафе молодого парня, официантка шепчет своей подруге: «Он вроде как служил в Афганистане... Иногда я его боюсь — такой убить может». И тут Олег Хандусь ничуть не фальшивит. Такого «афганца», какой нарисован в его рассказе, надо бояться. И не его ли имела в виду девушка, которая в лицо своему парню крикнула: «Убери руки, они у тебя в крови...»

Много разговоров вызвал фильм белорусских кинематографистов «Боль», посвященный парням, которые вернулись из Афганистана и которых привезли оттуда в цинковых гробах. Снято все без ретуши. Могила. Лицо матери, потерявшей в наши дни двух сыновей. Парень, оставшийся без руки. И не просто фразы, а выстраданные, рвущие душу его слова: «Я никому не верю уже...» И другие фразы, не придуманные, а взятые из жизни: «Нацепили «железки»... Подумаешь!» (Это «афганцу»). И еще ему же: «Дурак! Лучше бы ты в тюрьму пошел, чем калекой остался...»

Вскоре после показа этого фильма по телевидению был у меня разговор с одним из тех, кто мог бы стать его героем. В Афганистане он был сапером, подорвался на мине, потерял ногу. Мы сидели с ним на скамеечке лицом к Черному морю. Он задумчиво передвигал камешки своей «ходилкой», как называет неразлучную трость, тихо, но убедительно говорил:

— Знаете, многое в фильме показано правильно, а мне, честно скажу, было не столько больно, сколько стыдно. Представьте, я надену вместо брюк шорты, отстегну протез, усядусь здесь и выставлю свою культю. Все будет верно. Ноги у меня нет. Но что будут чувствовать люди? Уважение ко мне или сострадание? Нет, только отвращение. Важно и то, что показывают, что говорят, и то, как говорят и как показывают.

Чувство стыда, неловкости и недоумения было не только у него, но и у многих, кто видел этот фильм. О чем он? Об интернационализме? О мужестве и геро-

изме? О патриотических традициях? Нет, он только о боли, которая живет как бы сама по себе. В кадре молодой «афганец», отрешенным взглядом уставившийся в одну точку. Он рассказывает кошмарный, жуткий сон. И не надо быть врачом-психиатром, чтобы понять, что у парня произошел душевный надлом. Думаете, такого не было в Афганистане? Было. Считаете, что такого не бывает в мирной жизни? Бывает. Но никто ведь не пытается показать жизнь какой-то деревни или заводского коллектива, взяв за основу рассказ психически надломленного человека? Почему же сценаристы решили именно таким способом рассказывать о судьбе людей, прошедших через Афганистан?

В погоне за эффектом авторы фильма решили усилить «боль» с помощью священника. Батюшка, как и положено ему, говорит о милосердии и сострадании, а заодно недоумевает, почему ребят, погибших в Афганистане, хоронят не по христиански, в нераспечатанных гробах. Будто и невдомек ему (а также авторам фильма), что это не тела умерших, а останки солдат, погибших за тысячи километров от родных мест...

Мы разговаривали о фильме «Боль» с одним из тех, кто эту боль пережил, в ком она живет и будет жить, пока он способен ходить со своей «ходилкой». Он говорил о чувстве стыда, который пережил у экрана телевизора, а я думал о письмах Андрея Зубова и Олега Лисянского, о тех «афганцах», которым пришлось услышать жестокую и чудовищно несправедливую фразу: «У тебя руки в крови...»

И подумалось: а почему нет фильма, который можно было назвать словом «Верность». О тех девушках и женщинах, которые проявили величайшее мужество и терпение, не изменили любви, остались верными своим мужьям и друзьям, получившим тяжелые ранения в Афганистане. И рассказать бы о них без прикрас, показать их такими, какие они есть, — простыми, чуткими, добрыми, готовыми взвалить на свои плечи заботу о семьях и о мужьях, облегчить их страдания и боль. Героиней такого фильма могла стать и Надежда Бороздина, и Ольга Бердзенишвили, и десятки других прекрасных женщин. И кто знает: может, тогда не пришлось бы пережить глухую сердечную боль ни Андрею Зубову, ни его боевому другу Олегу Лисянскому.

4

Худенькая в цветастом платьице, больше похожая на подростка, она никак не вписывалась в окружающую ее толпу. Среди рослых широкоплечих солдат и офицеров выглядела случайно оброненным цветком. Сидела на краешке чемодана, изредка улыбалась, спокойно реагировала на многочисленные и порой неуклюжие комплименты. Провожающих около нее не было, видно, прилетела в Кабул на вертолете из какого-нибудь дальнего гарнизона. И невольно подумалось: «Какая сила занесла тебя сюда? Сидела бы дома, за маминой юбкой».

Солнце между тем решительно поднималось, а обещанного самолета не было. Аэропорта тоже не было. Все будущие пассажиры огромного лайнера расположились на краю летного поля.

Суматоха прощания сменилась томительным ожиданием. Последние провожающие разъехались по своим «точкам». Остались только те, кто улетал в Союз: уволенные в запас, отпускники и командированные. Жара допекала. Нечем было дышать, негде укрыться от беспощадно палящего солнца. А самолет все не появлялся.

Вот тут-то и оказалось, что девушка-подросток очень хорошо вписалась в обстановку. Вроде бы небольшая ее сумка, прислоненная к чемодану, оказалась сущим кладом. Одного девчушка угостила чаем из термоса, другому протянула лимон, третьему дала таблетку аспирина. Сама она будто бы не чувствовала ни жары, ни давящей усталости ожидания. И тут же возникла другая мысль: «Откуда у этой пигалицы столько сил и выносливости? Она что — железная?» Будто прочитав мои мысли, один из офицеров, бережно придерживающий загипсованную руку, сказал:

— Я ее знаю. Сестра милосердия.

Так и сказал: не медсестра, а сестра милосердия. И тут стало понятно, почему от нее веет духом уверенности и откуда у этой худенькой девушки столько сил и выдержки. В любой из войн было немало женщин, которые вместе с мужчинами брали на себя все тяготы фронта. Они под огнем выносили с поля боя раненых, обмывали их, обстирывали, помогали хирургам делать операции. И очень часто им приходилось рисковать жизнью...

Во время тяжелого боя с душманами в госпиталь

поступил десантник, раненный двумя гранатами. Одна из них оставила рваное отверстие, вторая вонзилась в плечо и застряла там, не разорвавшись. Создалась опасная и невероятно трудная ситуация. Надо было делать операцию, но малейшее неосторожное движение могло привести к взрыву. И задержка операции могла стать смертельной для десантника.

Не колеблясь, медицинский персонал госпиталя принял решение провести операцию. Готовились к ней с особенной тщательностью. Врачи и медсестры надели бронежилеты. На столе и около него появились бронещиты. Понимая, что операция будет не только опасной, но и трудной и долгой, сформировали две бригады.

Тринадцать часов в операционной шла борьба за жизнь солдата, и почти все это время на своем посту находилась медсестра Татьяна Воронцова.

Об опасности, которая грозила ей, она совсем забыла. Единственной и главной заботой была жизнь раненого. А она буквально висела на волоске. Семь раз останавливалось сердце солдата, и все семь раз, благодаря бдительности и умению врачей, его удавалось вернуть к работе.

Граната, словно испугавшись мужества людей, не взорвалась. Но Татьяна только на второй день, когда напряжение спало, а сердце несколько успокоилось, испытала чувство страха. И было еще одно чувство, которому трудно подыскать название, но оно возникает всякий раз, когда сделано что-то хорошее, нужное людям и очень важное для самой Татьяны.

Это чувство особым теплом отозвалось в душе, когда маленький Ала Амат открыл свои большие черные глаза и остановил взгляд на ней, хотя и не знал, что сближает его с этой красивой русской женщиной... Его привезли в советский госпиталь родители после того, как под ногой у мальчика прогремел взрыв душманской мины. Состояние шестилетнего паренька было очень тяжелым. Спасти его могло прямое переливание крови. Требовалось найти нужного донора. Но Татьяна сама подошла к врачу:

— У меня с раненым одна группа крови!

Чисто медицинская фраза приобрела вдруг какой-то особый важный смысл. У Татьяны Воронцовой с Али Аматом одна группа крови. Она из рабочей семьи, и его родители такие же простые труженики. Она родом из Волгограда, с улицы, носящей имя 64-й армии и на-

сквозь пронизанной памятью о войне, и маленький Али лицом к лицу столкнулся с войной.

Об этом Татьяна думала, когда ей вручали афганскую медаль «Воинская доблесть», об этом она говорила с делегатами XX съезда ВЛКСМ, куда была избрана воинами-«афганцами». И это же чувство заставило ее после возвращения в Волгоград прийти на донорский пункт. Не один и не два литра крови сдала Татьяна Воронцова, думая о раненых воинах и о таких пациентах, каким был Али Амат. У нее с ними одна группа крови...

Когда на экране телевизора появилась Татьяна Велигорская, мне показалось, что приходилось встречаться с ней в Афганистане, откуда шла передача. Может, от того, что виделись знакомые, легко узнаваемые места, а скорее, потому, что Татьяна чем-то неуловимо похожа и на Таню Воронцову, и на многих других медицинских сестер. Она рассказывала о своем детстве, о болезни, которую победила только с помощью врачей, о тренировках и занятиях физкультурой, о твердом решении стать медиком. В Афганистан она поехала, потому что привыкла оценивать жизнь мерой мужества. Стала операционной сестрой. Работа трудная. Каждый день нужно видеть кровь, боль и страдания, к которым невозможно привыкнуть. И вопрос, заданный во время беседы, показался даже бестактным:

— А испытываете ли радость?

Но Татьяна неожиданно улыбнулась и сказала:

— Самая большая радость и самая большая награда, когда раненый, казавшийся безнадежным, выздоравливает. У нас один парень полгода лежал, шесть операций перенес. И встал все-таки на ноги, поехал домой. Это для нас была самая большая радость.

— Первое время думала, не выдержу, уеду домой, — откровенно призналась медсестра Валентина Мельниченко. — А на кого их бросишь? Придешь из палаты после трудной операции, спрячешься в закуток, наплачешься и снова идешь к ним с улыбкой...

Об улыбке медсестры очень хорошо написал корреспондент «Красной звезды» Виктор Филатов после боя на афганской земле, свидетелем которого ему пришлось стать: «Возле дувала опять рвануло пылью и огнем. Кто-то упал, кто-то побежал. Отвлек еще близкий взрыв. Когда я снова увидел релейную машину, то возле ее колес лежали трое афганских солдат — окро-

вавленные, в изодранных одеждах. Над ними женщина быстро и ловко обрабатывала раны солдат, умело накладывала бинты. Кругом рвалось, а на губах ее я увидел... улыбку. Все, кто в тот момент суетился на нашем пятачке, видели вначале кровь, раны, женщину рядом и... ее улыбку. Если минуту назад еще мне было, скажем так, не по себе, то от вида улыбки этой светловолосой, красивой и ловкой женщины я устыдился. Я видел, как замедляли шаг и другие, как смущенно оставливались и возвращались на свое место, украдкой поглядывая на женщину. И вроде даже ракеты перестали залетать на наш пятачок.

Звали ее — Галина Васильевна Кислицина. Она медицинская сестра. Выпускница Яранского медучилища, что в Кировской области. Работала в детской больнице. В Афганистане уже второй год.

— Вы улыбались там, под обстрелом, почему? — спросил я.

— Ну кто-то ведь должен не суетиться, — смеялась она красивым смехом, и я понимал, что ей тоже страшно под обстрелом...

Они шли к раненым с улыбкой, понимая, что должны быть сильными, что парень, лежащий на носилках или на операционном столе, не выживет, если они дадут волю эмоциям, если потеряют веру в него и в себя. А им чаще всего было не до улыбок. Жили первое время в палатках. Днем в них было как в духовке: температура порой доходила до 60 градусов. Зато ночью начинался холод, и они по очереди бегали за углем, чтобы насытить прожорливую «буржуйку». Кормили их в столовой, где ассортимент блюд не менялся годами. И теперь, после Афганистана, при одном упоминании о кашах их мутит, а при виде рыбных консервов в томатном соусе у них начинается что-то вроде головокружения.

Но труднее всего была работа. Штаты медсанбатов и госпиталей укомплектовывались с расчетом на лечение травм, полученных во время учений. А там шла война. Раненых было много, работали и по восемь и по шестнадцать часов кряду. Не хватало бинтов, приходилось стирать использованные. Стирали и солдатское белье. А ранения были такие, что даже опытных медсестер порой неделями мучила бессонница.

Сестры и сами не были застрахованы ни от пуль, ни от осколков. Есть среди них и погибшие, и раненые. Они

делили с воинами-интернационалистами все пополам — и страх, и боль.

Многие из них награждены высокими государственными наградами.

Но вот они — фронтовые медсестры — вернулись домой. «Первым делом попыталась устроиться на работу, — написала из Липецка А. Ануфриева. — Нигде не брали. Начальник, который занимался нашей отправкой в Афганистан, сказал, чтобы я шла вон...» И еще одно письмо, наполненное горечью, от медсестры-анестезиолога Н. Дуплиной из Кызыла Тувинской АССР: «Сейчас часто слышишь: «Кто вас туда гнал? За большими деньгами ехали?» А мы даже и не знали, когда ехали, сколько будем получать. Да и о каких деньгах может идти речь, когда тебе только 21 и вся жизнь впереди?»

Конечно, легче всего отнести то, о чем написали сестры милосердия, к редким и постыдным явлениям, к издержкам воспитания и к политической незрелости некоторых граждан и руководителей. Но причина глубже, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что медсестры, побывавшие на войне в Афганистане, официально оказались как бы вне ее. Нет у них на руках никаких документов, подтверждающих то, что они тоже выполняли интернациональный долг, участвовали в этой войне. В трудовых книжках сделаны записи: время, должность... А местом работы названа полевая почта. И ни словом, ни намеком не сказано, где располагалась эта полевая почта и в каких условиях приходилось владелице трудовой книжки исполнять свои обязанности. Кто-то засекретил даже название ограниченного контингента советских войск в Афганистане. И только некоторые наиболее дальновидные командиры взяли на себя смелость и сделали в трудовых книжках запись, что медсестры работали в воинских частях, располагавшихся на афганской земле.

...Нина Тищенко служила фельдшером в инженерно-саперном батальоне.

Нередко во время их работы звучали взрывы. И тогда Нина срывалась с места и со своей неразлучной тяжелой сумкой бежала туда, где что-нибудь обязательно горело, а в воздухе висела пыль и пахло порохом. Она искала раненого и, не обращая внимания на свист пуль, делала перевязку.

А однажды ей пришлось отложить в сторону и бин-

ты, и лекарства, хотя рядом стонали раненые. Обстановка была критической. Душманы наседали, а ряды саперов редели. И тогда Нина припала к пулемету. Стреляла она расчетливо и умело, за что и была награждена медалью «За боевые заслуги». Именно за боевые, а не за успехи в медицинском обеспечении.

Была ей и еще одна награда за мужество. Во время очередного выхода в горы встретила она взгляд молодого офицера и сердце наполнилось таким чувством, какое испытывала каждый раз, когда видела весной цветение вишневого сада. Потом поняла, что и Игорь тянется к ней, становится добрее и мягче. Они встречались все чаще, пока не почувствовали, как им тяжело друг без друга. Это была любовь.

Свой брак Игорь Коцур и Нина Тищенко зарегистрировали в посольстве, а свадьбу справили с боевыми друзьями в палаточном городке.

Семья Коцур не единственная, а одна из тех, что были созданы на афганской земле. Комбат гвардии капитан Дмитрий Горбунов свою Нину встретил в кабульском госпитале. Они поженились, вместе вернулись на Родину. Но потом Дмитрия снова потянуло в Афганистан. И Нина, хорошо знающая обстановку в той стране, не отговаривала мужа. Дмитрий — человек особого мужества. Об этом говорят ордена Красного Знамени, Красной Звезды и афганский орден Звезды III степени, которых он удостоен. И сама Нина из Афганистана привезла медаль «За боевые заслуги» не для того, чтобы забыть об этой стране, о ее добрых людях, о зверствах душманов и о подвигах тысяч воинов-интернационалистов.

Вернувшись на Родину, сестры милосердия не потерялись. Они переписывались, искали и находили боевых подруг, обсуждали волнующие их проблемы. И постепенно рождалась, наполнялась содержанием сначала неясная, но желанная мысль о всесоюзной встрече медиков-интернационалистов, побывавших в Афганистане.

Врачи, медицинские сестры, фельдшеры собрались в Ташкенте, где сильнее всего ощущалось дыхание войны, гремящей в Афганистане. Слет длился пять дней. Конечно, медики-интернационалисты говорили и о своих проблемах, с которыми пришлось столкнуться, обсуждали опыт медицинского обеспечения войск в современной войне. Наше время поставило ряд серьезных вопросов перед военно-полевой хирургией. Таких вопросов,

которые не приходилось решать и во время Великой Отечественной войны, и в послевоенный период. Суть их в том, что среди раненых почти втрое возрастает число получивших ранения тяжелые. Правда, удалось усовершенствовать оказание медицинской помощи военнослужащим в полевых условиях. Для эвакуации раненых широко использовалась авиация, различная техника. Девяносто три процента раненых получали первую медицинскую помощь в течение тридцати минут. Первую врачебную помощь — в течение шести часов. Проделана большая работа по профилактике медицинских заболеваний. Вот почему назрела необходимость поделиться накопленным опытом, обобщить его, извлечь уроки из допущенных ошибок. Они тоже были.

С точки зрения статистики названные цифры выглядели благополучными. Но вдумаемся только в одну из них. Девяносто три процента раненых получали первую медицинскую помощь в течение тридцати минут... Попытаемся представить молодого парня, лежащего под палящим солнцем, зажимающего окровавленной рукой рану, и так становится жутко, что хочется крикнуть во весь голос: не должно быть ни процента, ни минут, медицинскую помощь необходимо предоставлять немедленно.

Вовсе не для того собрались медики-интернационалисты в Ташкенте, чтобы выбить для себя льготы, хотя и за это никто не вправе упрекнуть их. И не просто ради встречи людей, побывавших в разное время на афганской земле, хотя им есть что вспомнить и о чем поговорить. Но личные эмоции и переживания отступали на второй план, когда заходил разговор о проблемах медицинской и социальной реабилитации воинов, получивших ранения или перенесших тяжелые инфекционные заболевания и вернувшихся из Афганистана. Боль и забота о тех, кого они спасали на поле боя и выхаживали в госпиталях, звучали и в выступлениях с трибуны, и в интервью корреспондентам, и во время кулуарных разговоров.

Раненые «афганцы» нуждаются не только в особом внимании, но и в душевном понимании. Лучше всего это знают медики, побывавшие в Афганистане, видевшие условия, в которых пришлось жить и сражаться их подопечным. Общим одобрением участники слета встретили предложение о том, чтобы в открывающиеся центры медицинской реабилитации на работу принимали в

первую очередь тех врачей и медсестер, кто побывал на афганской земле. Там же, на слете, состоялся научно-практический семинар по проблемам медицинской реабилитации воинов-интернационалистов.

Вот о каких «льготах» для себя вели медики разговор в Ташкенте. И «привилегией», о которой мечтали они, была возможность сделать все необходимое для того, чтобы поставить на ноги раненых ребят, облегчить участь инвалидов.

Девчушка в цветастом платье, очень похожая на ту, что встретилась мне на кабульском аэродроме, сказала, что мечтает поехать на работу в центр реабилитации «афганцев», оставшихся инвалидами.

— Но вы живете в большом городе, у вас квартира. Неужели все бросите?

— Брошу. Это же наши мальчики. Ради них все брошу.

Это не громкая фраза, рассчитанная на публику, а крик души. Ведь это она, моя собеседница, сдерживая готовый вырваться ужас, часами стояла возле операционного стола, когда шла операция. Стояла в тазу с холодной водой, потому что жара достигала шестидесяти градусов и можно было потерять сознание. Но она крепилась, а затем еще отдала свою кровь, потому что жизнь раненого угасала на глазах. И потом, после операции, она неделями не отходила от своего кровного брата, радуясь его выздоровлению. А как радовалась, когда он делал первые шаги, когда наконец улетал домой, обещая писать.

И он писал. Но вдруг она почувствовала в письмах тревогу. Раны дают о себе знать, а в местной больнице нет ни умелых специалистов по огнестрельным ранам, ни нужных лекарств. К тому же много мучений с тяжелым и неудобным протезом. Ну может ли она, ставшая ему не просто сестрой милосердия, а родной сестрой, оставаться равнодушной? Удержится ли, чтобы не бросить все и не помчаться к нему облегчить его страдания?!

Они делают то, что могут сделать сегодня. Татьяна Воронцова сдает кровь, думая о тех, кто еще и сегодня стонет от ран. Сотрудники городской больницы из Александрии Кировоградской области, где работает медсестра Татьяна Бессараб, перечислили часть заработанных денег на строительство центра реабилитации воинов-интернационалистов.

Свои просьбы медики, побывавшие в Афганистане, излагали порой горячо, но с оговорками, извинениями, пониманием трудностей, которые испытывает наше здравоохранение. Они говорили о том, что год стажа работы в Афганистане резонно засчитывать за два, хорошо бы предоставлять медикам, ставшим инвалидами первой группы, вне очереди жилье, ставили вопрос о том, чтобы всех их официально признали медиками-интернационалистами. И эта последняя просьба звучала особенно убедительно. Ведь все они, врачи, медсестры и фельдшеры, были в Афганистане рядом с танкистами, мотострелками и артиллеристами, делили с ними невзгоды. У них, как верно выразился один из воинов-интернационалистов, одна группа крови.

5

Служебные пути-дороги свели меня со старым знакомым полковником Геннадием Лошкаревым. Он первым в Сухопутных войсках стал полным кавалером ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Строил мосты на Дальнем Востоке, разминировал дороги в Афганистане. Человек уже немолодой и вроде бы не очень общительный, он умеет найти неожиданный поворот в разговоре, поднять нетронутую проблему и просто и убедительно объяснить самый запутанный вопрос.

Вот и на этот раз Геннадий Константинович молча достал из портфеля портативный магнитофон, вставил кассету, сказал очень серьезно:

— Послушайте. Запись, правда, неважная.

Полилась ритмичная музыка, мужской баритон запел песню, слова которой показались знакомыми:

Поднималась зорька
Над хребтом горбатым,
Поднималось солнце
Сквозь туман проклятый.

И сразу вспомнилось... Афганистан. Длинные ряды выгоревших на солнце палаток. Дощатый домик, небольшая комнатка, до отказа набитая людьми, подполковник Валерий Климов с гитарой, его чуть хрипловатый голос:

Вот горячка прошла,
Вдоль палаток гуляем.
О Сибири родной
И о милых скучаем.

Десантники только что возвратились в палаточный городок после долгого марша. Они были в горах, поднимались по серпантину дорог на четырехкилометровую высоту, вели боевые машины по глубокому ущелью, как по лабиринту. Им пришлось обнаруживать и снимать коварные мины итальянского и английского производства, отстреливаться от душманов. Обо всем этом и пел Климов под мелодичный перебор гитары:

Цвета земли,
Лишь вы храните нежность
К рукам истресканным,
Держащим автомат.
Я сохраню
Родных полей безбрежность,
Как сохранил ее
Отец-солдат.

Помнится, я спросил у Валерия, кто автор слов и музыки исполняемых им произведений? Он отложил гитару и в наступившей тишине ответил:

— В основном приходится заниматься самодеятельностью. Иногда сочиняем мелодию, а чаще приспосабливаем современные песни, которые исполняют вокально-инструментальные ансамбли.

— А слова?

Валерий усмехается в выгоревшие на солнце усы:

— Здесь не все слова подходят. Вот Саша Стовба настоящие стихи писал. Жаль, мало успел сделать.

Лейтенант Александр Стовба погиб на земле Афганистана. За совершенный подвиг он награжден орденом Ленина. Осталась после него добрая память и небольшая книжечка. Тираж ее невелик, разошлась она быстро и до сих пор стихи, написанные Александром, кочуют из блокнота в блокнот, из одной записной книжки в другую.

Офицер-политработник майор Василий Донской закончил Киевское высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе. То самое училище, диплом которого получил Стовба. Но со стихами Александра Василий познакомился уже после гибели поэта. И долго не мог успокоиться. Строки звучали в самом сердце, требовали музыки. И майор Донской, имеющий музыкальное образование, начал писать песни. Одна за другой ложились на музыку стихи Стовбы: «Здравствуй, мама!», «Раздумье», «Ты помнишь, товарищ...» Эти песни первыми разучили и исполнили пионеры отряда

имени А. Стовбы из 75-й средней школы города Риги.

...А гитара Валерия Климова уже пошла по кругу. Пели о боях с «духами», о погибших друзьях, о тоске по любимым.

Бой гремел в окрестностях Кабула,
Ночь светилась всплесками огня...
Не сломало нас и не согнуло, —
Видно, люди крепче, чем броня.

Мне бы записать все, что услышал в тот вечер, а я даже не вытащил блокнот. Пугающе и крамольно звучали для меня, прибывшего в командировку, слова такой обнаженной откровенности. Ведь мы тогда делали вид, что в Афганистане нет войны, что небольшая группа советских войск только присутствует там: наши воины строят дороги, проводят электричество, ведут беседы с жителями кишлаков и лишь иногда по их просьбе обезвреживают мины. Слово «бой» мы брали в кавычки, душманов именовали условным противником. А десантники, вернувшись с задания, пели без кавычек:

С пулею раскрученной
В седине виска
Друг ладонью скрюченной
Ловит горсть песка...

Может быть, в «модуле» — солдатском домике — пели другую песню, но очень похожую на эту. Ребята, побывавшие в настоящем бою, будто укоряли меня и убеждали:

Шли сегодня танки без привала
С грохотом осколков на броне.
Здесь учений нет и радуг мало,
В этой необъявленной войне.

Можно позавидовать подполковнику Петру Ивановичу Ткаченко, который уже тогда обратил внимание на эти самодеятельные песни и начал собирать их. Через мглу и туман застойных лет он сумел увидеть и почувствовать очищающее время перестройки. Сегодня мы откровенно говорим о том, что было и что происходило в Афганистане, говорим о погибших, о судьбе раненых, о настоящем мужестве воинов-интернационалистов. И услышали наконец, о чем пели наши ребята в Афганистане:

Пожелай, пожелай, командир,
Чтоб удача нам не изменила,
Чтобы в памяти чьей-то всегда
Наше место не занято было,

Чтобы нас ожидала семья
И чтоб Родина нас не забыла.

Эти песни звучат теперь в программе «На службе Отечеству», на конкурсе «Когда поют солдаты», в концертах, с пластинок «Мелодии». Доверительно откровенные, правдивые, лишенные рисовки и искусственности, они особенно нравятся молодежи. Тысячи юношей, готовящих себя к армейской службе, имеют дома пластинки или кассеты с «афганскими» песнями, переписывают их в блокноты, учатся петь под гитару. О том, как рождались такие песни, рассказал поэт и композитор генерал-майор Виктор Куценко:

Просвистела пуля — он не слышал,
И пробито сердце напролет.
Песня до конца его не вышла —
Строчки в ней одной не достает.
Песни пусть его чуть-чуть корявы,
Рифмы, ритмы малость не сошлись,
Но в стихах о Родине, о славе
Кровью сердца строчки запеклись.

Слова и ноты этой песни Виктора Куценко напечатаны в сборнике «Время выбрало нас»[1]. В книге собраны самодеятельные песни неизвестных авторов, которые можно назвать народными, а также песни на стихи армейских поэтов. Среди авторов и лейтенант Александр Стовба. Это он написал:

Время — незримый судья
И за свободу борец.
Требуй и ты от себя
Правды о жизни, певец.

Там, в горах Гиндукуша, ценность песни измерялась иными мерками, чем здесь, в мирных условиях. Об этом написал и Иосиф Кобзон, вернувшийся в сентябре 1987 года из шестой поездки по Афганистану: «...Я ехал и думал: «Что же захотят услышать ребята?» К тому времени я проработал на эстраде 20 лет, много раз пел для молодых солдат и предполагал, что они захотят услышать песни «С чего начинается Родина», «А я в Россию домой хочу», «Бери шинель»... Так оно и было. Их просьбы и записки трогали до слез. Подошел паренек как-то и говорит:

— Спойте, пожалуйста, «Ты же выжил, солдат!»...

[1] Время выбрало нас: Песни, рожденные в Афганистане. М.: Воениздат, 1988.

А я всегда разговариваю с ними во время концерта. Вот и спрашиваю:

— Скажи, откуда ты приехал?

— С Украины, — отвечает.

— А какие ты песни любил тогда, в своей невоенной жизни?

— Разные.

— А если бы я приехал к тебе в Херсон до службы, ты попросил бы меня спеть эту песню?

— Наверное, нет, — ответил парень, подумав.

Значит, все-таки есть особые песни, которые нужны человеку, когда от него требуется особое мужество, в сущности даже героизм. Когда он познал чувство фронтовой дружбы и заглянул в глаза смерти, когда все лишнее и мелкое, что могло бы с годами закрепиться в его душе, выжигается опасностью, помноженной на обостренное чувство воинского долга... Бойцы из Афганистана живут по другим нравственным меркам. Возвращаясь, они держатся друг за друга, потому что атмосфера сурового и благородного воинского братства несовместима с нечестностью, общественной глухотой, карьеризмом, рвачеством, с которыми им приходится лицом к лицу столкнуться в мирной жизни.

Почему же мы до сих пор не попросили их самих рассказать о том, что такое для них Родина, в чем они видели и видят свой долг перед ней? Уверяю вас, что молодой человек, который до службы в Афганистане не отрывался от наушников, там стал другим. Невероятная аудитория. Споем еще, споем о Родине, о маме, о любимой».

И может быть, мы наконец прислушаемся к тому, о чем пели и поют «афганцы». Их песни вышли вместе с ними из боя и вернулись на Родину. Они рассказывают о самом сокровенном, затрагивая живые струны души. Они поют о себе, о простых и обыденных эпизодах войны, в которой им пришлось участвовать, а слышатся рассуждения о смысле жизни.

И вот опять летим
мы на задание,
Режут небо кромки
лопастей,
А внизу земля
Афганистания
Разлеглась в квадратиках
полей.

И кому судьба такая
выпадет,
Предсказать пока что
не берись.
Нам не всем ракетой
красной высветят
Право на посадку
и на жизнь.

Эту песню написал и исполнил Игорь Морозов, который служил в Афганистане вместе с лейтенантом Вадимом Бураго, погибшим вертолетчиком. Вскоре умерла и жена Вадима Нина. И остался на руках у дедушки и бабушки в Подмосковном поселке Вострякове сирота-мальчишка Вадим Вадимович Бураго. Ему и посвятил свою песню Игорь Морозов.

У каждой песни, рожденной в Афганистане, своя биография и судьба. Они переплелись с биографиями и судьбами авторов и исполнителей очень тесно. Они единое целое, потому что вместе были на далекой войне, сражались, страдали и радовались.

Отец Валерия Буркова был профессиональным военным. Он любил жизнь, хорошо играл на гитаре, сочинял стихи и пел песни. Даже когда полковник Анатолий Иванович Бурков служил в Афганистане, от него приходили веселые и жизнерадостные письма. Правда, в октябре 1982 года он прислал сыну стихи, в которых звучала тревога и которые оказались пророческими:

Я горел, и горю, и сгораю...
Но не будет стыда за меня...

Вслед за этим письмом пришло сообщение о том, что полковник Бурков погиб смертью храбрых во время выполнения боевого задания.

Говорят, что сыновья характером похожи на своих отцов. Валерий Бурков сделал все, чтобы с честью пронести дальше эстафету мужества, переданную в его руки. Военная судьба привела его туда, где сражался и погиб отец. Он во всем повторял его: играл на гитаре, писал стихи, пел. И также, как отец, был бесстрашен в бою. Во время одного из многочисленных выходов на задание Валерий получил тяжелое ранение, лишившись обеих ног.

Нужен железный характер, чтобы на госпитальной койке дать клятву научиться не только ходить, но и плясать на протезах. И надо иметь стальную волю, чтобы остаться в воинском строю, сплясать на своей свадь-

бе и закончить Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. Сейчас майора Буркова можно увидеть и услышать во время концертов. Он входит на сцену уверенным, слегка пружинящим шагом, трогает струны гитары и поет. Поет об Афганистане, о своих друзьях, о себе, об отце. И всякий раз, когда объявляется песня «Помянем павших», зрители встают.

Может быть, это покажется неожиданным, но именно афганские песни стали так популярны среди молодежи.

Конечно, есть и поп-музыка. Но оказалось, что многие двадцатилетние парни тянутся к другим мелодиям. Вот что сказала известная певица Эдита Пьеха, не раз побывавшая в Афганистане и награжденная афганским орденом Дружбы народов. На вопрос, что она пела воинам-интернационалистам, Эдита Станиславовна ответила:

— В основном то, что просили зрители. Каждый день во время концертов я получала записки: «Мы уходим на боевое задание. Исполните нашу любимую песню». Чаще всего это были «Надежда», «Огромное небо», «Мама». А вообще-то просили больше всего спеть те песни, в которых есть заряд мужества, силы, — они очень нужны были людям, чьим уделом стали трудные бои...

Из каждой поездки я везла с собой десятки писем, которые наши бойцы-интернационалисты передавали родным и друзьям. Номера телефонов, по которым надо позвонить и сказать такие простые слова: ваш сын, брат, муж жив-здоров, на днях я его видела. Но сколько счастья вызывают эти слова! Понять это по-настоящему могут, кроме «афганских» матерей, жен, лишь те, кто когда-то ждал писем с фронта.

И не только по телефону — прямо со сцены на концертах, в микрофоны радио повторяла я эти слова от тех, чьим местом службы стал Афганистан, тем, для кого название этой страны стало и болью, и надеждой...

«Афганские» песни не сочинялись у роялей, в тишине кабинетов, а рождались во время трудных походов, на привалах, в минуты короткого солдатского отдыха. Их бесхитростные, подкупающие откровенностью слова переписывали из блокнота в блокнот, напевали у костров, порой приспосабливая под них хорошо знакомую и популярную музыку. Важную роль в популяризации «афганских» песен играет самодеятельный вокально-ин-

струментальный ансамбль «Каскад». Он был создан в 1980 году, вскоре после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, в одной из его воинских частей. Позже этот коллектив возглавил военный дирижер майор Александр Колесников. Участники «Каскада» много сделали для сбора, обработки и популяризации боевой «афганской» песни.

Воины-интернационалисты пели о мужестве своих друзей, о трудностях, с которыми они столкнулись в горах Гиндукуша, об отваге, о любви к Родине. Они рассказывали о верности своих подруг, скорбили по погибшим, ругали душманов и проклинали войну. Казалось, это их боль и страдания, их думы и надежды. Но «афганские» песни неожиданно подхватили подростки. Что-то незримое и необъяснимое объединяло мальчишек с воинами-интернационалистами; их думы созвучны «афганским» песням, они мечтали о подвигах, хотели быть похожими на своих старших братьев.

Ташкентская студия Всесоюзной фирмы «Мелодия», проявив оперативность, выпустила первые четыре диска с записями «афганских» песен. И зазвучали с пластинок рвущие душу слова:

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной
земле
Спят тревожно русские
солдаты.
...Так что ты, кукушка,
погоди
Мне дарить чужую долю
чью-то.
У солдата вечность
впереди,
Ты ее со старостью
не путай.

В апреле 1985 года на земле Афганистана погиб десантник Виктор Тарасов. Немного успел он сделать за свою короткую жизнь. Закончил восемь классов и киномеханикум в Алма-Ате, вступил в комсомол, научился прыгать с парашютом. Но осталось после него большое богатство — его стихи, его мысли. Они звучат и будут долго звучать, потому что слышится в них наказ всем живущим:

Если слезы не лил
от обиды и зла,

Если с горя и боли
не плакал ни разу,
Значит, ты не любил
никого, никогда,
Принимая любовь
за красивую фразу.
Если кожу ты с рук
никогда не срывал,
Если ссадин и крови
не видел на теле,
Значит, ты не боролся,
не рисковал,
сам себя не познал
ты в рискованном деле.
Если прожил ты жизнь
для себя самого,
Схоронясь от невзгоды
в уютной квартире,
Значит, жизнь ты прожил,
не понял ничего,
Значит, ты и не жил
в этом сказочном мире.

Стихи Виктора Тарасова еще ждут своего композитора, но они достойны стать песней. В них во весь рост встает положительный герой, по которому тоскует молодежь, тот самый герой, кого интересуют не модные джинсы, не танцы в стиле рока, не количество металлических побрякушек на одежде и теле, а волнует смысл самой жизни.

ДОЛГ И ДОЛГИ НАШИ

I

В селе Верх-Ирмень — белые домики с высокими черепичными крышами, цветы в палисадниках, красивая двухэтажная школа, длинные приземистые здания молочнотоварных ферм. Фанна Егоровна Демакова, коротко отвечая на поклоны встречных, торопится в контору. Услышала голос соседки:

— От Саши-то письма не было?

Письма из Афганистана Фанна Егоровна получала регулярно и перечитывала их по нескольку раз. Почти наизусть помнила каждую строку, написанную сыном. Зная, как может тревожиться материнское сердце, Александр успокаивал: «Мамочка, возможно, от меня долго не будет писем — почта идет через Кабул, а там нелетная погода. В горах всегда так: то солнце, то закрутит, завертит. Не волнуйся, как говорят мои афганские друзья, все будет «хуб» — хорошо, значит».

А вечером к Демаковым зашла Алла, вместе с матерью Александра пили чай, обсуждали, что говорилось о событиях в Афганистане в программе «Время», подсчитывали, сколько дней осталось до приезда Саши в отпуск. Потому что все знали — сразу, как только приедет в Верх-Ирмень сын Демаковых, будет свадьба, о которой в шутку поговаривали еще тогда, когда Алла и Саша учились в пятом классе.

...В разговоре с Фанной Егоровной пропадает ощущение времени. Будто не было у нее горьких лет, прожитых без сына. И не было того жестокого боя на афганской земле, не свистели пули, не рвались гранаты. И жив ее сын, поэтому она и говорит: «Саша сказал...», «Саша пишет...» Будто сказал только вчера, а письмо она получила сегодня. И в гардеробе матери висит на плечиках мундир лейтенанта с погонами, Звездой Героя, орденами Ленина и Красной Звезды. Так и кажется, что сейчас он войдет со двора в ладно сидящем спортивном костюме и скажет: «А мне, мам, пора на

службу». И, переодевшись, подойдет, чтобы поцело-
вать ее.

— Сашенька вырос у меня такой ласковый и доб-
рый, — говорит Фанна Егоровна, — я куда меньше да-
ла ему любви и внимания, чем он мне.

Он рос, как и все дети. В школе учился хорошо, на-
верное, мог бы стать круглым отличником, но слишком
много времени отдавал общественной работе, помогал
отстающим. Без него не проходило ни одно спортивное
соревнование. Имел разряд по лыжам, баскетболу и
хоккею, увлекался городками, был даже награжден
знаком «Отличный стрелок». Часто Александр защищал
честь школы на районных спартакиадах, а в военно-
спортивной игре «Орленок» ему непременно поручались
командирские обязанности.

«Орлята», изучая историю своего села, заинтере-
совались судьбой Героя Советского Союза Алексея Га-
ранина. Кропотливо собирали материалы и документы,
касающиеся его жизни. Александру хотелось побольше
узнать о своем земляке. И вместе с несколькими това-
рищами он побывал в Новосибирске у матери Алексея
Гаранина. Узнали, что военно-авиационную школу Алек-
сей закончил всего за год до начала войны, что был
он добрым, открытым парнем, активным комсомольцем,
а на второй день войны вступил в члены партии. Погиб
Алексей Гаранин в 1943 году под Оршей. Его машина
была подбита и загорелась во время захода на цель.
Бомбардировщик еще способен был держаться в возду-
хе, у экипажа имелась возможность воспользоваться па-
рашютами. Но тяжелая машина, не свернув с курса,
взорвалась там, куда должны были упасть бомбы.

Демаков никогда и никому не признавался, что меч-
тает стать похожим на Алексея Гаранина. Но получа-
лось так, что шел он дорогой своего знаменитого зем-
ляка...

В школе Александр увлекся литературой о русских
и советских полководцах, поэтому читал мемуары и вос-
поминания о войне, изучал историю битв и сражений.
Особенно нравился ему Георгий Константинович Жу-
ков, у которого он ценил полководческий талант и во-
левой характер.

Товарищи видели в Александре Демакове лидера,
тянулись к нему, а сам он не считал себя вожаком, не
любил выделяться, командовать. Все его лидерство за-
ключалось в том, что он не боялся брать на себя чуть

больше ответственности, чем остальные, и исполнять самые трудные дела, не отказываясь в школе ни от каких общественных поручений. Фаина Егоровна вспоминает, как в октябре 1976 года, накануне своего шестнадцатилетия, Александр пришел из школы какой-то повзрослевший, сияющий. Он стал комсомольцем!

Мать решила, что наступил хороший момент поговорить с сыном о его планах. Летом Александр работал в колхозе «Большевик», ему нравилась профессия механизатора. И Фаина Егоровна хотела помочь Саше советом. Но оказалось, что у него все давно обдумано.

— Поеду в Новосибирск, в военно-политическое училище, — сказал он и спросил с улыбкой: — Ты, мама, хочешь, чтобы твой сын стал настоящим офицером, не правда ли?

Она не думала об этом, хотя выросла в семье, где все мужчины воевали, а брат отца, Петр Максимович Котельников, был офицером. Знала, что быть военным нелегко, но отговаривать сына не стала, привыкла доверять ему.

Через год Саша закончил школу и стал курсантом. Это время в памяти Фаины Егоровны отпечаталось частыми встречами, каждая из которых была страничкой взросления и мужания сына.

Училище Александр Демаков закончил с красным дипломом. За двадцать восемь предметов из двадцати девяти получил отличные оценки, и государственные экзамены сдал на отлично. Матери было приятно слышать об этом, но ее больше радовало, как ладно сидит на сыне офицерская форма, каким повзрослевшим выглядит он. Боялась даже, что Саша уже не будет таким ласковым и откровенным с ней. А он, будто прочитав ее мысли, целовал ей руки и заверял:

— Я тебе, мама, буду часто писать из Афганистана.

— Из Афганистана?

— Да, часть, куда меня назначили, находится там. Но ты не волнуйся, все будет хорошо.

Он был верен своему слову. Письма Фаина Егоровна получала часто. И хотя они преодолевали тысячи километров, матери казалось, что в бумаге и чернилах сохранилось тепло Сашиного дыхания: «Дорогая моя мамочка! Как ты живешь, как твое здоровье? Береги себя, ты у меня единственная. У нас все нормально. Погода стоит чудесная. Тепло и не жарко. Растет вокруг нас лучок зеленый, наверное, дикий, но ничем не отличается

от домашнего. Высылаю фото своих друзей. И посмотри, какие орлята рядом с нами живут — их тут сотни...»

Мать смотрела на улыбающихся ребят, на стоявшие вдали белоголовые горы, на мирно сидящих птиц и на душе у нее становилось спокойнее. Не могла она представить, что с ее сыном и с его ребятами может случиться беда, что наступит момент, когда величаво угрюмые горы содрогнутся от взрывов, а автоматные очереди вспугнут мирно сидящих орлят. Она и сейчас не может представить, как 21 апреля 1982 года у далекого кишлака Рудод разразился тот короткий и жестокий бой, как Саша выдернул чеку гранаты. Не верит тому, что произошло, хотя перед нею лежат письма Сашиных боевых друзей, в которых рассказывается о службе и о подвиге ее сына.

Из афганского блокнота

Душманы выныривали из у[illegible]ей, поливая свинцом небольшой клочок земли, на котором [illegible] оборону всего одно отделение во главе с советским лей[illegible]том. Силы были неравными. Александр понимал, что назад ну[illegible] Продержаться до подхода подкрепления они тоже вряд [illegible]ут. Оставался единственный путь — по арыку, а затем вдоль [illegible] навстречу колонне. Но бандиты уже сосредоточились за [illegible] бугром, не позволяя выйти из ловушки.

— Всем по-пластунски к арыку! — громко скомандовал Демаков. — Я задержу их.

Валиев было рванулся к нему, лег рядом, но лейтенант властно повторил:

— Я сказал — всем! — затем уже мягче добавил: — Только оставь, Фердинат, гранаты.

Увидев, что лейтенант уже не изменит своего решения, Валиев положил у правой руки Демакова все четыре гранаты.

— Быстро отходите! Я придержу их, а потом оторвусь от погони.

Александр понимал, как мало у него на это шансов, но он знал, что в создавшейся критической ситуации нужен неожиданный и точно рассчитанный удар, который заставил бы душманов остановиться на бегу, прижаться к земле. Только ошеломив банду, можно было выиграть драгоценные секунды, позволив группе оторваться от преследования. Ошеломляющим мог стать бросок гранаты, сделанный в тот момент, когда упоенные погоней душманы уверенные, что отход начали все советские воины, поравняются с тем местом, где у замшелого валуна лежал Демаков. Другого пути у душманов нет. Справа обрыв, слева длинный полуразрушенный дувал. Только в эту горловину рванутся они, и только здесь можно дольше всего задержать их.

Демаков ни на секунду не усомнился, что тем человеком, который должен взять на себя выполнение самой рискованной задачи, является он сам. Одно его слово — и на его месте остался бы Ниякин, с готовностью сжал бы в руке гранату Валиев, не зако-

лебался бы Ягофаров. В данной ситуации нужна была железная выдержка, способность точно определить расстояние, выбрать момент для броска. И все они готовы были действовать спокойно и точно. Но право на смертельный риск командир все же оставил за собой.

...А душманы уже рядом, уже слышен топот ног, отчетливо звучали гортанные крики, видимо призывающие ускорить преследование. Александр, неподвижно застывший за валуном, наблюдал за надвигающимися тенями. «Покучнее бы!» — мелькает мысль, но ждать некогда. Размахнувшись, он бросил гранату. Прогремел усиленный и многократно повторенный в горах взрыв, мелкие камешки градом осели на землю. Тени исчезали, но через минуту приближались снова, однако уже более осторожно, прижимаясь к земле, держась подальше от валуна, за которым залег Александр.

Еще одна граната отбросила душманов назад. Но почему так тяжело дышать? Почему тело будто наливается свинцом и слипаются тяжелые веки? Отчего затуманен взгляд? Да ведь он ранен. Куда? Хватается за грудь — на руке кровь. И нога в крови. Нет, вырваться уже не удастся. Собрав последние силы, Демаков бросает третью гранату. Она взрывается совсем рядом, осколки визжат над головой, каменный ливень пробегает по всему телу. Рацция доносит далекий голос Федяшина: «Держись, Саша, мы рядом!» Но он понимает, что друзья уже не успеют. И нет в этом их вины. Они делают все, что в человеческих силах, но обстоятельства оказались сильнее их.

Чуть приподнявшись, уже отчетливо различая бегущие фигурки душманов, Демаков ослабевший от потери крови рукой включил передатчик: «Командир... Одна граната осталась. Передайте всем: погибаю как советский человек!»

Последний взрыв гранаты хорошо слышали все, кто спешил на помощь Демакову. В критический миг он совершил свой священный подвиг. Он отдал жизнь во имя жизни других, до конца выполнил свой воинский, партийный и интернациональный долг. Это было 21 апреля 1982 года.

«Выполняя интернациональный долг, — пишут комсомольцы части, в которой служил Александр, — гвардии лейтенант А. И. Демаков проявил себя исключительно храбрым и отважным офицером-политработником... В одном из боев он лично уничтожил несколько бандитов, а четырех — в том числе главаря банды — взял в плен. Было захвачено три гранатомета и пятнадцать единиц оружия китайского и американского производства, а также боеприпасы к ним... Будучи заместителем командира подразделения по политчасти, гвардии лейтенант А. И. Демаков много внимания уделял воспитанию личного состава. Солдаты его любили...»

«... Саша был мне очень близким человеком, — сообщает лейтенант Александр Тарнакин. — Своей жизнерадостностью он воодушевлял нас. Саша любил Родину, как мать, и отдал во имя всего этого свою короткую, но яркую жизнь. Я целую ваши материнские руки

в благодарность за воспитание такого прекрасного человека».

Из деревни Араши, расположенной в Рыбно-Слободском районе Татарии, пришло письмо от Фердината Валиева: «Саша, командир наш, подбадривая нас, крикнул бандитам: «Советские солдаты не сдаются!» Но нас было мало, а их, бандитов, много. А. И. Демаков дал нам приказ выходить из окружения. А сам, тяжело раненный, стал прикрывать нас. Погибая, он попросил меня написать письмо домой. Рассказать, как он погиб и о том, как любил Родину, родных, друзей, школьных товарищей и учителей...»

Фаина Егоровна редко берет в руки эти письма, потому что есть в них слова, которые никак не принимает материнское сердце. «Саша был...», «Гвардии лейтенант А. И. Демаков уделял...», «Солдаты любили его...» Чаще мать перечитывает те письма и документы, где о сыне говорится в настоящем времени.

Из Абакана комсомольцы трикотажной фабрики сообщили, что Александр Д[illegible]ков стал членом одной из бригад, а заработанные деньги перечисляются в Фонд мира. В свои ряды зачислили Александра водители Ордынского автомобильного предприятия «Транссельхозтехника». Студенты НЭТИ, выезжавшие в летний лагерь, включили Героя Советского Союза А. И. Демакова в свой стройотряд, а причитающиеся ему деньги отдали детскому дому № 1 Новосибирска. Таких писем много. Они поддерживают веру матери в то, что ее сын жив, он трудится, заботится о мире, помогает детям.

Фаина Егоровна ведет большую переписку. Письма приходят к ней со всех концов страны. Одни короткие, похожие на рапорт. Другие пространные, с подробностями, с размышлениями о Родине, о долге, о подвиге.

Курсант Львовского высшего военно-политического училища младший сержант Сергей Тимашов от имени своих товарищей, будущих политработников, пишет: «Фаина Егоровна, мы будем всегда верны воинскому долгу, будем любить Родину и помнить подвиг Героя Советского Союза А. И. Демакова. Это точно, Фаина Егоровна, верьте в нас».

Ирина Ивановна Хрипко, классный руководитель шестого класса из 87-й школы Запорожья обращается к Фаине Егоровне с просьбой: «Если у вас есть фотография Саши, пришлите нам и напишите несколько строк о нем. Мы занесем все это в школьную Книгу героев,

будем помнить о подвиге Вашего сына, рассказывать о нем. Имя Героя Советского Союза А. И. Демакова носит наша дружина, у нас регулярно проводятся сборы, посвященные Александру».

А вот взволнованное письмо из поселка Туманного Мурманской области от учительницы английского языка Лилии Николаевны Волосковой: «Сердечное спасибо за то, что нашли время и написали нам письмо. Вы даже не представляете, как рады были ребята, когда я им принесла письмо от мамы Саши Демакова. А когда пришла домой, перечитала письмо и решила написать сама... Мне 34 года, у меня двое детей, сыну семь лет, дочери два года. Очень и очень надеюсь и сделаю все от меня зависящее, чтобы семья моя стала Вашим добрым и близким другом. Читала письмо и думала, какой сильной надо быть матери, чтобы перенести такое горе.

Пытаюсь встать на Ваше место, начинаю думать о своем сыне... Хочу, чтобы он был смелым, честным, умел видеть правду и постоять за нее. А вот если бы пришлось провожать сына в армию, да еще в Афганистан, не знаю, какие бы сказала слова. Наверное, скорее бы произнесла: «Береги себя, сынок». В тот, 1982 год, заканчивал школу мой первый в жизни класс. Шесть лет мы жили вместе, и все эти годы я старалась учить их прежде всего быть добрыми и честными людьми. Теперь я вижу, что они не подвели меня, оправдали мои надежды. Ребята ушли служить в армию, трое из них несли службу в Афганистане. И все это время я вместе с их матерями ждала их домой, в наш маленький поселок. Я горда, что мальчишки не подвели, не струсили, с честью исполнили свой долг.

Желаю Вам самого крепкого здоровья. Знайте, что о Вас помнят, что память о Вашем сыне Александре помогает моим ребятам стать сильными, честными, потому что в любом нашем пионерском деле Саша — человек, на которого они равняются».

Незнакомые люди из сел и поселков, аулов и кишлаков, о которых Фаина Егоровна раньше и не слышала, стали ее друзьями. Они обращаются к ней за помощью и советом, делятся своими планами и сомнениями, заботятся о ее здоровье. «Очень рад, что оказали мне внимание, написали письмо и прислали листовку о Саше, — пишет из Киева подполковник С. Костюк. — Этот материал я использовал во время проведения со слушателями-политработниками тематического вечера «Подвиг»,

О героях, о Вашем сыне и о Вас я рассказываю много. Память о Саше и таких же, как он, патриотах будет жить вечно. Меня волнует Ваше здоровье, уважаемая Фаина Егоровна. Ваша жизнь, Ваше здоровье нужны людям. Самое большое, что Вы можете сделать для Саши, — долго жить, а значит, сохранить материнскую память о нем, выступать перед школьниками и взрослыми с воспоминаниями о герое нашего времени — Саше Демакове».

Фаина Егоровна складывает часть писем в отдельную папку и, на минуту задумываясь, говорит:

— На эти я еще не успела ответить.

Представляю, как вечерами она сядет за стол, склонившись над чистым листом бумаги. Рядом не будет Саши, но будет память о нем. Благодарная память, которая живет не только в этом доме, не только в Верхней Ирмене, где родился Александр, но и во многих других городах и селах. Эта память священна, потому что она хранится в людских сердцах. В Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище имени 60-летия Великого Октября каждый день во время вечерней поверки звучит его фамилия и правофланговый в строю четко отвечает:

— Герой Советского Союза лейтенант Александр Иванович Демаков пал смертью храбрых в Республике Афганистан.

Разные биографии у «афганцев», по-разному складывались их судьбы, но многих отличают так хорошо знакомые нам обыкновенные и в то же время необыкновенные качества, черты характеров.

В селе Обухово Курганской области жил, казалось, ничем не приметный паренек Николай Анфиногенов. После школы поступил в профессионально-техническое училище. Там его величали не иначе как Добрыней Никитичем, уважали за богатырскую силу, широту русского характера. Николай брался за любую работу, помогал всем, кто нуждался в помощи, был всегда справедлив и честен.

Пришло время и срочной воинской службы. Неспроста, не случайно в армии Анфиногенова зачислили в разведывательную роту, ведь в разведчики берут самых смелых, самых сильных и сообразительных. «Живем хорошо, — писал он родителям. — Ребята отличные. Весело, здорово, хотя и трудно. Подъем в шесть утра — и на полную катушку занятия, тренировки, изучение тех-

ники, тактики, воинских уставов. Скоро присяга, потом в мотострелковый полк...»

В письмах Николая можно почувствовать и его настроение, и сложность обстановки, и тревогу: «Был на тактических учениях, потом на задании в горах. Свободной минуты почти не было. И сейчас пишу в БТР, держу тетрадку на коленях. У меня все хорошо. Красивая и живописная эта страна — Афганистан. Добрые, работящие здесь люди. А сейчас бандиты, точно шакалы, бродят в горах, нападают на мирных жителей. Мы пришли по просьбе правительства Афганистана, чтобы помочь народу, защитить людей от вооруженных бандитов...»

Он скучал без родных, вспоминал свое Обухово: «Мои дорогие папа, мама, Витя, Таня, Галя! Напишите, как дома, как в колхозе. Помнят ли меня в селе? Я рад каждой весточке. Только сейчас понял, как это дорого и свято — родная земля, поля, наши рощи, озера. Как хочется быстрее всех вас увидеть, расцеловать...»

И тут же тревога, о которой он доверительно писал сестре: «Галочка! Маме — ни слова. Новый год буду встречать в походе. Будет волноваться. А ведь сердце у нее уже сдает. Договорились?..»

Он словно знал, будто предчувствовал, что очередной выход разведчиков в горы будет для него последним. О подвиге Николая Анфиногенова коротко, сухо, без эмоций, но убедительно сказано в представлении к награде: «...Прикрывая отход товарищей от напавшей банды душманов и израсходовав все боеприпасы, оказался в окружении мятежников. Убедившись, что его товарищи вне опасности, последней гранатой взорвал себя и находившихся вблизи бандитов. Геройски погиб, уничтожив при этом восемь мятежников, и тем самым обеспечил своим товарищам выход на более выгодные позиции...»

За этот подвиг рядовой Николай Яковлевич Анфиногенов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Пришло время ответить на вопрос, прозвучавший в письме Николая: помнят ли его в селе? Помнят. И не только в родном селе, но и в воинской части, где он служил. Трудовые коллективы, бригады и смены включают в свой состав воина-интернационалиста. Бригада механосборочного цеха автоагрегатного завода, расположенного в Татарии, включила в свой состав Героя

Совстского Союза Н. Я. Анфиногенова, а заработанную сумму решила использовать для изготовления памятника, который затем был установлен на родине героя 2 октября 1988 года. Средства на сооружение памятника вносили трудовые коллективы предприятий и учреждений области, а также курсанты Курганского высшего военно-политического авиационного училища.

* * *

Память о погибших интернационалистах принимает всенародный характер. Только на Украине их именами названо 158 улиц и площадей, 30 школ, 568 пионерских дружин, 177 именных полей. Они зачислены в состав 270 комсомольско-молодежных коллективов. В поселке Лозовая Хмельницкой области имя гвардии старшего лейтенанта Александра Гарькавенко присвоено улице и школьному музею. В Черновицкой области жительнице села Великое Коломыецкого района М. Кикуле предоставлена благоустроенная квартира в районном центре на улице, названной именем ее сына, рядового Сергея Кикулы. Дважды в год перед призывом на службу в производственном объединении «Ворошиловградтепловоз» организуются спартакиады на приз имени В. Зозули, погибшего при выполнении интернационального долга.

Десятки парней из Хабезского района Карачаево-Черкесии проходили службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Есть среди них раненые, есть погибшие. В знак уважения к их подвигу в ауле Хабез воздвигнут памятник. Фигура воина-интернационалиста с автоматом в руке высится на фоне боевого знамени. На постаменте памятника, который создан уроженцем тех мест скульптором А. Кемрюговым, выбиты имена старшины Ауеса Афаунова, старшего сержанта Хасина Мишезова, рядовых Ауеса Кушхова, Османа Кумукова, Ауладина Мамбетова, Мурата Ашгельдыева... Сооружен памятник на деньги, заработанные комсомольцами района во время субботников и воскресников. Свой вклад в это благородное дело внес Карачаево-Черкесский областной совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Нет, наверное, в стране уголка, куда не долетела бы черная весть из Афганистана. Погибли молодые ребя-

та. Ушли из жизни те, кто был молод и полон сил, кому трудиться бы на заводах и полях, растить детей и внуков. Как это жестоко, и как не хочет сердце принимать эту истину. Но военная правда сурова. И рядом с памятью о подвигах воинов-интернационалистов живет память о тяжелых потерях. Она вызывает уважение и сострадание.

Разговор об этом лучше всего начать с двух сообщений ТАСС. Одно датировано 7 сентября 1987 года: «Памятник Герою Советского Союза старшему сержанту Александру Мироненко открыт сегодня в столице Таджикистана. Так душанбинцы увековечили память своего земляка, павшего при выполнении интернационального долга в Афганистане...» Другое поступило 18 октября 1988 года: «В порт приписки Мурманск пришел сегодня новый супертраулер «Александр Мироненко», пополнивший промысловый флот Северного бассейна. Судно — первое из серии, в которой будет увековечена память воинов-интернационалистов, геройски погибших в Афганистане.

Александр Мироненко, рабочий парень из Душанбе, совершил подвиг в разведке. Обнаружив душманов, он попытался сообщить об этом по радио ждущему сигнала отряду. Но горы, стеной обступившие разведчика, отражали радиосигнал. Сержант понял: чтобы предупредить о засаде, остается одно — демаскировать себя, подав сигнал ракетницей. Это было смертельно опасно, но воин не колебался в выборе. Он пал в завязавшемся тут же бою, но успел сделать главное — отвести беду от товарищей.

Имя отважного воина, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза, присвоено нескольким пионерским дружинам душанбинских школ. А. Мироненко навечно записан в списки гвардейской части, в которой нес службу».

А вот факт иного рода. Но и он связан с именем Героя Советского Союза Александра Мироненко. В райкоме партии его родителям посоветовали съездить в местный дом отдыха, помогли приобрести путевки. Собрались, взяли с собой четырехлетнюю внучку и ранним утром были уже на месте. Дом отдыха «Явроз» расположен в живописном уголке на берегу реки. Но настроение приехавших испортилось, когда оказалось, что мест в доме отдыха нет. Несмотря на наличие путевок,

принять семью Мироненко директор «Явроза» отказался.

Бывает и так. Ставим памятники. Называем имена героев корабли. Говорим на митингах проникновенные слова о чуткости. А когда надо проявить эту чуткость или к самим «афганцам», или к их родителям, оказываемся глухими, видим перед собой не людей с их судьбами, а безликих просителей. У иных бюрократов, как видно, не осталось в душе места для сострадания и благодарной памяти.

Лейтенант Владимир Гуртовой погиб в Афганистане 9 апреля 1988 года. Гроб с его телом был доставлен в Одессу. Но сколько труда и сколько нервов потребовалось родителям, чтобы добиться разрешения похоронить сына на Таировском кладбище. Сколько бездушных и черствых людей приложили руку, чтобы горе, упавшее на плечи Раисы Петровны и Ивана Трофимовича, сделалось еще тяжелее. Вот как описывает могилу интернационалиста корреспондент «Вечерней Одессы», побывавший на кладбище вскоре после похорон: «...Огромная лужа с перекосившимся, осевшим надгробием в центре. Мутная вода с плавающими в ней свежими цветами вперемешку с кладбищенским мусором. Отдельной безобразной кучей — гора ободранных старых скатов. Откуда они на кладбище? Тут же сброшены в кучу столбики деревянных надгробий с могил «афганцев». Их выбросили те, кто уже установил более основательные памятники. Похожий столбик для могилы Володи накануне за 50 рублей купил у кладбищенского «дельца» брат Виктор. Потом уже рассмотрел — из «бывших в употреблении». В день похорон, в сусте и горе, возможностей выбирать не было.

Далее журналист рассказывает, как он вместе с родителями Владимира Гуртового направился в облвоенкомат, где их принял генерал-майор Н. Протасеня, как он тут же, при них, отдал приказание привести в порядок могилу, вывезти мусор, благоустроить близлежащую территорию. В тот же день к вечеру все было сделано. Выходит, дело не в нехватке людей или техники, а в дефиците внимания. О чуткости, о заботе любят говорить и партийные работники, и представители Советской власти, и сотрудники военкомата, и, наверное, люди, отвечающие за состояние кладбища. Но никто из них не поспешил позаботиться о могиле интернационалиста, оставив родителей погибшего наедине в бедами.

Почти полвека прошло со времени окончания Великой Отечественной войны. Но и сегодня немало еще безымянных могил, немало бойцов и командиров, которые числятся пропавшими без вести. Тысячи энтузиастов во всей стране заняты поиском. Они изучают архивы, ведут раскопки на местах боев, извлекают из болот затопленные танки и самолеты, устанавливают имена погибших. Они выполняют очень важную и благородную миссию, восстанавливая истории боев, возвращая доброе имя тем, кто долгие годы не был ни живым, ни погибшим, считался без вести пропавшим. И жаль, что мы не развернули эту работу сразу после победы, когда живы были фронтовики, свежа память о боях и сражениях.

А вот письмо о погибших в другой, еще недавно гремевшей войне: это кощунственно, считает полковник в отставке В. Полещук, когда наши сыновья, павшие при выполнении интернационального долга, остаются безымянными. Пора отказаться от надуманной секретности, которой прикрываются бездушные бюрократы... Воспитание в духе интернационализма — это же одна из главнейших задач нашей партии. Так почему все-таки на памятнике воину, погибшему в Афганистане, нельзя писать, где он погиб?

Ныне на этот вопрос уже дан однозначный ответ. На могилах погибших «афганцев» пишут не только фамилию, имя, отчество, даты рождения и смерти. Теперь каждому, кто придет на кладбище, ясно, что умерли они не в пьяной драке и не от наркотиков, а погибли геройской смертью при выполнении воинского долга. Но сколько еще могил и памятников, установленных ранее, не имеют таких надписей. И дело тут не только в том, чтобы отдать должное их мужеству. История, к которой мы начинаем относиться с особым уважением, не даст нам права на невнимание и забывчивость. Чтобы потом, спустя полвека, не восстанавливать с трудом, как это получилось с погибшими в годы Великой Отечественной войны, имена интернационалистов, надо проделать эту работу сегодня.

Мы теперь знаем общие цифры погибших на земле Афганистана. Более 13 000 человек. И хорошо, что принято решение издать книгу о всех этих воинах. Пусть это будут краткие биографические сведения: где и когда родился, кто родители, какое учебное заведение закончил, когда призван в армию, кем служил в Афга-

нистане, когда погиб и где захоронен. Такая книга нужна не только родственникам погибших, она нужна всем нам.

Около 80 воинов, сражавшихся и погибших на земле Афганистана, удостоены звания Героя Советского Союза. О них писали газеты, журналы. Но было бы хорошо издать книгу мужества в двух или в трех томах. Можно не сомневаться: такая книга найдет своего читателя, не залежится на полках магазинов. И воспитательная ее роль будет неизмеримо высокой. Ведь молодежь всегда задумывается, с кого ей делать свою жизнь. А тот, кто совершил подвиг, всегда достоин подражания. Мы охотно называем именами героем улицы и корабли, а люди, которые живут на этих улицах и плавают на кораблях, не всегда знают о тех, чье имя выведено на борту или на фасаде дома.

Свет памяти должен коснуться каждого, кто сражался и погиб интернационалистом. Это необходимо и живущим ныне, и грядущим поколениям. Если наши дети и внуки будут знать по именам отдавших жизнь на земле Афганистана, они сделают все, что зависит от них, чтобы на земле не было ни такой, какая шла в Афганистане, ни другой, еще более кровавой войны.

Память не может быть безликой, лишенной плоти. Памятник живет, если к нему идут люди. Памятник живет, если у его подножия не увядают цветы.

Житель села Чумхана Ошской области младший сержант Юрий Исламов погиб в Афганистане и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Во время митинга награды десантника были вручены его родителям — Любови Игнатьевне и Верику Эргашевичу Исламовым. Говорилось на митинге и о памятнике, и об увековечении имени героя. Молодые рабочие решили зачислить Юрия в свою бригаду. В их памяти он остался таким же рабочим парнем, каким был до призыва в армию.

На митинге стало известно, что имя Юрия Исламова будет присвоено новой школе. Это тоже живой памятник герою.

Орденом Красной Звезды отмечен подвиг еще одного интернационалиста — Юрия Зиновкина. В завязавшемся бою с душманами в расположении взвода упала граната. Доли секунды оставались до взрыва, который мог стоить жизни многим. Но Зиновкин успел своим

телом накрыть гранату. Пожертвовав собой, он спас товарищей.

Отдавая должное мужеству своего земляка, жители села Манино Калужской области назвали именем Юрия Зиновкина улицу, а молодежь района решила собрать необходимое количество металлолома для постройки тепловоза, и сейчас на железной дороге можно увидеть локомотив, на борту которого крупно выведено: «Имени Юрия Зиновкина».

Большой вклад в увековечение подвига своих боевых друзей вносят воины-интернационалисты. Осенью 1988 года в Люблинском районе Москвы был создан первый в столице музей, где собран обширный материал о жизни и подвигах тех, кто служил в Афганистане. На стенах семь мемориальных досок с именами погибших, фотографии Героев Советского Союза, личные вещи, письма. Тут же — свежие цветы в гильзе от снаряда.

Музей создан по инициативе 400 воинов-«афганцев», проживающих в Люблинском районе. На объявленный ими специальный счет поступило более 11 тысяч рублей, которые использованы на создание музея. Инициативу энтузиастов поддержали Люблинский райком ВЛКСМ, совет воинов-интернационалистов АЗЛК, молодые рабочие предприятий района и школьники. В сборе материалов для оформления экспозиции приняли участие Центральный музей Вооруженных Сил СССР, МИД СССР, Посольство Республики Афганистан, Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Воины-интернационалисты, работающие в домостроительном комбинате № 1 города Москвы, в память об армейских друзьях и своей боевой юности заложили каштановую аллею Мира в парке культуры и отдыха «Красная Пресня». На памятном знаке, установленном в парке, высечена строфа из стихотворения Владимира Шленского «Афганский вальс»:

Бой в твоем сердце еще не утих,
Годы проносятся, как ураган,
Не забывай же друзей боевых,
Юность солдатскую, Афганистан.

В аллее Мира есть своя, особая символика. Молодые ребята, вернувшиеся из пламени войны, видевшие кровь, терявшие друзей, мечтают о том, чтобы на земле наступил мир. Они хотят, чтобы их дети и внуки гуляли по каштановой аллее парка, а не ползли в горах под

свист душманских пуль, не слышали разрывов мин. И это не просто их желание, это выстраданное ими право, за которое они борются в жизни. И нельзя не поддержать их в этой благородной борьбе, как нельзя не радоваться вместе с ними каждой минуте тишины, каждому мирному дню.

Во время встречи воинов-интернационалистов с одним из трудовых коллективов, может быть, даже непривычно часто произносилось слово «долг». В устах человека военного оно звучало естественно. Однако в зале находились люди гражданские. И, когда было сказано, что за девять лет в Афганистане погибло более 13 000 советских солдат, кто-то жестко и прямо спросил: когда и кому мы задолжали, чтобы платить такую цену?!

«Афганцы» отвечали [illegible]ом, говорили о том, что решение о вводе [illegible] войск в Афганистан заслуживает [illegible] осуждения, что, к сожалению, оно принималось узким кругом лиц и в нарушение Конституции СССР. Конечно, международная обстановка в [illegible] была, несомненно, сложной, характерной [illegible] политической конфронтацией. Нельзя [illegible] и намерение определенных реакционных [illegible] Запада взять реванш за утрату позиций в [illegible] шахского режима в Иране. А факты указывали на возможность развития такого рода событий. «Афганцы» искренне верили в мотивы предпринимаемой акции: укрепить безопасность Советского Союза на подступах к южным границам и тем самым оградить его позиции в регионе в связи со складывающейся там в то время напряженностью.

Как бы там ни было, страна посылала своих сыновей в Афганистан, и воины-интернационалисты говорили о своем воинском долге и верности присяге. Они давали клятву, как это принято в армии, точно и беспрекословно выполнять приказ — и выполняли его. Казалось, их примеры убеждали аудиторию.

Заметки на полях

Из сообщения Комитета Верховного Совета по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан, сделанного на втором Съезде народных депутатов СССР.

Документально установлено, что афганское правительство начиная с марта 1979 года более десяти раз высказывало просьбу

направить в страну советские воинские части. В ответ советская сторона отклоняла такую форму оказания помощи, заявляя, что афганская революция должна сама защищать себя. Однако в дальнейшем эта позиция претерпела, прямо скажем, драматические изменения.

На принятие решения в декабре 1979 года, безусловно, повлияла чрезмерная идеологизация советской внешнеполитической деятельности, складывавшейся на протяжении ряда лет под непосредственным воздействием доминировавших тогда идеологических установок. В этом свете в известной мере формировалось и наше отношение к апрельской революции. Соответствующая этим воззрениям аргументация была положена в основу обращения советского руководства к главам зарубежных государств в связи с объявлением о вводе контингента наших войск в Афганистан. В нем указывалось, что речь идет об ограниченной задаче — содействии в охране коммуникаций и отдельных объектов. Однако все эти обстоятельства не могут оправдать решение о вводе войск.

Всем известно, как в действительности развивались события дальше. Произошло ужесточение и расширение столкновений. Советский воинский контингент оказался вовлеченным в эскалацию крупномасштабных военных действий...

Политически и морально осуждая решение о вводе советских войск, комитет считает необходимым заявить, что это ни в коей мере не бросает тень на солдат и офицеров, направлявшихся в Афганистан. Верные присяге, убежденные в том, что защищают интересы Родины и оказывают дружественную помощь соседнему народу, они лишь выполняли свой воинский долг. Советский народ потерял в Афганистане тысячи своих сынов. Наша святая обязанность — хранить память о них как о верных сынах Отчизны.

Да, ребята все испытания выдержали стойко. Они никого не упрекали, не искали виновных, уготовивших им такую судьбу. Понимали: так надо и нельзя иначе. Этим военная служба отличается от всякой другой. Кому-то хочется ночью спать, но ему дают в руки автомат и ставят на пост. Долг. Кто-то считает, что ему удобнее служить в Подмосковье, поближе к дому, а его посылают на Чукотку. Это тоже долг. И командир не проводит референдум: надо ли начинать наступление или лучше остаться в обороне? И солдат, получив приказ подниматься в атаку, не рассуждает, что лучше бы переменить, а еще лучше отсидеться в окопе.

...Но вот «афганцы» вернулись домой, на Родину. Они рассказывают о боях, о взрывах, об убитых и раненых, а им вопросы: за что вы страдали, кто вас послал туда, понес ли он наказание? Они растеряны: им и в голову не приходило осуждать приказ, не принято в армии делать это. Да и не только по приказу направлялись они в Афганистан. Многие писали по три-четыре рапорта, упрашивая послать их туда, где опасно и трудно, где идет война. Были среди них и такие, кто после

ранения или тяжелой болезни могли покинуть Афганистан, но считали необходимым остаться в своей части, со своими боевыми друзьями. Немало среди воинов-интернационалистов и таких, кто побывал на афганской земле дважды.

Они считали, что их пребывание в этой стране необходимо. Они принимали это, как свой воинский и человеческий долг.

Сами «афганцы» не любят, когда говорят об их мужестве и о подвигах. Они не заботились и не думали о славе, а исполняли свой воинский долг.

Понятие долга имеет широкий смысл. В уже далекие тридцатые годы советские летчики и танкисты, пехотинцы и артиллеристы сражались в Испании и в Китае. В годы Великой Отечественной войны они гибли на территории Польши, Венгрии, Чехословакии и Югославии, Финляндии и Норвегии. Почти во всех европейских странах остались б[illegible]ские могилы тех, кто освобождал мир от «коричневой чумы». Это был их воинский, интернациональный и общечеловеческий долг. Такое же чувство владело [illegible], кто потом, в мирные годы, помогал народам Кореи и Вьетнама, Алжира и Египта отстаивать свою независимость.

Вот уже долгие годы мы говорим и думаем об Афганистане. Его трагедия стала частью нашей трагедии. Тысячи погибших, десятки тысяч покалеченных этой войной. Ради чего? Старший сержант Александр Щербаков, вернувшийся из Афганистана в родные Чернушки Волгоградской области и награжденный двумя боевыми наградами, говорит о том, что увидено и выстрадано им:

— Для нас слова об интернациональном долге не пустая фраза... Вы бы посмотрели, что творят душманы... Сколько раз мне приходилось видеть полностью выжженные кишлаки, растерзанных мирных крестьян... Каждый из нас понимал: разбой должен быть пресечен.

Нет, он не повторял слова политработника или пропагандиста, он рассказывал о том, что видел собственными глазами, говорил то, что почувствовал своим сердцем. О долге писал отцу погибший в бою на земле Афганистана гвардии сержант Юрий Шевченко: «Наша застава небольшая. Выйти некуда. Иногда не можешь даже отправить письмо домой: надо ждать сопровождения. Наш артвзвод обеспечивает безопасность движения. Главное — не допустить душманов к трассе.

Служба мне нравится. Поверь, я сейчас не мог бы служить где-нибудь писарем или еще кем-то в Союзе. Здесь молодой человек быстро взрослеет, за несколько дней можно понять больше, чем за несколько лет жизни дома...»

Что же понял он, Юрий Шевченко? За что заплатил жизнью? Что видел он до того, как вступить в свой последний бой? Он видел жизнь в Афганистане. Дехканин, пашущий землю деревянной сохой. Глинобитные домики, похожие на пещеры. Вечно голодные мальчишки, жадно хватающие из рук солдат сухари. И машины, идущие из Союза, в кузовах которых тракторы и плуги, мешки с цементом и мукой. Он считал своим долгом помочь многострадальному народу Афганистана.

Но есть и другие мнения, есть иные письма. И они наводят на серьезные размышления. Участник Великой Отечественной войны полковник в отставке В. Гаевский обеспокоен: «Да, действительно, представители нашей армейской молодежи показали себя в Афганистане настоящими патриотами-интернационалистами. С чувством глубокого уважения относятся к ним участники Великой Отечественной войны, ветераны Вооруженных Сил, все советские люди. Но вот что меня волнует и даже тревожит: все ли бывшие воины-интернационалисты осознают, какой высокий долг выпал на их долю в нынешней, гражданской жизни?

Мне довелось стать свидетелем хулиганских действий бывших «афганцев» в Центральном парке культуры и отдыха в Москве. Пересказывать события, думаю, нет необходимости, они хорошо известны. Те, кто хулиганил в парке, опозорили высокое звание воина-интернационалиста. Мне думается, что с ними еще очень много придется поработать трудовым коллективам, в которые они влились после службы в армии, чтобы наставить, как говорится, на путь истинный. Важно только обойтись без назидательности, командно-административных методов. Нужно постараться воспитать у каждого понимание меры его возросшей социальной ответственности перед обществом».

Не скрою и своей обеспокоенности этими проблемами «афганцев». Да, встречаются те или иные факты, когда сердце начинает протестовать. Знаю многих «афганцев». Видел их там, в Афганистане, и здесь, на родной земле, в воинских частях, в учебных заведениях, в заводских цехах и на колхозных полях. Не бравируют они

своими подвигами, не способны требовать незаслуженных льгот. Хотя... В таких случаях вспоминается один, в общем-то незначительный, эпизод, но оставивший горький осадок. В продовольственном магазине около кассы вспыхнул конфликт. Молодой парень, минуя очередь, поставил перед носом старушки переполненную корзину с покупками. Та возмутилась. Ее поддержали. Кассирша, было уже начавшая подсчет, перестала нажимать клавиши кассового аппарата. И тогда парень срывающимся голосом крикнул:

— Я там, в Афганистане, кровь проливал! А вы тут...

Он будто кипятком обдал очередь. Все разом смолкли. Кассирша начала торопливо перебирать свертки, бросая виноватый взгляд на парня, который отсчитывал деньги.

Что-то неприятное обожгло и меня. И эта крикливая фраза про кровь, и высокомерное, если не нахальное, поведение молодого человека. Не удержался, подошел к нему, назвал хорошо известным в Афганистане словом «шурави», спросил, в каком гарнизоне он служил. Парень неожиданно покраснел и признался:

— Я там не был. Друг мой воевал.

В сторонке, прислонившись к стене и сгорая от стыда, стоял скромно одетый молодой человек. Он шагнул к нам, извинился и представился. Фамилия его не запомнилась, зато осталось в памяти, что служил он в Баграме десантником. Мне приходилось работать в том полку, наверное, нашлись бы у нас общие знакомые, но было не до воспоминаний. И долго после этой неожиданной встречи мне было как-то не по себе.

Так захотелось, чтобы случай этот оказался единичным. Но то из одного, то из другого города поступают сообщения об охотниках примазаться к «афганцам». Например, в Казахстане оказались любители погреться в лучах чужой славы. Уволенный в запас Сагантай Темирбулатов охотно рассказывал о своих подвигах на афганской земле. Коллектив Кокчетавского авторемонтного завода, куда он поступил на работу, выдвинул его кандидатом в депутаты городского Совета. В листке по учету кадров Темирбулатов собственноручно написал: «За выполнение боевых операций в Афганистане награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Но после сверки документов в военкомате и эта запись, и воспоминания Сагантая оказались выдумкой.

Не преминул воспользоваться льготами, предоставленными воинам-интернационалистам, Олег Лавреньев, получивший вне очереди квартиру. Однако вскоре и здесь выяснилось, что удостоверение воина-«афганца» ему выписала мать, работница Талгарского военкомата Алма-Атинской области. Суд приговорил Олега к двум годам исправительных работ, ордер на квартиру, полученный незаконно, аннулирован, а коммунисты военкомата приняли решение исключить З. Лавреньеву из партии.

В погоне за незаслуженными льготами совершаются, я бы сказал еще, и нравственные преступления. А здесь речь идет не о гражданском долге, а об отсутствии элементарной порядочности. Но это уже к истинным «афганцам» не относится.

В словаре Ожегова даны два толкования слову «долг». Кажется, понятны такие определения долга: «То же, что и обязанность. Гражданский долг. Выполнить свой долг. Защита отечества — священный долг каждого гражданина Советского Союза. По долгу службы. Человек долга (честно выполняющий свои обязанности)».

Существует долг гражданина перед страной, перед обществом, но есть еще и долг государства, долг общества перед человеком. Герои-«афганцы» поэтому вправе рассчитывать на внимание, чуткость и помощь окружающих.

Заметки на полях

Совет Министров СССР принял постановление «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий лиц, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан, и их семей». Оно введено в действие с 1 июля 1988 года. Этим постановлением Правительство СССР поручило Советам Министров союзных и автономных республик, исполкомам краевых, областных, автономных областей и округов, городских (в городах республиканского подчинения) Советов народных депутатов рассмотреть вопрос об установлении персональных пенсий республиканского значения инвалидам из числа военнослужащих, ставшими инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан, с учетом их заслуг, а также персональных пенсий по случаю потери кормильца членам семей военнослужащих, погибших либо умерших вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан.

Действие настоящего постановления распространяется также на рабочих и служащих, обслуживающих советский воинский кон-

тингент в Республике Афганистан, получивших там ранения, контузии или увечья либо награжденных орденами и медалями СССР за участие в обеспечении боевых действий, а также на их семьи.

Персональные пенсии, как сказано в постановлении, устанавливаются по ходатайствам министерств и ведомств, советских и партийных органов. Поэтому инвалиды из числа воинов-интернационалистов должны обращаться в органы социального обеспечения по месту жительства, где им помогут составить документы, необходимые для оформления пенсии. В городах и селах РСФСР вопросы о назначении персональных пенсий республиканского значения рассматриваются специальной комиссией при Совете Министров РСФСР, решения о пенсиях местного значения принимают Советы Министров автономных республик, исполкомы краев, областей, автономных областей и округов, а также городские Советы народных депутатов Москвы и Ленинграда.

Наверное, нет особых оснований радоваться предоставляемым льготам. Это — долг, который выплачивает Родина своим сыновьям, выполнившим ее приказ. И о размерах льгот говорить не приходится. Разговор пойдет о другом. Начать его, видимо, лучше всего с серьезного, выстраданного письма из Ошмян Гродненской области от бывшего воина-интернационалиста В. Антоновича: «Пишу вам, потому что нет сил видеть эту «липовую» справедливость. Когда служил в Афганистане, было ясно: впереди враг, и ты четко знаешь, за что можешь погибнуть или получить увечье. А если повезет — останешься живым. Но вот остался живой, и тебе дали заслуженные льготы. Зачем? «Заберите ваши льготы обратно, потому что они ничего в этой жизни не значат», — так говорят многие из нас, и вы не удивляйтесь.

Все газеты твердят о том, что местные органы должны помогать, содействовать улучшению жилья. А получается-то наоборот. На жилье стоим по льготной очереди. Уволился в запас я в январе 1983 года. А сейчас 1988-й, сдвигов никаких. Да что квартира, если общежитие получить невозможно. Получают только те, кто хорошо подходить умеет к начальству. Но что делать, если я этого не умею? В 1987 году на наш завод в Ошмянах дали девять квартир. После чего освободилось общежитие. Когда распределяли квартиры, председатель горсовета и начальник отдела кадров в один голос пообещали мне: выберешь комнату, какую захочешь. Однако, когда комнаты освободились, эти люди свое слово забрали, все пошло наперекос, и администрация завода запела другую песню: «У тебя один ребенок, а жена работает на другом заводе, вот пусть

там и получает. Развелось вас слишком много. Надоели со своими просьбами и хождениями по инстанциям». Вот такой упрек, а ведь нас на заводе из Афганистана только двое. Представляю, что говорят в других местах, где наших ребят по пятнадцать человек и больше».

Жилищный вопрос, пожалуй, самый важный не только для воинов-интернационалистов. Люди порой по десять-пятнадцать лет стоят в очереди, ютятся в крошечных комнатушках, квартирах без удобств, считают дни и часы до торжества. И вдруг им говорят: ваша очередь отодвинута, с новосельем придется подождать. И трудно бывает в таком положении услышать чужую боль, она кажется такой незначительной, такой далекой. И прорывается горечь, рождающая злость. А порой всплеск эмоций приводит и к трагедии.

...Утро выходного июльского дня в семье Данилкиных не предвещало беды. Вместе с родственниками Павел и его супруга Людмила побывали за городом в обычных для этого времени заботах — собирали ягоды и грибы. Позднее в небольшом домашнем кругу решили отметить день рождения дочери. Всего год назад, до появления маленькой Машеньки, семью «афганца» не очень, но все же устраивала комната в общежитии. С прибавлением в семействе вновь возник разговор о квартире...

После службы в Афганистане то был не первый трудовой коллектив Павла Данилкина. Уроженец Мелекковского района Владимирской области, там он и женился, а позднее переехал в Покров к родственникам жены. Устроился водителем на автобазу, где и прошел свой основной рабочий путь, который завершился в начале июля отчаянной попыткой уйти из жизни. В зоне контрольно-пропускного пункта, откуда он в течение трех лет отправлялся в далекие рейсы на сельские стройки области, он облил себя бензином и через секунду вспыхнул пылающим факелом.

Позднее, пытаясь объяснить свой невероятный поступок, всколыхнувший жителей маленького Покрова, Павел коротко скажет: «Довели!»

Что же заставило 25-летнего парня, прошедшего Афганистан, решиться на столь страшный шаг? В чем непостижимый смысл протеста? По горячим следам события ответить на такие вопросы старались не только

должностные лица, но и товарищи по работе, воинц. «афганцы», просто незнакомые люди. При этом определенная группа заинтересованных лиц пыталась конеч. но же упростить чрезвычайное происшествие. Не понимали мы его, утверждал заместитель председателя профкома автобазы. А может, просто не хотели понять. Опять же и с квартирой неувязка вышла. Рано обнародовали предварительные списки. Председатель профкома допустил грубую ошибку — обнадежил Данилкина раньше времени. Наобещал...

Был тот день, когда неулыбчивый, замкнутый Павел Данилкин пришел домой просветленный. Председатель профкома базы показал ему отпечатанный список новоселов, в котором была и его фамилия. Даже номер квартиры указан. На семейном совете решили ускорить вселение и заняться отделкой самим. Однако завершить ее Данилкину не удалось. Очередным решением профкома почти готовую квартиру выделили другому рабочему.

Совершенно очевидно, что так называемый «человеческий фактор» давно уже выпал из поля зрения администрации, партийного и комсомольского актива автобазы № 5. Молодые водители вообще предоставлены здесь самим себе. Любимое занятие по окончании работы — ежедневные попойки под кодовым названием «У озера». Бесплодные квартирные хлопоты стали все чаще заносить сюда и Павла. Конечно же они не добавляли ему ни душевных, ни физических сил, ни спокойствия, ни уравновешенности, ни оптимизма. Напротив, с каждым днем он становился все ближе к своей огненной черте.

А вот письмо пенсионерки В. Порошиной из Тамбова: «Семья наша — единственная в Тамбове, в которой два воина-интернационалиста. Оба мои сына служили в Афганистане, имеют боевые награды.

До призыва их в армию мы жили в однокомнатной квартире. Муж — алкоголик, что ни день — скандалы, драки. После развода мне дали восьмиметровую комнату в общежитии тамбовского объединения «Пигмент», где я работаю. Рада была и этому. Переселилась туда и забрала с собой младшего. Старший сын, Юрий, находился в Афганистане. После возвращения со службы поступил работать газосварщиком на Тамбовский завод технологического оборудования. Женился. Сейчас у них двое детей. Прописан там же, где и отец. Но, понятно,

жить там невозможно. Вот и ютимся вшестером в моей восьмиметровке.

В 1983 году Юрия поставили на заводе в очередь по улучшению жилищных условий. Обещали в 1985 году дать квартиру. Только и по сей день до новоселья далеко. Райвоенком А. С. Щербаков подписал не одно ходатайство в разные инстанции с просьбой ускорить решение жилищного вопроса старшего сына. Множество ответов скопилось у нас дома: из райисполкома, горисполкома, обкома партии. Только от директора завода технологического оборудования В. Г. Чвокина восемь писем, а точнее, отписок. В первом ответе он писал: «Вопрос о предоставлении квартиры т. Порошину Ю. А. будет решен в 1985 году по мере поступления жилья от УКСа горисполкома, по долевому участию завода в жилищном строительстве». А в последующих письмах повторяется та же фраза, только уже без конкретного срока.

В начале 1987 года в профкоме завода сына попросили сдать документы на оформление ордера. Сказали: можете посмотреть будущую квартиру. Очень она нам понравилась. А через месяц Юрию отказали и предложили две комнаты в старом, ветхом доме. У сына тогда была очередь № 1, он отказался. Беда не приходит одна. Несколько месяцев мы не получали вестей от младшего сына, который в то время служил в Афганистане. А тут приехал парень из той же части, привез письмо, но нас не застал дома и оставил записку: «Буду завтра». Юрий остался дома ждать его, отгулы у него были, но вот оформить не успел. Так ему и засчитали прогул. Я, конечно, не оправдываю сына, но бригада, в которой он работает, возмутилась жестокостью наказания и попросила не переносить его очередь. Но никто не прислушался к мнению рабочих. Как же нам вырваться из плена отписок, добиться долгожданного новоселья?»

Квартирная проблема, пожалуй, самая трудная. И именно здесь порой для нечистых на руку руководителей «афганцы» стали ширмой, которой они пытаются прикрыть следы своих злоупотреблений. Строятся дома, сдаются квартиры, но очередь почти не уменьшается. И на все недоуменные вопросы один ответ: жилье отдано воинам-интернационалистам. Тут, мол, ничего не поделаешь. И люди успокаиваются, понимают, что иначе нельзя. Но стоит конкретнее разобраться, начи-

нают выясняться довольно странные вещи. Один руководитель улучшил себе жилищные условия, хотя и без того проживал в просторной квартире, другой порадел родному человечку, облагодетельствовал за счет предприятия собственного сына, третий «пожертвовал» четыре нужному руководящему лицу. А раненый «афганец» по-прежнему ютится в негодной для проживания развалюхе.

Воин-интернационалист, покалеченный войной, просит квартиру, ему говорят: «Ждите, квартир нет, и неизвестно, когда будут». Инвалид умоляет дать жилье на первом этаже, его гонят по инстанциям. Даже право работать ему порой приходится отвоевывать, как говорится, с боем. Причин много. И одна из них в том, что «афганцы», не идущие на компромисс с совестью, зачастую оказываются неудобными для разного рода бюрократов, всех тех, кто привык к спокойной жизни в годы застоя.

Вот что сообщили воины-интернационалисты из Свалявы Закарпатской области: «Нашему товарищу И. Бигарю, который проживает в с. Сусково, местные власти очень своеобразно отомстили за критику. Он вывел на «чистую воду» бывшего председателя сельсовета тов. Лендела и директора местной школы тов. Стасик, нарушавших систематически правила распределения жилья. Их наказали. Но это не понравилось председателю райисполкома тов. Виробице и партийным работникам тов. Федерович и Кеменяш. И что они устроили: подселили на жилплощадь Бигаря без его ведома еще одну семью. Выписали документы, и те вселились даже без ведома участкового милиционера, когда Бигаря не было дома.

Куда мы только не обращались, чтобы добиться справедливости, везде пожимают плечами. Какая-то круговая порука. Мы вернулись на Родину с войны и не можем понять, что происходит вокруг, почему такое бездушие, мстительность, пренебрежение к законам. Помогите и ответьте нам, что происходит...»

Бывший воин-интернационалист А. Абрамов вернулся из Афганистана в Ижевск и, хотя имел инвалидность, стал работать на заводе «Нефтемаш». Жил с женой и двумя детьми в комнатушке площадью девять квадратных метров, целых три года ожидая жилья. «Нет возможности», — говорили ему в парткоме завода. Говорил секретарь парткома горячо, убежденно, а сам по-

лучил прекрасную трехкомнатную квартиру. Оказалось, не льготы, не ранения и не боевые награды играют решающую роль, а занимаемая должность.

Справедливости ради надо сказать и об одной очень важной проблеме, связанной с обеспечением «афганцев» не только жильем, но и рядом других льгот. Не всегда только черствость руководителей виновата в том, что воины-интернационалисты не получают положенного. Давайте подумаем, неужели виной всему равнодушие людей? Допустим для справедливого решения жилищного вопроса создана специальная очередь для «афганцев». Ну и что? Представим себя на месте председателя горисполкома. Сколько у него людей имеют право на льготы? Участнику или инвалиду войны надо дать квартиру? Надо. Ветерану труда, проработавшему на предприятии 25—30 лет, просто позорно не дать. Матери-одиночке, которая, кстати, приравнена в правах к «афганцам», — дай. Молодому специалисту тоже дай. А где квартиры взять? Вот и получается, постановления принимаются хорошие, но не всегда учитываются реальные возможности.

О том, что хорошее и нужное постановление о льготах воинам-интернационалистам не подкреплено материально, говорит почти парадоксальный случай с Алексеем Скробко из Гродно. Он с семьей из шести человек с грудным ребенком ютился в заброшенном доме на четырнадцати квадратных метрах. Очередь на жилье была у него под номером 202. Зная, что получить квартиру он сможет через много лет, Алексей написал просьбу в горисполком учесть его право на льготы, откуда получил обескураживающий ответ: «Учитывая имеющуюся у вас льготу на первоочередное улучшение жилищных условий, вы включены в льготный список, номер в котором на сегодняшний день 516...» И все казалось бы правильно. Никаких нарушений. В льготной очереди значатся 108 участников Великой Отечественной войны. Вправе ли исполком отказать им? И где взять такое количество квартир, если строительство в городе идет не так быстро, как хотелось бы? Видимо, тут решающее слово за правительством, принявшим постановление.

Видя, что положенные блага и необходимую помощь приходится чаще всего «выбивать», «афганцы» начинают сами активно бороться за свои права и положенные льготы. В августе 1988 года в Новороссийске состоялся

очередной сбор воинов запаса и военно-патриотических объединений. В адрес этого слета пришло немало писем и телеграмм. Во многих из них сообщалось о тяжелом положении, в котором оказались воины, получившие в Афганистане ранения, о бездушном отношении к их нуждам. Было решено провести прямо во время слета операцию «Тревожный сигнал». Работа проводилась с армейской оперативностью. В горисполком Нефтюганска Тюменской области, например, полетела телеграмма: «Сергей Купров, имеющий ранение, остро нуждается в жилье». И тут же пришел ответ: «Купрову вне очереди выделена однокомнатная квартира». Казалось, надо радоваться такой оперативности, а особой радости не было. Ведь приходилось с боем отвоевывать то, что определено в правительственном постановлении, напоминать о том, что на местах должны были сделать люди, облеченные властью и доверием народа.

Решать проблемы воинов-интернационалистов всем миром — значит, решать их сообща. И там, где эта работа организована умело, где из нее не делают секрета, а на все самые трудные и больные вопросы ищут ответы сообща в трудовых коллективах, там нет обид, оттуда не поступают жалобы.

А где же выход? И есть ли он? Как сделать, чтобы и воины-интернационалисты получили жилье, и те, кто ждет своей очереди, не были ущемлены? Эта задача кажется не разрешимой. Но только кажется...

В Абакане, например, в списках первоочередников насчитывается 500 ветеранов Великой Отечественной войны. В последние годы этот список пополнили 140 человек, вернувшихся из Афганистана. Кому отдать предпочтение? Как сделать, чтобы удовлетворить одних и не обидеть других? Разумный выход из создавшегося положения предложили в горкоме партии. На окраине города были выделены площади для индивидуальной застройки, разработаны проекты домов стоимостью в 20 тысяч рублей. «Афганцам», нуждающимся в жилье, было предложено стать строителями. Для этого они должны оформиться на работу в трест «Абаканвагонстрой», получить там специальности каменщиков, плотников, бетонщиков, монтажников, электриков, а затем начать строить дома сначала для себя, а потом для других. Государство выделило им ссуду, часть которой обязался погасить трест.

Всего за неделю была сформирована комплексная

строительная бригада, во главе которой встал воин-интернационалист кавалер ордена Красной Звезды Александр Усачев. В первые двадцать пять домов, возведенные в сравнительно короткий срок, решили вселять «афганцев», не ущемив очередников — ветеранов Великой Отечественной войны.

Широко известна инициатива московского кооператива «Прогресс», который предложил другим кооперативам построить совместными усилиями два стоквартирных дома для воинов-интернационалистов, ставших инвалидами. И это не пустое обещание. «Прогресс» из своих средств уже доплачивает к пенсии по 100 рублей пятнадцати «афганцам», а в будущем обещает производить доплату еще нескольким инвалидам.

Есть немало возможностей для обеспечения жильем бывших воинов-интернационалистов. Вот несколько примеров. Передать две квартиры в новом доме Северобайкальска воинам-интернационалистам — такое решение принял совет трудового коллектива ПМК «Ленинградбамстроя». «С чувством глубокой благодарности за подвиги, совершенные воинами-интернационалистами в Афганистане, — говорится в письме, направленном в Ростовский горисполком, горком ВЛКСМ и городской совет воинов-интернационалистов, — как дань памяти погибшим наш коллектив передает Ростовскому горисполкому безвозмездно пять двухкомнатных квартир в доме № 15 по проспекту Космонавтов для инвалидов и семей воинов, погибших в Афганистане при исполнении интернационального долга. Совместное решение, принятое администрацией и профсоюзным комитетом, утверждено на совете трудового коллектива объединения «Севкавэлеваторспецстрой».

В объединении большая очередь нуждающихся в жилье. И, наверное, были бы обиженные, появились бы жалобы, если бы руководство, партийная и профсоюзная организации не решали эти вопросы гласно, открыто. На общем собрании рабочих при голосовании ни одного не было против. «Голосую за предложение двумя руками, — выразил общее мнение опытный рабочий Л. Оганесян. — Кто, как не мы, отцы и деды воинов, должны им помочь. Они свой долг выполнили».

Такое же решение принял коллектив строительного поезда № 1 этого же объединения, который возводит новый дом в Краснодаре. И в этом городе «афганцы» получат дополнительно пять квартир.

Забота о воинах-интернационалистах становится общенародной. Всем миром решаются самые трудные, наиболее важные вопросы. И хорошо, когда эту работу возглавляют и организуют партийные комитеты, органы Советской власти, военные комиссариаты. Более 2300 молодых туляков сражались в Афганистане. 80 из них погибли, 120 получили ранения, 56 стали инвалидами. В области немало сделано для выполнения постановления правительства по улучшению материально-бытовых условий воинов-интернационалистов и их семей. При исполкомах образованы рабочие группы, которые проявляют заботу об «афганцах», помогают им воспользоваться предоставленными льготами. Сотрудники исполкомов и военкоматов бывают в семьях погибших, выявляют нуждающихся в улучшении жилищных условий, в ремонте [illegible] и квартир, рассказывают родственникам погибших об установленных для них льготах.

В октябре 1988 [illegible] в столице Литвы состоялась встреча бывших воинов, ставших инвалидами при выполнении интернационального долга в Афганистане, с представителями ЦК [illegible] партии, Совета Министров, министерств и ведомств республики. Разговор шел о нуждах и запросах инвалидов, об улучшении условий их труда и быта, лечения и социального обеспечения.

Не ушли от острых проблем руководители горкома и исполкома города Давлеканово Башкирской АССР, которые также встретились с воинами запаса, выполнявшими воинский долг на земле Афганистана. В откровенной беседе выяснили причины, порождающие разного рода недоразумения. Оказалось, что руководители многих предприятий плохо осведомлены о льготах, предоставленных воинам-интернационалистам, не знают, кто пользуется правом внеочередного получения жилья, кто должен стать первоочередником, с кого не положено брать процент при предоставлении ссуды на кооперативное и индивидуальное строительство жилья.

Анализируя факты, сделали правильные выводы и убедились, что самые острые спорные вопросы можно решить сообща.

Заметки на полях

Программой «Долг» стала забота о воинах, получивших ранения на земле Афганистана и о семьях тех, кто погиб в боях с душманами. Счет 708 не простая копилка для средств, это выраже-

ние общественной признательности молодым парням, проявившим мужество, героизм и верность идеям пролетарской солидарности. Вот почему этот счет с первых дней его объявления приобрел огромную популярность.

* * *

В столице Узбекистана состоялся необычный футбольный матч, в котором приняли участие спортсмены, в разные годы игравшие в сборной СССР и в составе ташкентского «Пахтакора». На поле вышли Анатолий Шестернев, Эдуард Стрельцов и другие прославленные игроки. Около десяти тысяч зрителей наблюдали за ходом матча. А необычность его еще и в том, что собранные 6 930 рублей были направлены на сооружение реабилитационных центров для воинов-интернационалистов.

* * *

Общенародная забота о ветеранах и инвалидах Великой Отечественной войны, а также о тех, кто потерял здоровье на земле Афганистана, принимает порой необычные формы. Известно, как тяжело в некоторых городах с установкой домашних телефонов. Люди годами и десятилетиями стоят в очереди. А телефон особенно необходим тем, кто оказался прикованным к постели, кому в любой момент может потребоваться срочная медицинская помощь.

В городе Керчи список инвалидов, нуждающихся в установке телефона, включает около тысячи человек. Как же помочь им быстрее получить связь с миром? На этот вопрос помог ответить старший инженер линейной службы городской телефонной станции А. Гладыш. Он разработал специальное приспособление для переключения каналов связи. Телефоны многих организаций, молчавшие с шести часов вечера до утра и не задействовавшиеся в выходные дни, стали в это время обслуживать инвалидов. «Вечерние» телефоны, конечно, не решают проблемы, но дают возможность ветеранам общаться с родными и близкими, связываться с поликлиниками, решать многие другие проблемы.

* * *

По широкой и интересной программе работали в Тбилиси участники Международного фестиваля молодежной прессы, посвященного 70-летию Ленинского комсомола. И не было практически ни одного мероприятия, не связанного с программой «Долг». В копилку с надписью «Счет 708» пошли деньги, вырученные от продажи блузонов с символикой «Комсомольской правды», от игры на компьютерах, от продажи сувениров, книг и плакатов. Только за два дня этот счет пополнился почти на 5 000 рублей.

* * *

Сообщение из Елабуги. На совещании буровиков и нефтяников Татарии, которое проходило в Альметьевске, среди производственных вопросов возник и внеплановый.

По решению трудового коллектива санаторий-профилакторий «Нефтяник» Елабужского управления разведочного бурения пере-

дан в распоряжение республиканского совета по управлению курортами профсоюзов. В нем будут проходить лечение и реабилитацию раненые «афганцы».

* * *

По инициативе республиканского совета профсоюзов Молдавии в четырех здравницах созданы специализированные отделения для реабилитации воинов-интернационалистов. В курортных центрах Кагул и Сергеевка, в санаториях «Днестр» и «Советская Молдавия» приняты первые пациенты. В распоряжение «афганцев» передана значительная часть путевок, за которые они платят лишь тридцать процентов их стоимости. Все расходы взяли на себя трудовые коллективы Молдавии.

* * *

Много делают для оказания помощи воинам-интернационалистам профсоюзы Украины. Республиканский совет профсоюзов выделил почти два миллиона рублей на [illegible] лечебно-профилактических учреждений, приобретение [illegible] техники, книг, костюмов, инструментов для художественной самодеятельности, на подписку газет и журналов. Профсоюзная [illegible] помогла профсоюзным учреждениям культуры и спорта [illegible] свои возможности в оказании помощи воинам-интернационалистам, в укреплении с ними взаимодействия и сотрудничества. [illegible] ведется создание подростковых клубов, которые возглавляют воины-«афганцы», создаются профсоюзными культпросветучреждениями клубы воинов-интернационалистов. Только в Коми АССР и Калужской области за один месяц создано соответственно 18 и 12 таких клубов. Культучреждения профсоюзов Краснодарского края перечислили на счет программы «Долг» и местных советов воинов запаса более ста тысяч рублей. Трудовые коллективы в Ровенской, Пензенской, других областях провели субботники, средства от которых будут также направлены в фонд помощи «афганцам». Производственное объединение «Курскрентгенотехника» перечислило на сберегательную книжку каждого работающего воина-«афганца» по тысяче рублей. Широко развернулась работа по увековечению памяти погибших воинов. В Северной Осетии на предприятиях проводятся трудовые вахты бригад, носящих имена воинов-интернационалистов, а средства перечисляются на строительство памятника погибшим воинам. Любительские киностудии многих областей создали фильмы о воинах-интернационалистах, открываются музеи и музейные комнаты воинов-интернационалистов, идет общественное обсуждение проектов памятников воинам-интернационалистам в Пензенской, Калужской, Новосибирской областях, в Коми АССР и на многих других территориях.

* * *

Большую работу провели республиканские советы профсоюзов. В Казахстане, например, были взяты на учет все, кто выполнял интернациональный долг в Афганистане. Результаты оказались удручающими. Выяснилось, что каждый третий «афганец» не имеет квартиры или нуждается в улучшении жилищных условий. В Куста-

ное, Актюбинске, Кзыл-Орде и других городах по инициативе областных советов профсоюзов были проведены встречи с воинами запаса, во время которых шел обстоятельный разговор о их нуждах. Работники областных совпрофов побывали на дому у каждого «афганца», получившего инвалидность, позаботились о предоставлении им автомашин и инвалидных колясок, об ускоренном изготовлении протезов, о прикреплении инвалидов к магазинам и регулярном выделении им продовольственных заказов.

Одним из первых в республике Карагандинский областной совет профсоюзов провел слет солдатских матерей, на котором также шел разговор об организации помощи семьям инвалидов и погибших воинов-интернационалистов. Профсоюзы республики поставили перед собой благородную цель — добиться, чтобы ни один воин-интернационалист не был забыт, не оказался наедине со своими проблемами и бедами.

* * *

Необычный трамвай появился на улицах Казани. В нем нет контролеров. Пассажиры, приобретая специальные билеты, знают, что собранные средства перечисляются на сооружение памятника воинам-интернационалистам. Сомнений в том, что все до копейки будет использовано по назначению, ни у кого нет: ведь в экипаже трамвая трудятся сами «афганцы».

* * *

Санаторий «Русь» расположен на живописном берегу Рузского водохранилища в Подмосковье. Он рассчитан на 250 мест, оснащен современным медицинским оборудованием. Физиотерапевтическое отделение, рентгенологическая служба и лаборатория отвечают самым высоким требованиям. На территории санатория из скважин добывается собственная минеральная вода «Дороховская» и лечебная грязь, создан комплекс водолечения и грязелечения. Здесь же оборудован спортивно-оздоровительный комплекс, включающий в себя спортивные площадки, корты, тренажеры, лодочную станцию, бассейн. В санатории построены свои киноконцертный и танцевальный залы, просторная столовая. В каждой палате имеется телевизор и холодильник.

И вот этот санаторий передан для восстановительного лечения воинов, получивших ранения во время боевых действий в Афганистане. Кстати, он стал первым медицинским учреждением, которое почти полностью укомплектовано медицинскими работниками, также прошедшими Афганистан.

Политбюро ЦК КПСС поддержало предложение правительства, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Советского фонда мира о создании еще четырех центров восстановления здоровья и социально-трудовой активности воинов-интернационалистов. Среди этих учреждений санаторий «Касансайский», расположенный на севере Ферганской долины у отрогов Тянь-Шаня. Наряду с лечебными корпусами, оснащенными новейшим медицинским оборудованием, в санатории созданы мастерские и классы для профессионального обуче-
ния...

Не все воины-интернационалисты благополучно прошли афганскую войну. Многие вернулись домой с тяжелыми ранениями, причиняющими жестокую физическую боль. Но они терпеливы. Если и говорят о своих страданиях, то чаще всего о душевной боли, вызванной равнодушием и черствостью окружающих.

...Гамид Мехдиев начал свой рассказ с событий, которые произошли в конце уже далекого 1981 года:

«Меня перевезли в Ташкент, в военный госпиталь и начали лечение. Врачи хотели ампутировать ногу. Приехал брат, просил врачей спасти ногу. Они потребовали деньги за спасение ноги. Брат был вынужден заплатить врачам 1 000 рублей, не говоря о подарках, которые он привозил чемоданами. Я обращался по этому вопросу в Министерство обороны, в газеты. Ответа не получил. Через четыре месяца я вернулся на родину, в село Магамалар Белоканского района Азербайджанской ССР. Прошел районную ВТЭК и получил третью группу инвалидности с ежемесячной пенсией 40 рублей. На третьей группе находился три года. Каждый год проходил комиссию, и каждая комиссия требовала деньги. Вынужден был платить в среднем 200 рублей. Поэтому в 1985 году приехал в Москву... На хлебозаводе, где я работаю, около 600 человек, я один «афганец», живу в общежитии, помощи от профкома и комсомола никакой нет, так жить мне трудно! Думаю: за что пострадал? Никого не волнует. Как вы считаете, как мне жить дальше? Все лбом прошибать надо, это правильно? Я с этим столкнулся. Не всегда удается прошибить. У меня не получается».

Трудно поверить, что такое может происходить в наши дни. Даже хочется, чтобы все это не подтвердилось, оказалось чьей-то злой шуткой. Но, увы, все оказалось действительно правдой. Это подтверждают встречи, документы и письма. Горько сознавать, что воин-интернационалист, проявивший мужество в боях с душманами, награжденный медалью «За отвагу», оказался бессильным в борьбе с равнодушием и черствостью.

Но всех, кто был причастным к тяжелой судьбе воина-интернационалиста, трудно даже перечислить. Среди них и врачи, и работники военкоматов, и руководители предприятий, и даже сотрудники газет, куда он обращался. Выходит, есть более широкое понятие — коллек-

тивная черствость. В таких случаях конкретных виновников много. Черствость многолика и преступна, поэтому опасна. В пору гласности о ней говорят и пишут открыто. Порой делают выводы о дефиците нравственности, который лежит в основе неуважительного отношения к судьбам инвалидов и ветеранов войны. Но не только, а вернее, не столько эти негативные случаи определяют роль общества в судьбах воинов-интернационалистов. Есть другие примеры. Их много. И они говорят о том, что стержневыми в нашем обществе являются чувства взаимопомощи, отзывчивости и сострадания.

Письмо матери солдата Клавдии Ивановны Веревской из города Рубежного Ворошиловградской области подкупает своей искренностью. В нем поднят целый пласт человеческих взаимоотношений, названы имена многих людей, прикоснувшихся к чужой беде, проявивших при этом профессиональное мастерство, душевную чуткость и бескорыстие. Письмо длинное, но рука не поднимается сократить хоть одну строку, потому что каждое слово выстрадано матерью.

«Меня побудил написать материнский долг, — пишет она. — Долг перед теми, кто спас сына.

Я вдова. Осталась с тремя ребятишками из-за трагической случайности. Все заботы и тяготы житейские легли на мои плечи. Очень не хотелось, чтобы мои ребята были чем-то обделены в жизни, чтобы их детство чем-то отличалось от детства других детей. Поэтому работала, тянулась изо всех сил.

Помню свои детские годы. Они пришлись как раз на войну. Тяжелое и страшное время. Самое сильное впечатление детства — бомбы, что падали на наше село Байдовку. В первые же дни отец Иван Ефимович Гладкий ушел на войну, а мы остались с мамой. Скоро у нас в селе появился военный госпиталь, было много раненых. Не хватало обслуживающего персонала, и сельчане помогали выхаживать воинов. Я была еще совсем ребенком, но мы с подружками едва ли не каждый день бывали в госпитале. Помогали чем могли. Носили солдатам полевые цветы, молоко, яблоки. В госпитале не хватало бинтов, так моя мама, Елизавета Михайловна, приносила домой засохшие окровавленные повязки, стирала их на руках. А я носила воду из ручья, а потом на лугу расстилала бинты, как белый снег...

Пусть это время никогда не вернется, не повторится. Те полтора года, что я ждала сына из Афганистана,

были для меня такими, что не найду, наверное, слов рассказать о них. Каждый день с нетерпением высматривала почтальона, ждала весточки. Приходило письмо — ненадолго падал камень с души. А вскоре снова лезли разные мысли. Грешно признаться, может быть, что-нибудь не так скажу, но я даже молилась, чтобы все было благополучно; чтобы все наши сыновья вернулись и дождались их невесты. Свои молитвы приду-мывала. Что-нибудь делаешь по хозяйству, а сама приговариваешь: «О, земля афганская, не будь ты ко мне безразлична. Часто вспоминаю о тебе. С горестью и слезами. Сына обратно жду. И прошу я тебя, земля, не будь ты к нашим сыновьям жестока. Радость мне подари, сына в дом приведи...»

Так уж судьбой [illegible]начено, что стали мы с этой землей неразлучны. Может быть, и слышала она слова мои. Только что там слова. Совсем мало осталось сыну служить, когда случилось... В августе он был представлен к медали «За отвагу» как санинструктор взвода, а в сентябре его ранило. Позже мне рассказывал: душманы открыли огонь по нашим солдатам, упал друг Володи — Андрюша из Ворошиловграда и еще один его товарищ из Казахстана (имя не помню). Володя бросился помогать им, а тут и его...

Его и еще двоих наших ребят подобрали после боя афганские мирные жители. Оказали первую медицинскую помощь, привезли на ближнюю советскую заставу. Оттуда сразу ребят отправили в ближайший госпиталь. Там Владимира оперировали первый раз, отвели смерть. Затем — госпиталь в Кабуле, где доктора все свое мастерство приложили, чтобы сын жил. Потом был госпиталь уже в Ташкенте. А из Ташкента на самолете сына отправили в Москву.

Я была с ним с первого дня, как его привезли в столичный госпиталь. Приехали с братом сюда — ни родных, ни знакомых. Но не пропали, приютил добрый человек, Зоя Николаевна Лямина, с которой случайно разговорились. Устроила у себя: «Живите, сколько будет нужно». И денег не взяла.

Только здесь через четыре месяца после ранения Володя стал подниматься. Сначала на постели, потом научился садиться, совладал с коляской. Всякое было: и нестерпимые боли, и отчаяние, но врачи сделали чудо. Он научился ходить сначала на костылях, а позже — с палочкой.

И вот теперь мы дома. Все вроде хорошо. Наш Рубежнинский горисполком без очереди выделил Володе квартиру. Получили мы денежную помощь, купили машину, о которой тоже позаботились исполком и военкомат. По сей день люди нас не забывают. И сын, я уверена, не забудет этой людской доброты. Выздоровеет, и жизнь сложится. Будет у него еще и свое счастье.

А как мне, матери, отблагодарить всех людей, принявших участие в нашей семье? Только материнское спасибо и низкий поклон всем, кто спас моего Владимира. Тем неизвестным афганцам, кто вынес его с поля боя. Врачам кабульского, ташкентского госпиталей, имен которых я тоже не знаю. Спасибо докторам Сергею Викторовичу Овсянникову, Юрию Григорьевичу Мельникову, поднявшим на ноги сына. Зое Николаевне Ляминой. Нашему военкому Юрию Феоктистовичу Орефьеву за его отзывчивость. И хочу поблагодарить наше правительство за ту моральную и материальную поддержку, которая оказывается солдатам, вернувшимся из Афганистана».

Письма на одну тему, но такие разные. В одном письме говорится о врачах-халугах, в другом — об исцелителях. А страна одна, и госпиталь один — военный. Значит, дело в людях, в каждом из нас. Ведь их, раненых «афганцев», тысячи, а нас миллионы. Даже в большом городе воинов-интернационалистов, получивших инвалидность, можно назвать поименно. И тем не менее, о них мы зачастую забываем.

Весной 1988 года Советский фонд мира перечислил в Алма-Ату 12 миллионов рублей на строительство нового госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны и воинов-интернационалистов. Существующий в столице Казахстана госпиталь переполнен и нуждается в немедленном капитальном ремонте. Положение, можно сказать, критическое, если учесть, что в республике около 44 тысяч инвалидов войны и тысячи «афганцев», имеющих ранения.

Казалось, сразу же после поступления перечисленных средств начнутся работы и госпиталь будет сооружен в минимально короткие сроки. Однако деньги, переч-
численные Советским фондом мира, полгода лежат без
движения и неизвестно, сколько пролежат еще. Алма-
Атинский облисполком и горисполком никак не могли до-
говориться, где развернуть стройку — в городской черте
или на земле области. Шли переговоры, писались бума-

ги, собирались совещания. Городские власти доказывали, что в пределах столицы трудно выкроить место для госпиталя, областное руководство делало расчеты, сколько будет потеряно пахотной земли... Только в начале 1989 года пришло сообщение, что место наконец для госпиталя найдено.

У каждого своя забота, свои аргументы, все горячо отстаивают свои должностные интересы. А вступиться за интересы инвалидов практически некому. По плану строительство госпиталя должно быть завершено в 1994 году. Срок весьма долгий. Но и он может оказаться нереальным. Проектно-изыскательские работы уже отодвинуты, а это не ускорит строительство...

Мы много, часто и горячо говорим о милосердии, порой забывая о том, что людям, покалеченным войной, требуется оперативная помощь. Им нужны хорошие госпитали и больницы, опытные врачи, внимательные сестры. Им претит жалость. Их не надо носить на руках, оберегать и опекать. Они хотят быть такими же, как все, вместе со всеми делать посильную работу. Об этом свидетельствует рассказ о своей судьбе инструктора Минского обкома комсомола Павла Шетько: «Пять лет, как я дома, а сны до сих пор вижу «афганские». И в них до сих пор погибают ребята.

Но я и с другой болью вернулся в родную деревню после госпиталя — без руки. Как жить дальше? Небо казалось с овчинку. Запил. Несколько месяцев так продолжалось. Пока мама не посоветовала: езжай-ка ты в Минск к сестре. Она поняла, как мне маетно дома. Ведь все вокруг — и тихая жалость односельчан, и благополучие бывших одноклассников — напоминало: ты калека.

В Минске устроился на работу. Женился, сейчас двое детей. Недавно получил квартиру. Все хорошо, жизнь сложилась удачно. Как и у большинства прошедших Афганистан.

Рассказываю это не для того, чтобы похвастать или, упаси боже, подать себя как пример. Нет. Когда говорим о судьбах «афганцев» и слышу, что кто-то замкнулся в себе или озлобился, столкнувшись с житейскими неурядицами, вспоминаю пережитое одиночество. Вот корень бед. Как ведь случается: ну, пришел солдат, а никому, кроме родных, до него нет дела. Даже до раненых, инвалидов — это мы видели, например, в городе Дзержинске Горьковской области. Однако упреки не

только местным руководителям, военкоматам. Где, скажем, наши психологи, их помощь? А центры социальной реабилитации на местах где? Вот порой и выходит, что после Афганистана ты — один в поле воин: как хочешь, так и разбирайся со своими переживаниями, приходи в себя после адской нервной нагрузки».

Ржавчина равнодушия поражает не только тех, от кого зависит решение квартирного вопроса или устройство «афганца» на работу, она проявляется в разных ситуациях и по-разному, но всегда у тех людей, кто страдает душевной слепотой. Об этом взволнованное письмо из Донецка: «Я мать воина-интернационалиста. Сын вернулся домой. Да, он жив, хотя еще долго не будет здоровым, но все равно я как бы в долгу перед матерями, чьи сыновья не вернулись.

Думать о тех, кто служил в Афганистане, еще не значит чувствовать, осязать, переживать так, что вздрагиваешь от любого звука, телефонного звонка, шума подъезжающей к дому машины. Когда я лежала в больнице, в неврологическом отделении, а там были другие матери воинов-интернационалистов, врач нам сказал: «Ничего вам не поможет, пока сами не увидите своих детей целыми и невредимыми». А как быть тем матерям, чьи дети не вернулись, остались без ног, без рук?

Бесцеремонно вторгаясь в жизнь воинов-интернационалистов, мы их еще больше раним. Хочется обратиться ко всем матерям, не знавшим слез по своим невоевавшим сыновьям. Будьте добры и милосердны к нашим детям, отслужившим в Афганистане. Всмотритесь в их лица, они узнаются сразу, по глазам. Не делайте им еще больнее.

Не могу подписаться полностью, сын мне не простит этого, у него восприятие всего все еще обострено. Но промолчать тем более не могу».

Душевная черствость не пассивна, как кажется, а воинственна и криклива. Едут, а точнее, летят из Афганистана два закадычных друга. Геннадий Шумкин и Андрей Сидоров. Настроение у них прекрасное. Они вернулись на Родину героями, у обоих на груди медали «За отвагу». И хочется им каждого встречного обнять, с каждым поговорить, расспросить о жизни, рассказать о себе. Они общительны и веселы. И планы у них самые жизнерадостные: сначала побывать дома у Андрея, а потом махнуть к Геннадию. Дорога есть дорога. В Тюмени вышла заминка, надо было переждать ночь. Но

в гостинице «Северная» висела табличка «Мест нет». А при упоминании о льготах и об Афганистане администратор вышла из себя:

— Знать ничего не знаю, а пускать не имею права.

Вот и все! Администратор находилась «при исполнении» на своем рабочем месте в полупустой гостинице, отгородившись стеной равнодушия от посетителей.

Бездушие ранит иногда через годы и расстояния, но всегда метит в самое сердце. Вот что произошло с двумя Александрами — Рябкиным и Киреевым, которые служили в Афганистане, были автомобилистами, имеют награды. Судя по двум медалям «За отвагу» Саша Рябкин не из робкого десятка. Но он и его боевой товарищ допустили во время службы на афганской земле оплошности. Один задремал за рулем, другой не заметил своевременно, что баллон колеса спущен. Автомашины получили по их вине повреждения, государству был нанесен ущерб.

В Афганистане на обочинах дорог мне приходилось видеть целые кладбища разбитых, полуобгоревших грузовиков, автоцистерн и даже боевых машин пехоты. Ничего не сделаешь. Война. И если бы автомашины водителей Рябкина и Киреева попали под огонь душманов, сгорели целиком, никто не упрекнул бы солдат. Но на их беду оплошность они допустили не в бою, а во время обычного рейса. И повреждения грузовиков оказались не очень существенными. Это сыграло коварную роль. Заработала обычная в таких случаях машина расследования. Составлялись акты, оценивался убыток, писались рапорты...

Рябкин и Киреев не отнеслись ко всему серьезно. Им казалось, что все делается ради формы. Просто кому-то надо знать, что в Афганистане техника не только подрывается на минах и горит под обстрелом душманов. Там случаются и все другие виды автопроисшествий. Дороги трудные: жара и холод, снег и гололед, обвалы и сели, крутые подъемы и спуски. И «баранку» приходилось крутить чуть ли не сутками без отдыха. В таких условиях до аварии, как говорится, один шаг.

Уволившись в запас, Рябкин и Киреев вернулись в родной Дмитров, устроились на работу. И вдруг — вызов в народный суд города Талдома. На основании официальной справки из части, подписанной командиром и начфином и заверенной в консульском отделе Посоль-

ства СССР в Афганистане, предстояло взыскать с Рябкина 241 рубль, а с Киреева 269 рублей 88 копеек.

Вроде бы все делается законно. Командование части скрупулезно выполняло существующие правила компенсации ущерба, нанесенного военнослужащими по своей вине. Но делалось это так, будто в Афганистане нет никакой войны. И никто не задумался, какую душевную боль должен испытать воин-интернационалист, когда его вызовут в суд. Журналист Ю. Соколов с болью и гневом писал в «Известиях»:

«Теперь уже позади пыль, жара и засады на афганских дорогах, и даже инспектора ГАИ, засевшего с локатором в кустах подмосковного шоссе, водитель Киреев воспринимает без обычных шоферских страстей. Он вот-вот выплатит свой финансовый долг государству. Интернациональный он уже выплатил.

В связи с этим интересует вот что: нравственно ли, выражаясь юридически, взимание по исполнительному листу денег с военнослужащих за поврежденную технику во время выполнения интернационального долга в Афганистане? И если безнравственно, то где, в какой момент это взимание может стать нравственным?

То есть ясно, что если солдат вскоре после легкомысленного повреждения им кабины погиб смертью храбрых, то с родителей денег не взимают. Это была бы вопиющая безнравственность.

А если покалечило? Если пришлось ампутировать ногу? Ту самую, которая вовремя не нажала на тормоз?.. Тоже, наверное, взимать не будут, неудобно как-то...

Ну а если повезло солдату — вернулся домой без единой царапины, да еще с двумя медалями «За отвагу»? Взимать?! До копеечки?»

Равнодушие к бывшему солдату, который в свои двадцать лет успел повоевать, стать ветераном и нередко прийти с войны инвалидом, вызывает боль. Но больнее видеть, когда обижают родителей погибшего воина-интернационалиста. Жил молодой, красивый парень, был надеждой отца и матери. Знали они, что будет кому скрасить их старость, взять на себя часть забот. И в армию они проводили сына с надеждой, что вернется он еще более окрепшим, более серьезным и надежным. Но сын не вернулся из далекой страны, с жестокой и непонятной войны. Как же наше общество постаралось облегчить участь родителей, переживших страшную для них потерю?

Из деревни Юнашков Ивано-Франковской области пришло письмо от матери погибшего солдата Анастасии Клищ: «Я пенсионерка. Мой муж работает в колхозе. Наш сын Игорь погиб в Афганистане. Пережили большое горе, но люди не оставили нас, окружили заботой. Вот только одно... Игорь был нашей опорой на старости лет. А пенсию назначили за него совсем небольшую. Средств и сейчас не хватает, а что будет позже, когда не сможем работать? На месте никто помочь не может. Просим как-нибудь повлиять на органы соцобеспечения, если можно, чтобы учли наше тяжелое положение...»

Конечно, заменить сына никто и никогда не сможет. И то, что сделал бы он для родителей, сделать уже никому не удастся. Не будет уже его доброй улыбки, его внимательного взгляда, повседневной заботы. А вот подумать, как и на что будут жить люди, потерявшие кормильца, должны и работники органов соцобеспечения, и представители Советской власти, и партийное руководство. Сколько в колхозе таких семей? Одна-две. Сколько в районе? Десять. Так неужели нельзя выделить пенсионерам, потерявшим сына-кормильца, небольшую доплату к пенсии?

К сожалению, нередко приходится встречаться с чиновничьим, казенным отношением к нуждам воинов-интернационалистов и их семьям. Трудно понять, откуда идет это в нашем обществе, ведь государство предоставило льготы воинам, выполнявшим интернациональный долг. И вроде бы все уже сделано. Но как далеко бывает порой от самого лучшего объявленного блага до блага реального, предоставленного человеку, согревающего его и в прямом, и в переносном смысле. Мы привыкли чествовать и даже любить коллективно, особенно в праздники и в юбилеи. Это проще и легче. В такие дни накрываются кумачом столы, произносятся взволнованные и правильные речи, вручаются цветы и подарки. Труднее любить конкретного человека, ветерана той, Великой войны или этой, близкой, но необъявленной, а оттого не всегда понятной. К этому человеку надо пойти домой или выслушать его в кабинете, понять, чем он живет, что тревожит и волнует его, оказать помощь. На это не всегда хватает времени, средств, возможностей и... сердца.

Вот письмо от человека, который не привык писать, а еще больше не склонен жаловаться:

«Зовут меня Сергей. 20 лет, учусь в университете. Что заставило написать? Хочется узнать мнение других людей, тех, которые не знают меня, тех, которых не знаю я.

А дело вот в чем. Вернулся домой из армии. Имею тяжелое ранение. Нашивка есть и на гражданском костюме. Однажды зашел в кафе. Напротив меня сидели две молодые девушки, а справа — паренек в военной форме с двумя медалями. И каково же было мое удивление, когда эти девчонки стали громко, почти на весь зал, осуждать парня за то, что «нацепил эти железяки, ходит и ими звякает».

Стало очень обидно и за него, и за себя. Что уж говорить о моей полоске красной материи, если даже боевые награды вызывают раздражение. Разве нельзя носить то, что заслужил? Почему это так? Что же тогда ценится? Даже преподаватель, которому я сдавал экзамен, сказал, что «не нужно рисоваться». Я ему ничего не ответил. Просто не нашлось слов. А ведь у него самого сын служит.

А может быть, действительно не нужно?»

Ни правильное постановление, ни самые щедрые льготы не заменят душевного отношения и сердечной теплоты. Не трибунной, не митинговой, а повседневной. Для этого необходимо формировать общественное мнение, чаще и больше рассказывать о боевых и жизненных подвигах воинов, сражавшихся в Афганистане. Надо, чтобы «афганец» не виделся только мужественным воякой, чтобы предстал перед всеми человеком живым, со всеми его заботами и бедами. Чтобы каждый, кто встретится с ним, был готов не просто помочь ему, выразить признательность, а мог хотя бы мысленно поставить себя на его место.

Пишу об этом и слышу голос Саши Антонова, рассказывающего о бедах Николая Малышкова, который потерял в боях с душманами руку. После излечения Николай был признан инвалидом второй группы, стал получать сто рублей в месяц. Нелегко ныне молодому парню жить на такую пенсию. Но кто-то решил, что и этого ему много. После переосвидетельствования Малышкову определили уже не вторую, а третью группу инвалидности, в результате чего пенсия была снижена до... сорока рублей. Он попытался устроиться на работу, но ему, словно в насмешку, предложили должность грузчика.

Вот так льготы становятся своеобразной подачкой во искупление общественной вины, а не мерой общественного признания, как это должно быть в гуманном обществе.

Заметки на полях

Наше отношение к двадцатилетним ветеранам не всегда еще четко определяется. Все знают, что тем, кто прошел через Афганистан, определены льготы, но мало кто считает себя ответственным за предоставление этих льгот. Жизненно важное дело зависит зачастую только от личных качеств какого-то должностного лица, а порой и от его настроения. Известно, что «афганцы» приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны, но почему-то считается, что обеспечивать это право должны только кассиры, продавцы, контролеры, а не все мы, стоящие в очереди за покупками или билетами.

На встрече в ВЦСПС воины-интернационалисты высказывали предложения о дополнительных мерах по упорядочению и расширению льгот для тех, кто вернулся из Афганистана, а также для родителей и семей тех, кто погиб при выполнении интернационального долга. В отдел воспитательной работы, культуры и спорта ВЦСПС поступают предложения по этому жизненно важному вопросу:

рассмотреть возможность серьезного улучшения пенсионного обеспечения родителей военнослужащих, погибших при выполнении интернационального долга, увеличения размера пенсий, введения ежегодных единовременных пособий;

ввести для родителей погибших военнослужащих удостоверение, определяющее право родителей на установленные льготы;

компенсировать полностью или частично родителям погибших воинов расходы по сооружению надгробий на местах захоронения;

внести в законодательство изменение об освобождении родителей погибших военнослужащих от взимания налога за бездетность;

распространить на родителей погибших военнослужащих льготы по торговому обслуживанию;

предоставить родителям погибших военнослужащих и воинам-интернационалистам право бесплатного проезда в городском транспорте;

установить конкретные сроки обеспечения жильем всех воинов-интернационалистов, остро нуждающихся в получении жилой площади, развивать движение МЖК;

изучить вопросы, связанные с определением порядка постановки на очередь для получения жилплощади, в том числе не по месту жительства, воинов-интернационалистов, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях;

обеспечить первоочередное предоставление в студенческих общежитиях жилой площади семьям воинов-интернационалистов;

ввести для воинов-интернационалистов стопроцентную оплату больничных листов независимо от стажа работы;

обеспечить воинов-интернационалистов, имеющих показания по состоянию здоровья, бесплатным диетическим питанием по месту работы и учебы;

расширить перечень заболеваний, дающих бывшим воинам право на получение автомобиля наряду с инвалидами, имеющими повреждение нижних конечностей;

предоставить право на получение взамен автомашины «Запорожец» автомобиля ВАЗ с соответствующим увеличением срока его использования или возмещения в рассрочку части его стоимости, превышающей государственные выплаты на эти цели;

установить порядок внеочередного приобретения автомашин воинам-интернационалистам, имеющим вторую и третью группы инвалидности;

решить вопрос об открытии специально для инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата высших учебных заведений-интернатов или специализированных филиалов при ведущих вузах страны;

издать массовым тиражом в помощь военнослужащим, выполнявшим интернациональный долг, юридический справочник «Льготы воинам-интернационалистам»;

организовать на страницах печати консультации по вопросам, связанным с предоставлением льгот воинам-интернационалистнам, родителям и семьям погибших военнослужащих;

обратить внимание местных органов власти, общественных организаций на необходимость более широкого использования возможностей предоставления дополнительных льгот воинам-интернационалистам, родителям и семьям погибших.

Не обязательно, чтобы по каждому из этих предложений принималось правительственное постановление. Многие вопросы могут быть решены на местах, в городах и селах, на заводах, фабриках и в колхозах. Большую роль в этом могут и должны сыграть руководители предприятий, партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Забота о воинах-интернационалистах — это всенародная забота.

Жизнь продолжается. А там, где есть жизнь, есть и борьба. Борьба с черствостью, за мирное настоящее и будущее. И в этой священной борьбе «афганцам» помогает закалка, полученная в армии, помогает им переносить все невзгоды и трудности. Мне хотелось бы слово в слово повторить то, что сказала народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева:

«Наши сыновья, девятнадцати-двадцатилетние, увидели столько смертей, пережили столько потерь. Чтобы вынести все это, какой должен быть в них запас силы и стойкости. У них теперь свой взгляд на вещи. Вернувшись на Родину, они стали самыми активными поборниками перестройки, их гражданские чувства обострены.

Но именно те руководители, кто лакирует действительность, не хотят принимать их на работу, зная, что эти ребята тверды, как гвозди, пробьют любую стену, не будут лебезить и угодничать. Холодное, равнодушное отношение проявляется к ним и со стороны тех, кто по долгу службы должен принять участие в их дальнейшей

судьбе, а также в судьбе матерей и жен тех, кто не вернулся с поля боя. Это типичная позиция мещан, кто в свое время хлопал и произносил хвалебные оды, а сам использовал связи, чтобы их чада не попали в Афганистан, причем не из каких-то там идейных соображений, ими владело только чувство самосохранения: пусть другие повоюют. Мы все в долгу перед этими ребятами. Не только перед теми, кто получил звание Героя, они все герои. Считаю, что холодное и равнодушное отношение к ним и к тем, кто лишился своих сыновей и мужей, нужно расценивать как преступление. Эти ребята должны учиться и работать там, где они чувствуют свое призвание, получать жилье в первую очередь. И мы, литераторы и журналисты, должны писать о них и их подвиге...

Я написала поэму и стихи об «афганцах», потому что мое поэтическое и женское сердце благоговеет перед мужеством. Надеюсь, что скоро мы увидим памятник солдатам-интернационалистам, не вернувшимся на родную землю. А что касается живых, то долг перед ними пусть будет не на словах. Вместе с ними нам строить и жить, восстанавливать социальную справедливость и попранные принципы, исправлять ошибки».

Фазу Алиева — не сторонний наблюдатель афганский событий. Каждая строка, написанная ее рукой, выстрадана. Когда она говорит о матерях «афганцев», она говорит и о себе. Когда народная поэтесса узнала, что ее сын, офицер, направляется в Афганистан, она сказала ему то, что говорили тысячи матерей, провожавших сыновей на фронт:

— Себя береги, но чести не теряй.

Фазу Алиева и сама побывала на афганской земле в разгар военных событий. Она выступала перед литераторами республики, встречалась с рабочими и дехканами, познакомилась со многими советскими ребятами-«афганцами». Фазу Алиева написала стихотворение, посвященное Герою Советского Союза Александру Солуянову. Есть в нем такие строки:

Я сущность мужества
уразумела —
Его характер ясен и суров.
Где мужество — там
подлинное дело
И нет на ветер
выброшенных слов.
Где мужество — там,

яркая, как пламя,
Ключом горячим жизнь
кипит всегда,
Дороги не заносятся
снегами
И льдом не покрывается
вода.
Оно — в порыве, в поиске,
в работе,
В нем все земное —
И лицо, и стать.
Но без него о солнечном
полете
Душе бескрылой грех
и помышлять.

4

В рабочем ритме очередного заседания первого Съезда народных депутатов появление на трибуне Сергея Червонописского встретили без особых эмоций. До этого в зале уже прозвучали острые речи. Выступили известные политики и экономисты, руководители производства и писатели. Никто не ожидал, видимо, что молодой человек, с трудом шагавший на протезах к трибуне, сумеет овладеть вниманием зала. Не было у него громких титулов и званий. Он относился к числу тех, кого в последнее время стало модно именовать комсомольскими бюрократами. Но речь бывшего воина-интернационалиста, избранного первым секретарем Черкасского горкома ЛКСМ Украины, не раз прерывалась дружными аплодисментами. Такое внимание зала Сергей, кажется, объяснил сам:

— Народ уже высказал свое доверие к нам, бывшим воинам-интернационалистам. Сегодня в зале присутствуют 120 народных депутатов, прошедших школу лишений, трудностей, мужества, воинской доблести на многострадальной афганской земле.

120 «афганцев», пройдя предвыборный марафон, стали избранниками народа, представителями высшей власти страны. Люди доверили им решать жизненно важные вопросы, веря не столько в их жизненный опыт, сколько в честность, бескорыстие и прямоту, в мужество и настойчивость, свойственные воинам-интернационалистам. Эти качества особенно необходимы в условиях перестройки.

Путь «афганцев» в народные депутаты не был легким. Ставший уже знаменитым Герой Советского Союза Руслан Аушев оказался одним из пятнадцати претендентов на депутатский мандат. Только с третьей попытки его зарегистрировали кандидатом, но преднамеренно уготовили ему роль неудачника. Уссурийская газета «Коммунар» тенденциозно комментировала выступления Руслана на встречах с избирателями. То же самое делало местное радио. Они старались обеспечить победу сопернику Аушева, одному из местных руководителей. Однако большинство избирателей оказали доверие «афганцу», командиру мотострелкового полка. А ведь голосовали за него в основном люди гражданские.

Иначе складывалась предвыборная борьба у воина-интернационалиста майора Владимира Золотухина. Местные газеты активно поддерживали его, а вот в райкоме партии и даже в политуправлении военного округа активно противились выдвижению офицера кандидатом в депутаты. Не «вписывалась» его должность в заранее определенный номенклатурный список. Началось «силовое давление». Но и сам Валерий и те, кто выдвигал и поддерживал его, проявили завидную настойчивость. Майор Золотухин одержал победу на выборах.

Немало испытаний выдержал во время избирательной кампании бывший воин-интернационалист Ризоали Оджиев. Уроком демократии стала для него и для его товарищей, выдвигавшихся в народные депутаты от комсомола, встреча с избирателями в Душанбе. Разговор продолжался около трех часов. Обсуждались острые проблемы формирования национальных рабочих кадров, развития межнациональных отношений, демократии и гласности, укрепления связи комсомола с молодежью.

Много вопросов было адресовано кавалеру ордена Красной Звезды Ризоали Оджиеву. Он трудится в правлении кооператива «Интернационалист», который оказывает бытовые услуги населению. Дело это новое, у многих к кооперативному движению сформировалось негативное отношение. Но Ризоали смотрит в будущее с оптимизмом, видит перспективу развития своего и других кооперативов, считает, что именно в них охотно придут увольняемые из Вооруженных Сил офицеры, прапорщики и солдаты. Всем им найдется дело по душе. Не останутся они в стороне и от общественной жизни. Часть доходов кооператива будет вкладываться и уже вкладывается в развитие материально-технической ба-

зы городского военно-патриотического клуба. Далеко не всем понятна такая связь между бизнесом и бескорыстием, поэтому и пришлось Ризоали отвечать на десятки самых острых вопросов, доказывать свое право на звание народного представителя власти.

В условиях перестройки и гласности предвыборная борьба для большинства кандидатов в народные депутаты была нелегкой, но особенно трудной она оказалась для воинов-интернационалистов. Многие из них совсем недавно вернулись из Афганистана и еще не нашли своего места на трудовом фронте, не успели показать себя, завоевать людские сердца. Да и тем, кто остается в армейском строю, было трудно соперничать с людьми гражданскими, зачастую наделенными властью.

Два года гвардии капитан Сергей Ястребцов находился в самой гуще афганских событий. Вернулся с двумя орденами Красной Звезды, наградами были отмечены все его подчиненные. А на Родине их ожидали новые испытания. Пришлось Сергею выполнять особую миссию в Армении, стремясь погасить страсти, разгоревшиеся из-за Карабаха. В этой сложной, напряженной ситуации гвардии капитан Ястребцов оказался человеком политически зрелым и мудрым. Он разговаривал с людьми спокойно и убедительно, не теряя самообладания, с чувством уверенности и достоинства. К нему прислушивались, ему верили.

Там, в Ереване, Сергей Ястребцов узнал о том, что он выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР. Известие было неожиданным для него, но не застало врасплох. Свою предвыборную программу он изложил четко и уверенно, потому что думал и говорил о самом главном, наболевшем в душе. О подготовке молодежи к армейской службе, об интернациональном воспитании. О изучении родного языка. Он не заигрывал с избирателями, не был щедрым на обещания. Наоборот, подчеркивал необходимость укрепления трудовой дисциплины, порядка и организованности. Но его позиция и реализм программы были по душе избирателям.

А задача у Сергея была сложная. За него предстояло голосовать избирателям пяти районов Одесской области — Болградского, Измаильского, Килийского, Ренийского и Татарбунарского. В соперниках недостатка не было. По Измаильскому округу выдвигалось 12 кандидатов, в их числе был председатель известного колхоза, удостоенный звания Героя Социалистического Тру-

да. Многие сочувствовали Сергею, откровенно говорили, что его хотя и оставили в списках, но именитый соперник без особого труда пройдет в депутаты. Однако, вопреки прогнозам, более 80 процентов избирателей отдали голоса за Ястребцова. В чем же секрет такого успеха?

— Секрет простой, — сказал Сергей. — Народ верит человеку в погонах.

Слова Сергея Ястребцова звучат особенно убедительно и весомо. Ведь говорил он и от имени своих избирателей.

* * *

Воинов, воевавших в Афганистане, — и тех, кто уволен в запас, и оставшихся в боевом строю — мы узнаем без особого труда. Сколько их, молодых парней, прошедших через огонь войны, которой пока нет даже определенного названия? По самым приблизительным подсчетам, не менее 500 тысяч. И они не где-нибудь, не в каком-то отдельном городе, а среди нас. Они молоды, сильны и мужественны, а поэтому обладают огромной социальной энергией. Об этом свидетельствуют их добрые дела.

7 декабря 1988 года в 10 часов 41 минуту по московскому времени в северных районах Армении произошло землетрясение, сила которого в Спитаке превышала 10, а в Ленинакане 9 баллов. Неисчислимые беды принесла стихия. Разрушенные города и села, десятки тысяч погибших и раненых, 500 тысяч человек лишились крова. На всех языках мира рядом со словом Армения зазвучали слова: беда, горе, милосердие. Трагедия высветила лучшие человеческие качества.

Одними из первых на месте землетрясения были люди в военной форме. Всего через пять часов после первого разрушительного толчка в Спитак прибыло подразделение внутренних войск численностью в 1 200 человек. Не имея на первых порах почти никакой техники, офицеры и солдаты начали вручную разгребать завалы, спасая пострадавших. Вскоре на помощь им прибыло еще 5 тысяч воинов. Только на разборке одного из завалов ими спасено 200 человек.

Хроника спасательных действий военнослужащих поражает своей динамикой. 9 декабря в ликвидации последствий землетрясения уже принимали участие 20 ты-

сяч солдат и офицеров, более 1 400 большегрузных армейских автомашин, свыше 500 дорожно-строительных механизмов и 80 единиц бронетанковой техники. На доставке грузов в район землетрясения было задействовано более 300 самолетов военно-транспортной авиации, повсеместно трудились военные вертолетчики, эвакуируя раненых, доставляя в труднодоступные районы врачей и медикаменты, осуществляя связь.

Дыханием войны повеяло от коротких информационных сообщений из Ленинакана. В тот день, 7 декабря, ровно в 10 часов рядовой Виктор Сидоров заступил на пост у Боевого Знамени части. Минут через сорок здание штаба зашаталось, с потолка посыпалась штукатурка, стали рушиться стены. Часовой не растерялся. Он вскрыл застекленный шкаф и вынес знамя из помещения, которое вскоре рухнуло. Когда прибыл начальник караула, знамя было уже в безопасном месте.

Виктор Сидоров прошел испытание на прочность в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, неоднократно участвовал в боях против сил вооруженной оппозиции. Афганская закалка помогла ему в создавшейся экстремальной ситуации. А за мужество и самоотверженность, проявленные при спасении Боевого Знамени части, рядовой В. Сидоров поощрен командованием.

Бывшие воины-интернационалисты во время беспорядков, возникших на почве национальных раздоров из-за Карабаха, помогали воинским подразделениям поддерживать порядок. И они же в первые часы после землетрясения приступили к организации помощи пострадавшим. Час за часом кирками и ломами воины долбили камень и расчищали завалы, добираясь до тех пустот, где стонали раненые. Ни одного часа на отдых, ни минуты на еду. Работали днем, не прекращали трудиться ночью при свете костров и факелов. Среди тех, кто находился на завалах, был и гвардии майор С. Гужбин, служивший ранее в Афганистане. Он, наверное, больше, чем кто-либо другой, знал цену потерянным минутам и человеческой взаимовыручки. Каждого спасенного ребенка, каждого раненого, извлеченного из-под обломков здания, ему хотелось прижать к себе, чтобы согреть собственным теплом, передать частичку своего сердцебиения. Но время торопило, и приходилось бегом доставлять носилки к санитарным машинам.

Капитан В. Остапчук спешил в район бедствия с

таким же чувством, с каким направлялся в свое время в Афганистан. Он знал одно: там беда и нужна его помощь. Опасность его не пугала, к лишениям он привык, поэтому больше всего переживал за потерянные в пути минуты. Среди вертолетчиков, прибывших в Армению, тоже было много «афганцев». Их легко узнавали по особому почерку: они быстро и безошибочно выбирали места для посадок и мастерски приземляли свои винтокрылые машины.

В первые после землетрясения часы были сформированы 36 бригад специализированной медицинской помощи, в состав которых вошли специалисты из военных госпиталей и войсковой медицинской службы. На другой же день в Ереван прилетели 125 сотрудников Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. В их числе были 80 опытных военных врачей. А возглавлял бригаду полковник медицинской службы И. Косачев, который раньше работал главным хирургом ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Воины, сражавшиеся на земле Афганистана, были среди тех, кто с готовностью откликнулся на беду, постигшую армянский народ. Наверное, по-человечески можно было бы понять, если бы кто-то из них на предложение поехать в район землетрясения промолчал. Люди столько пережили, столько повидали смертей и крови, что никто не решился бы послать их в новую зону страданий. Но они шли к командиру и настаивали послать именно их, горячо доказывая, что у них есть опыт работы в экстремальных условиях, они умеют обращаться с ранеными, их не напугает вид разрушений. И эти аргументы оказывались весомее всех других.

В воздухе еще висели облака пыли от рухнувших зданий, еще стелился над землей дым от пожаров, а капитан Александр Тензин уже вел свой вертолет в самый эпицентр землетрясения, чтобы доставить оттуда в госпиталь людей, получивших ранения.

— Я дважды был в Афганистане, видел, кажется, немало трудностей, — сказал Александр в разговоре с журналистами, — но здесь пришлось пережить не меньше.

Он не стал добавлять, что и условия полетов в первые часы и дни после землетрясения оказались адски трудными. Неразбериха и испуг на земле, отсутствие четкого руководства, неясность обстановки. Летать пришлось много, не думая об отдыхе. Но экипаж у капи-

тана Тензина крепкий, прошедший испытание боями. Сам Александр награжден двумя орденами Красной Звезды, а штурман и бортовой техник удостоены медали «За боевые заслуги». На земле Армении они заслужили не меньшую признательность своим мастерством и нелегким самоотверженным трудом.

Экипаж тяжелого транспортного самолета Ил-76 во главе с майором Виктором Федосеевым, вернувшегося из Афганистана, должен был получить положенный и обязательный отдых. Но именно в эти часы пришло сообщение о трагическом землетрясении. И Федосеев сразу же, как только была подготовлена машина, поднял ее в небо и взял курс на Ереван. 13 декабря самолет принял на борт более 60 раненых, женщин и детей. Их ждали в Киеве. Но в Борисполе неожиданно испортилась погода. Рисковать и без того много пережившими людьми Федосеев не мог, поэтому принял решение совершить посадку на своем военном аэродроме. «Земля» одобрила его действия, и он тут же связался с руководителем полетов, сообщил время прибытия, количество пассажиров, состояние раненых. В гарнизоне сразу же началась подготовка к приему самолета. Жены офицеров и служащие Советской Армии под руководством Светланы Кульбеды готовили теплую одежду, места для размещения прибывающих. Врачи сделали все необходимое, чтобы оказать первую помощь пострадавшим.

Напряженно работали в те дни специалисты Главного центра Единой системы управления воздушным движением СССР. Из многих стран мира в Советский Союз направлялись транспортные самолеты. Они стремились быстрее доставить врачей и медицинское оборудование, спасателей, технику и продовольствие. А в Армении работало практически два аэродрома. Принять такое количество воздушных кораблей они не могли. К тому же капризничала погода. Приходилось перенацеливать экипажи, приземлять их в Москве и других городах.

Одним из дирижеров заграничных рейсов был подполковник Александр Логно. Работать ему приходилось на предельных перегрузках. Ломаные линии маршрутов тянулись в Армению из Праги и Белграда, Рима и Лондона. Были среди бортов, как называют самолеты на пункте управления, и советские, и иностранные экипажи, порой им приходилось пересекать границы нескольких стран. Надо было все предусмотреть, согласовать,

своевременно дать нужную информацию и пилотам, и на аэродром посадки.

Трудная и сложная обстановка в воздухе не пугала Логно. У Александра за плечами огромный опыт работы в экстремальных условиях. Был он в Чернобыле после аварии на атомной электростанции, служил в Афганистане, где получил хорошую закалку. И новое испытание не испугало его. Военный журналист Адам Гаравский, побывавший в самый напряженный момент в Главном центре, с восхищением говорил о том, как трудятся Александр и его товарищи в нелегких условиях, когда вся надежда только на свою память и сообразительность, когда приходится в уме просчитывать десятки вариантов возможных решений. А ведь каждое решение связано с безопасностью полетов.

В истории военной авиации еще не было такой трудовой страницы, которую открыла она во время ликвидации последствий этого землетрясения. За одну неделю по воздуху в район бедствия было доставлено 344 крана, 46 экскаваторов, 38 бульдозеров, 16 электростанций. Эвакуировано почти две тысячи человек.

Экипаж вертолета Ми 6, где командиром коммунист майор А. Кириченко, кажется испытал многое. Сражался в Афганистане, был на ликвидации аварии в Чернобыле. Но даже командир этого боевого экипажа назвал дни и ночи в Армении горячими. Везли людей, технику, медикаменты. И все требовалось доставить срочно, не обращая внимания на условия, в которых приходилось действовать. Порой в салон успевали загрузить всего несколько человек, а уже приходилось запрашивать экстренный взлет: врачи заявляли, что потерпевшего может спасти только время. Цена каждой минуты полета становилась ценой человеческой жизни.

Когда речь идет о людях в военной форме, их самоотверженность и мужество кажутся естественными. Есть приказ — и они поднимают самолеты в воздух, садятся в кабины автомашин, спешат по указанному маршруту. У людей гражданских иная мера поступков: они руководствуются не приказом, а велением души и сердца.

Бывшему десантнику кавалеру ордена Красной Звезды Игорю Федорову выпало служить в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Оттуда он вернулся в Кохтла-Ярве Эстонской ССР, устроился слесарем в объединение «Сланцехим». Весть о зем-

летрясении на земле братской Армении прозвучала для Игоря сигналом тревоги, к которым он привык за время службы. Был поднят на ноги весь клуб воинов-интернационалистов, и вскоре группа спасателей, сформированная в Кохтла-Ярве, вылетела в район бедствия. Возглавил ее Игорь Федоров.

— Мы уже видели горе в Афганистане, — вспоминал бывший командир танка Андрей Маштаков. — Научились чувствовать боль и беду того, кто рядом. Сейчас народу Армении остро необходимы дружеская помощь, рабочие руки. У каждого из нас по две-три профессии: есть слесари и водители, токари, стропальщики, электрики.

Более ста студентов Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта в первые дни после землетрясения направились в Армению. Костяк их отряда «Интернационалист» составили бывшие воины, сражавшиеся на земле Афганистана. Отбирали кандидатов в отряд придирчиво: требовалось, чтобы студент имел нужную для ликвидации разрушений специальность и был хорошо подготовлен физически.

Усилия воинов по ликвидации последствий землетрясения возрастали изо дня в день. К 23 декабря в зоне бедствия работало уже три тысячи единиц военной техники, а военно-транспортная авиация выполнила более 900 авиарейсов, в том числе 150 рейсов сделали тяжелые самолеты Ан-124 «Руслан» и Ан-22 «Антей». За штурвалами самолетов и за рычагами машин можно было увидеть воинов, прошедших школу Афганистана.

Армия быстро завоевала авторитет у спасателей и местного населения. Люди в бушлатах и гимнастерках делали самую трудную, сложную и опасную работу. За две недели ими было проложено 43 километра проходов в завалах, расчищено около 100 километров дорог, поставлено более 17 тысяч палаток, 200 походных кухонь, два подвижных хлебозавода, развернуто три банно-прачечных поезда, 75 войсковых электростанций, 37 тысяч человек из местного населения получали ежедневно двухразовое питание в столовых войсковых подразделений. Каждому третьему пострадавшему помощь оказали военные медики.

В первые дни подполковник медицинской службы И. Махлин думал только об одном: «Спасти!» Это слово ему не раз приходилось слышать на земле Афганистана, где он выполнял свой интернациональный долг.

Но там, пожалуй, было даже легче: ранения получали здоровые, сильные, физически закаленные парни. В зоне землетрясения в военные госпитали и санитарные части поступали дети, старики, старухи. Тут надо было действовать по-другому, возвращение к жизни шло труднее. Но помогал приобретенный опыт.

Весьма существенная деталь: многие из офицеров, сержантов и солдат, прибывших в Ленинакан и Спитак, старались быть похожими на «афганцев». Внучатый племянник маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна командир роты Алеша Баграмов прямо заявил, что его идеал — генерал Борис Громов, командовавший ограниченным контингентом советских войск в Афганистане. Ему стремится молодой офицер подражать в своих поступках.

Время бежит быстро, стирая в памяти подробности увиденного в Афганистане. Но годы бессильны отодвинуть в прошлое яркие характеры ребят. О них, наших замечательных парнях, часто напоминают письма, газетные очерки, выступления по радио или телевидению. Но чаще всего «афганцы» сами напоминают о себе своими поступками в экстремальных ситуациях, которых немало случается в мирной жизни...

В первых числах июня 1989 года у станции Улу-Теляк на территории Башкирии произошла трагедия, стоившая жизни сотням людей. В районе взрыва газа, скопившегося в лощине, оказалось два пассажирских поезда дальнего следования.

Танкисту офицеру Виктору Храмову пришлось в свое время сражаться в Афганистане. На его глазах взрывались мины и снаряды, гибли люди.

— Думал, что прошел уже все. Но такого еще не видел, — сказал Виктор на месте железнодорожной катастрофы.

В Улу-Теляк офицера привела личная драма. Во время взрыва погибли его жена и два сына. Вместе с другими военными и гражданскими спасателями Виктор занимался разбором завалов и опознанием погибших.

Старший лейтенант Евгений Гулевский был среди тех, кто ехал на одном из поездов, попавших в зону взрыва, возглавлял караул. Забот у него было много: надо и за людьми присмотреть, и оружие выдать, и посты проверить. Внезапно неведомая грохочущая сила опрокинула вагон. Очнувшись, увидел зарево, почувст-

вовал запах дыма, услышал стоны. И только тут понял, что это не очередной сон, вернувший его в Афганистан, а крушение поезда. Мысль заработала быстро и четко.

— Детей спасайте! — крикнул он, не зная, кто услышит его в этом гремящем, пылающем и стонущем аду.

Бросился на крик, подхватил на руки девчушку, с трудом прорвался через пламя и, шатаясь, начал уходить в сторону от горящего эшелона. Заметил бежащего навстречу человека, почувствовал, что теряет сознание, но успел сказать:

— Вагон девять. Место шестнадцать. Там оружие. Помогите караулу...

Он не знал масштабов катастрофы, не видел, как из дышащего огнем чрева девятого вагона выбирались его подчиненные младшие сержанты М. Кованев и К. Истомин, рядовые Ю. Целищев и С. Ребенков, не слышал, что им кричали обезумевшие от страха люди. А солдаты и в этой обстановке остались солдатами. Они не думали о себе, не чувствовали боли от ожогов. Им некогда было тушить на себе одежду. Почерневшие, в обгоревшей одежде, они спасали людей, помогали выбраться из вагона женщинам, выносили оружие. В больницах Куйбышева и Свердловска, куда после аварии доставили обожженных солдат и сержантов, они услышали горькую весть о гибели своего командира.

Но старший лейтенант Гулевский остался жив. Это было его второе воскрешение из мертвых. Первый раз сообщение о его геройской гибели было направлено на Родину из Афганистана после трудного боя с душманами. Но офицер остался тогда жив. И вот второе испытание огнем, и второй раз он оказался сильнее огня. Такое же мужество проявляли и другие «афганцы».

Как только стало известно о трагедии у станции Улу-Теляк, почти все Уфимское высшее авиационное училище летчиков было поднято по тревоге. На рассвете с аэродрома поднялись первые вертолеты. Начал действовать воздушный мост Аша — Уфа. Садились винтокрылые машины почти в центре города, ближе к республиканскому ожоговому центру. Особенно умело и четко действовали при этом воины-интернационалисты, получившие закалку в Афганистане, летчики-инструкторы Ю. Борш, А. Мурзин и В. Чепанов.

В предельно короткий срок с одного из аэродромов

поднялся тяжелый транспортный самолет Ил-76 с военным госпиталем на борту. За штурвалом лайнера находился первоклассный летчик командир эскадрильи подполковник О. Пивницкий. За его плечами нелегкая служба в Афганистане, он принимал участие в спасении пострадавших от землетрясения в Армении. Мастерство, собранность, готовность прийти на помощь людям отличают и офицера Пивницкого и всех, кто трудится в составе крылатого госпиталя.

Бывший воин-интернационалист Юрий Кирсанов, чьи песни звучат ныне на телевидении, по радио, с пластинок и кассет, в беседе, состоявшейся в рамках программы ЦТ «На службе Отечеству», сказал о том, что Афганистан живет и будет долго жить в сердцах всех, кто побывал там, что для них он стал той основой, которая не дает сбиться с пути. Это не просто красивые слова. Они подтверждены в тысячах судеб и поступков. «Афганцы» были среди первых, кто откликнулся на зов беды, постигшей Армению, стремились туда, где опаснее и труднее. И в Чернобыле их имена назывались с уважением и надеждой, они, не боясь риска, вели свои вертолеты в зону разрушенного энергоблока.

И вроде бы мимоходом, но очень верно сказал кто-то: хорошо, что среди нас есть такие крепкие ребята.

* * *

Имя гвардейца-десантника старшего прапорщика Петра Лучшева было хорошо известно и в стране, и даже за рубежом. Он более десяти раз устанавливал мировые рекорды в парашютном спорте, завоевал звание чемпиона на Спартакиаде дружественных армий, стал абсолютным чемпионом Вооруженных Сил СССР, победителем многих международных и всесоюзных турниров. Оттого сначала и не принял в свое время никто всерьез его просьбу направить в Афганистан. Ведь, кроме риска, лишений, трудностей, кроме долгой разлуки с женой и сыновьями, ему надо было на два года, а там, кто знает, может, и навсегда расстаться с любимым видом спорта. Он уезжал не рекорды устанавливать, а воевать...

Лучшева отговаривали, а у него и на это нашелся убедительный довод. Считал, что не понаслышке должен знать об Афганистане, где в то время служили его воспитанники.

родился Петр Лучшев в небольшом военном городке на земле Забайкалья. Отец, Сергей Иванович Лучшев, был офицером, участвовал в Великой Отечественной войне, боевой путь закончил в Харбине. А в послевоенные годы не раз менял место службы. Следом за ним колесила по стране и семья. С детских лет Петр воспитывался в атмосфере армейской жизни. Не раз просыпался он от рева сирены или от резкого стука в окно. С волнением наблюдал, как быстро собирает отец «трезвонный» чемодан, как прощается с матерью. И казалось ему, что жизнь эта, полная постоянного и напряженного ожидания, несет слишком много лишений. Поэтому и не сразу стелил он на отцовский путь. В Кургане, где они [illegible], поступил работать слесарем с [illegible]. Но миновал месяц, другой, и наступила [illegible] размеренный и спокойный ритм жизни будто [illegible]. Потянуло на учебный аэродром, начал [illegible] ДОСААФ заниматься парашютным спортом. А [illegible] разумный подал рапорт и пришел в армию [illegible] на сверхсрочную службу.

Пятнадцать [illegible] Петра Лучшева не было других забот, кроме [illegible]. Он прыгал сам, учил прыгать других, организовывал [illegible] на снарядах воздушно-десантного [illegible] и вдруг крутой поворот. В Афганистане гвардии [illegible] Лучшева назначили командиром [illegible]. Должность нелегкая, но Лучшев основательно [illegible] оружие и правила стрельбы, освоил методику проведения занятий. Стали даже поговаривать, что в новую специальность он влюблен не меньше, чем в прежнюю.

Из афганского блокнота

— Миномет в горах незаменим, — горячо доказывал мне Петр, словно я был иного мнения. — Пушку на скалу не затащить, танк туда не пройдет, а мы со своими «самоварами» любую горушку штурмом берем.

Я попросил Лучшева рассказать о каком-нибудь событии, где минометчикам пришлось особенно трудно. И хотя прапорщик не вдавался в подробности, говорил по-военному кратко, все же удалось по крупицам восстановить картину того боя...

Второй час парашютно-десантная рота совместно с минометным взводом по едва заметным тропам поднималась по горному склону. Шагая впереди своего взвода, гвардии прапорщик Лучшев все чаще оглядывался. Минометы только на земле кажутся легкими, а когда их разбирают и взваливают на плечи, то сразу видно, как тяжела эта ноша. Но отстать от десантников нельзя ни на шаг. В любую секунду может грянуть бой.

Чем выше в гору, тем больше растягивалась цепочка солдат. Последним в ней шел гвардии рядовой С. Степанов. Он тяжело дышал, часто останавливался, пытался даже присесть. И тут прапорщик увидел, как гвардии сержант В. Бородин забирает вещевой мешок у Степанова. «Молодец, — мысленно похвалил его прапорщик, — вовремя помог». Однако возникло сомнение: выдержит ли Бородин? На нем почти 80 килограммов груза, а подъему нет конца. Уже ощущалась нехватка воздуха — почти трехкилометровая высота. Но сержант шагал уверенно, даже подбадривал уставшего солдата.

Поймав взгляд Бородина, Лучшев одобрительно улыбнулся ему. Нравятся прапорщику волевые парни. Он ведь и сам многого добился благодаря настойчивости. Неудачи были — не раскисал. Трудности встречались — не пасовал. Собирал нервы в кулак, стискивал зубы и шел вперед, как в атаку.

Из головы колонны поступил сигнал: «Ко мне!» Лучшев ускорил шаг и сразу же за скалой увидел, как в классе на миниатюрном полигоне, широкую панораму местности. За долиной по отлогому хребту медленно двигалось походное охранение. А впереди на его пути неестественно [illegible] нагромождения камней. Наверняка, замаскированные пулеметные гнезда.

Командир [illegible] Лучшеву уничтожить их.

— К бою! — прозвучала команда.

В считанные минуты [illegible] изготовились к открытию огня.

Еще команда — и [illegible] первая мина.

Недолет. Лучшев [illegible] заряд. Выстрел. Опять недолет...

Прапорщик закусил губу. Мгновенно оценил обстановку. Впереди обрыв. [illegible] времени. Да и стрелять оттуда придется [illegible]. А пулеметы надо уничтожить немедленно, иначе [illegible] охранению.

— Что там у вас? — [illegible] эфира звенели металлические нотки. — Почему прекратили огонь?

— Дистанция велика, — [illegible] Лучшев, — разрешите поставить еще одну [illegible]

В наушниках [illegible] Лишь потрескивание эфира нарушало ее. Петр [illegible], как только командиру принять решение, поспешно добавил:

— Уверен, оружие не подведет.

— Действуйте!

— Всем в укрытие! — приказал прапорщик, став у миномета.

Первая же мина накрыла цель. За ней прошелестела вторая, третья... Охранение продолжало выполнять свою задачу...

За мужество и находчивость, проявленные в бою, гвардии прапорщик Петр Лучшев удостоен медали «За отвагу». Такой же медали, какую в годы Великой Отечественной войны получали фронтовики...

После Афганистана Петр Сергеевич Лучшев опять совершил, казалось, непонятный и неординарный поступок. Он не попытался восстановить утраченные спортивные навыки, на чем настаивали многие друзья и знакомые, а добровольно ушел на тренерскую работу. И снова у него нашелся веский довод:

— Теперь я знаю, чему и как надо обучать молодежь.

Первыми учениками Петра Лучшева стали его сыновья. Старший, Павел, будучи еще школьником, сумел совершить 300 прыжков с парашютом, поступил в Сызранское высшее авиационное училище. Младшему, Сергею, пока еще нет пятнадцати лет, в небо ему путь закрыт. Но вместе с отцом он уже прошел полный курс наземной парашютной подготовки. У Петра Сергеевича немало способных воспитанников. Одним из лучших стал и его побратим Алексей Герасимов, также прошедший через Афганистан, награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В 1988 году Алексей под руководством тренера Лучшева стал серебряным призером первенства Вооруженных Сил, установил мировой рекорд.

— Те, кто прошел Афганистан, — говорит Петр Сергеевич, — лучше понимают, как необходима в жизни военно-патриотическая и физическая подготовка.

Наверное, Петр Сергеевич Лучшев, даже если бы он не побывал в Афганистане, приобщил бы сына к парашютному спорту и привил бы ему любовь к армейской службе, чему посвятил свою жизнь. Но и то, что он сам принимал участие в боях с душманами, имеет немалое значение. Инструктор Лучшев хорошо познал цену боевого мужества и братства, он убедился, как важно человеку в военной форме быть физически и морально сильным, подготовленным к любому испытанию. И понятно его желание передать сыну свой опыт.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая с речью на XX съезде ВЛКСМ, говорил: «Хочу от имени Центрального Комитета партии, я думаю, и от вашего имени сказать всем, кто прошел школу Афганистана: страна, народ гордятся вашими мужеством, отвагой и храбростью. Эти качества, проявленные в тяжелейших условиях, ценны в мирных делах. И мы не сомневаемся, что они останутся с вами на всю жизнь. Дорогие советские воины, пользуясь этой трибуной, хочу обратиться к армейскому комсомолу, к тем, кто уже закончил службу в Вооруженных Силах, кто сражался за правое дело в Афганистане: идите к подросткам, расскажите им о себе, о своих товарищах, командирах и наставниках, об отваге, героизме, о боевом братстве».

Младший сержант Николай Кремениш служил на

земле Афганистана сапером. Должность эта трудная и опасная. Но Николаю к трудностям не надо было привыкать. Родители у него — люди рабочие. Отец, Иван Савельевич, каменщик, а мать, Мария Семеновна, штукатур. И Николай после окончания СПТУ-18 работал в разрезе «Северный» Экибастуза на шагающем экскаваторе. В армейский строй он пришел человеком, хорошо подготовленным к тяготам и лишениям службы.

Из афганского блокнота

В тот день подразделение саперов получило задачу очистить от мин участок дороги в районе Баграма. Дело привычное, но опасность не только в том, что можно не заметить хорошо замаскированную мину или не разгадать рискованный ребус, предложенный противником. Душманы зорко сделили за теми, кто снимает мины. У них была материальная заинтересованность. Их вожаки ничего не делали без умысла. Каждая мина выдавалась тому, кто должен был поставить ее, с условием оплаты. Если на ней подорвется танк — исполнитель акции получает солидную сумму гонорара, если груженая машина — сумма уменьшается, если погибнет солдат — премия одна, если офицер — ставка другая. Но особенно жестоко наказывали тех, чья мина оказывалась обезвреженной саперами. На исполнителя накладывался такой штраф, который он практически отработать не мог. Надо было закладывать жизнь. Вот почему душманы почти никогда не упускали из вида советских саперов.

Так было и в тот раз. Не успели приступить к работе по очистке полотна дороги, как со стороны виноградников обрушился ливень огня. Стреляли из пулеметов, гранатометов, автоматов и винтовок. Старший лейтенант Олег Петров подал необходимые команды, саперы залегли и начали отстреливаться. В разгар боя Николай с ужасом увидел, что один из душманов, подобравшись сбоку, поднимает автомат, чтобы сразить советского офицера. Не колеблясь, Кремениш рванулся, чтобы грудью прикрыть командира. Доли секунды потребовались ему, чтобы осуществить свой замысел. Уже в прыжке он почувствовал сильный толчок, будто кто-то хотел остановить его. Пуля, предназначавшаяся старшему лейтенанту, ударила Николая, но его спас бронежилет.

За подвиг, совершенный на земле Афганистана, сержант Кремениш Николай Иванович удостоен звания Героя Советского Союза. Эту весть он получил уже в Экибастузе, где работает мастером производственного обучения в СПТУ-18, которое до службы в армии закончил сам. Он комсомолец, часто выступает перед школьниками, перед теми, кто готовится к призыву в ряды армии, рассказывает им о мужестве своих боевых друзей, о командирах, за которых каждый солдат готов отдать жизнь, о трудностях воинской службы. И можно не сомневаться, что многие мальчишки мечтают стать похожи-

ми на своего мастера, на этого скромного и трудолюбивого юношу с Золотой Звездой на груди.

Добровольное общество молодых воинов запаса, созданное при Ярославском горкоме комсомола, работает под девизом «Инициатива, дружба, помощь». Воины-интернационалисты, составившие костяк этого общества, считают своей главной задачей подготовку молодежи к армейской службе, воспитание у ребят-подростков любви к Родине и интернациональных чувств.

В Прокопьевске Кемеровской области клуб воинов-интернационалистов возглавил молодой коммунист Иван Селиванов. При клубе создан вокально-инструментальный ансамбль, участниками которого стали воины запаса, прошедшие через Афганистан. Во время концертов они исполняют «афганские» песни, собирая средства на строительство обелиска в честь тех, кто не вернулся на Родину из Афганистана. Концерты самодеятельного коллектива пользуются большой популярностью у ребят, которые готовятся к призыву в солдатский строй.

Заметки на полях

Член клуба «Саланг» из Перми Сергей Марков на встрече в ВЦСПС рассказывал:

«Руковожу военно-патриотическим объединением «Десантник» в Перми, где занимаются до 300 курсантов, будущих десантников. Клуб «Саланг» проводит всесоюзные военно-патриотические игры, в которых принимают участие команды со всего Союза. Эти игры пользуются успехом. В первый день на учебном полигоне стреляем из автомата Калашникова. Потом занимаемся на лыжной базе, сдаем нормативы спортивного комплекса. Но пока на местах эти клубы существуют как придется. У нас в городе десять таких клубов, у которых статус где городского подросткового клуба, где детского. Мне кажется, пришло время объединить эти клубы, создать центры военно-патриотического воспитания, которые будут оказывать методическую помощь всем военно-патриотическим клубам на местах. Центр должен обрастать постепенно клубами, а на их базе создаваться региональные центры военно-патриотического воспитания. Допустим, центр Уральской зоны, куда войдут Свердловская, Челябинская, Пермская области и Удмуртия».

Александр Рассохин, член республиканского штаба воинов запаса из Коми АССР, предложил профсоюзным комитетам, начиная с отраслевого обкома, предусмотреть должность инструктора по военно-патриотическому воспитанию, замещая данные вакансии по преимуществу воинами-интернационалистами. При наличии в городе или районе совета воинов запаса обязать соответствующие профсоюзные комитеты устанавливать ставки председателя, а при необходимости и его заместителя. Он говорил также о том, что необходимо в каждом населенном пункте оборудовать за счет проф-

союзных средств и при непосредственном участии соответствующего комитета профсоюзов военно-патриотические (военно-спортивные) клубы. Необходимо также пересмотреть положение о подростковом клубе профсоюзов, предусмотреть увеличение ставок.

Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения является одной из важных забот трудовых коллективов. В отделе воспитательной работы, культуры и спорта ВЦСПС рассмотрены предложения воинов-интернационалистов. Разработан перечень мероприятий, внедрение которых в жизнь будет способствовать совершенствованию военно-патриотического воспитания молодежи, улучшению работы детских (подростковых) клубов. Вот их суть:

создать Всесоюзную ассоциацию воинов запаса с широкой сетью военно-патриотических клубов и объединений, привлечь к ее учреждению и работе ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК ДОСААФ, организации Министерства обороны, различные общественные организации и фонды;

рассмотреть вопросы увеличения должностных окладов руководителям, тренерам, преподавателям детских (подростковых) военно-патриотических клубов, руководимых воинами запаса, распространить на них, независимо от ведомственной подчиненности, условия оплаты труда, установленные Госкомтрудом СССР для работников военно-патриотических клубов и объединений Казани;

изучить целесообразность открытия отделений заочного обучения в высших учебных заведениях, в которых проводится обучение по специальности «Начальная военная подготовка и физическая культура», для обучения на них воинов-интернационалистов, занимающихся организацией военно-патриотической работы;

рассмотреть возможность создания оборонно-спортивных лагерей и организации стажировки руководителей военно-патриотических клубов и объединений на базе учебных центров военных округов и флотов, а также передачи для учебно-методических центров клубов и объединений территорий военных городков, полигонов, освобождающихся в результате сокращения Вооруженных Сил.

Несколько лет в Караганде действует военно-патриотический клуб «Голубые молнии», которым руководит сотрудник Советского райвоенкомата прапорщик Сергей Конник. В клубе ребята изучают военную технику и саперное дело, прыгают с парашютом, совершают многодневные марши, во время которых учатся налаживать полевой быт в походных условиях. Вся эта подготовка крайне необходима будущим воинам. И потом, надев солдатскую форму, они пишут руководству клуба письма, в которых благодарят «Голубые молнии» за выучку и физическую закалку.

Не удивительно, что многие воспитанники клуба стали десантниками. Голубую форму с парашютиками в петлицах надели Сергей Тихненко и Евгений Катт. Интернациональный долг на земле Афганистана выполняли Александр Уколов и Юрий Король. А первые шаги в воинской службе они сделали в клубе «Голубые молнии».

В августе 1988 года в Новороссийске состоялся Всесоюзный сбор воинов запаса и руководителей военно-патриотических объединений молодежи. В итоговом документе, принятом на сборе, был поставлен вопрос о создании Всесоюзного оборонно-спортивного лагеря, на базе которого можно было бы проводить учебу руководителей, актива советов воинов запаса, военно-патриотических объединений и клубов. Организационной формой движения стала Всесоюзная ассоциация и ее рабочий орган — Всесоюзный координационный совет при ЦК ВЛКСМ.

Думается, что воинов запаса, написал кавалер ордена Красной звезды ефрейтор запаса С. Бурачковский, надо активнее привлекать к военно-патриотической работе с молодежью. Об этом говорят сейчас много. И справедливо. Действительно, кому, как не воинам запаса, еще на дальних подступах к солдатскому строю формировать у юношей стремление достойно служить Родине. Им есть что сказать, чем поделиться. У каждого, наверное, найдутся яркие примеры отваги, героизма, боевого братства. Об этом надо рассказывать молодежи. И встречи конечно же нужны. Но вот о чем еще думаешь: далеко не в полную силу используется, так сказать, воспитательный потенциал воинов запаса. Ведь нередко комсомол, руководители школ, администрация предприятий вспоминают о них только по «торжественным дням». Нельзя с этим мириться. Размышляя об этом, думаю о таких ребятах, как кавалер ордена Красной Звезды сержант запаса Владимир Голиш, сержант запаса Игорь Гусын, рядовой запаса Владимир Гнаткинской. Очень многое им под силу. Не только рассказать о своей службе, но и преподать мальчишкам уроки идейной убежденности, передать секреты меткой стрельбы, поделиться знаниями техники.

Но надо опасаться, чтобы встречи с воинами запаса не превращались в мероприятия для галочки в отчете. А каждый раз будили высокие чувства и мысли у молодежи. Так, скажем, как это было под сводами львовского Дворца молодежи «Романтик». Там решили отойти от стандарта и наряду с другими мероприятиями провели вечернюю поверку воинов запаса. Рядовые, сержанты, старшины, недавно снявшие военную форму, выстроились в одну шеренгу. Они были в гражданской одежде. Но ордена и медали на лацканах костюмов, выправка, которая видна, как в песне поется, и «под

одеждой штатскою», лучше всяких слов говорили о том, что это настоящие солдаты. Звучали фамилии. Бывшие воины отвечали четко, с достоинством. А в зале — ни единого шороха. И завороженные взгляды мальчишек.

Один эпизод. Но он говорит о многом. Если подойти к делу творчески, с сознанием его большой государственной важности, то можно многократно усилить, так сказать, КПД работы воинов запаса по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Воинов-интернационалистов, включившихся в военно-патриотическую работу, легко понять. Они на практике убедились, как важно до службы в армии пройти хорошую школу морально-психологической и физической подготовки. В горах Гиндукуша у них на глазах нередко возникали такие ситуации, когда только благодаря натренированности, силе и ловкости солдат выходил победителем, оказавшись в невероятно сложной и опасной ситуации, а безволие, растерянность и физическая слабость усложняли положение.

И порой «афганцам» трудно понять, почему местные власти равнодушно относятся к проблемам военно-патриотического воспитания молодежи. У государственных учреждений и предприятий находятся деньги на содержание технических, музыкальных кружков, самодеятельных оркестров, театров, а вот средства на военно-патриотическое воспитание почти никогда и никаких нет. Обнинский клуб «Гупеш» по инициативе одного из организаторов — Олега Запертого перешел на хозрасчет. Сотни воинов запаса, состоящих в клубе, ремонтируют детские сады, выполняют заказы на фотографирование, на оформление городского пляжа. Половина заработанных денег выплачивается исполнителям работ, остальные идут на клубные нужды. Проблему финансирования решать удается, но делать это, не снижая качества военно-патриотической работы, весьма трудно...

Благодаря участию «афганцев» в военно-патриотическом воспитании молодежи, десятки тысяч подростков, вырванных из липкой трясины пьянства, наркомании, преступности, в том числе и организованной, нашли свое дело по душе в военно-патриотических клубах. Еще один пример. В небольших Черкассах действуют почти полтора десятка клубов, в которых более 800 курсантов. Эти клубы возглавляют бывшие воины-интернационалисты. В них занимаются не производством «пушечного мяса», а воспитанием физически крепких, пси-

хически закаленных, готовых к любым трудностям граждан нашей социалистической страны, руками которых будет строиться то обновленное общество, фундамент которого сегодня закладывается. Да, у этих клубов масса проблем. Их никак не поддерживают бюрократы от ДОСААФ, народного образования, спортивные боссы, которые под самыми различными предлогами упорно не хотят передать в распоряжение этих реально, эффективно действующих клубов даже те жалкие спортсооружения, которые находятся в их распоряжении. А пока ребята зачастую занимаются на птичьих правах в школьных спортзалах, каких-то сараях и подвалах, не отвечающих никаким санитарным требованиям и нормам. Удивительный парадокс. На заре Советской власти детям отдавали дворцы. Сейчас же они загоняются в подвалы. У клубов нет элементарной материальной базы, снаряжения, спортинвентаря, учебных пособий. Руководители, в основном рабочие и студенты, занимаясь по четыре-пять дней в неделю с подростками, никакой выгоды для себя не ищут, но совершенно справедливо требуют уделять этому вопросу самое серьезное внимание.

Нельзя без горечи вспоминать о том, как обманули «афганцев», организовавших в Минске строительно-воспитательный отряд «макаренковского типа» и сумевших вовлечь в него подростков, состоящих на учете в милиции. Все вместе они дружно работали целое лето в колхозе «Искра» Червенского района Минской области, освоили 270 тысяч рублей, а когда пришло время оплачивать работу, колхозное руководство стало прятаться за частокол многочисленных отговорок. Энтузиазм подростков буквально на глазах начал падать. О таком вот воспитательном эффекте, не говоря уже об экономической стороне дела, и не подумали «работодатели». Подобные факты не новость и в других районах страны. В Ташкенте, например, в одном из городских производственных объединений воины запаса и комсомольцы провели субботник с целью сбора средств для строительства мемориала погибшим воинам-интернационалистам. Работали около трех тысяч человек в течение полного рабочего дня. Администрация решила выплатить им... около 400 рублей. Вышло, что при всем старании ребята не заработали не только на обед, но даже и на стакан чая с пирожком. По инициативе «афганцев» на экскаваторном заводе в Ташкенте был проведен суб-

ботник для сбора средств на сооружение памятника погибшим в Афганистане. За день заработали около 300 рублей. Но и эти деньги администрация не спешила перечислить.

Легче всего подобные примеры списать на счет непотребимой нашей бюрократии. Но негативное отношение к советам и клубам, организуемым воинами-интернационалистами, ко многим другим их начинаниям имеет и другие корни. Некоторым руководителям не нравятся «афганцы», эти непримиримые и бескопромиссные возмутители спокойствия. Боятся их там, где царит еще равнодушие застойных лет, где не решаются открыть даже форточки гласности, опасаясь дуновения свежего ветра перемен. Вот и не хочется таким руководителям видеть «афганцев» в гуще жизни, им по душе, когда эти бесстрашные парни, много познавшие и повидавшие, появляются на трибунах, и в президиумах только во время праздничных, а не деловых собраний. Но воины-интернационалисты настойчивы и упрямы. Они знают цену себе, знают свое место в трудовом коллективе, как знали его в армейском строю, поэтому всегда добиваются своего.

Сержант Вячеслав Ш[illegible] вернулся из Афганистана инвалидом второй [illegible]. Но само слово «инвалид» вызывало у него протест. Трудиться, быть полезным обществу — вот о чем думал он.

Начались ежедневные тренировки, которые в конце концов позволили сначала твердо стоять на ногах, а затем уверенно ходить. Вячеслав поступил в Карагандинский педагогический институт, прилежно выполнял все студенческие обязанности. Получив специальность учителя и воинское звание лейтенанта запаса, Вячеслав стал работать военруком в школе-интернате.

С приходом Шевлякова военно-патриотическая работа в школе наполнилась новым содержанием. По его инициативе был создан кружок «Снайперская смена». Старшеклассники стали совершать марши по окрестностям Караганды. Под руководством военрука ребята составили картотеку Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, родившихся и выросших на карагандинской земле.

На свои уроки Вячеслав Павлович часто приглашает боевых друзей-«афганцев». Такие встречи мальчишки запоминают надолго. Воины-интернационалисты рассказывают о службе в армии, о боях с душманами, о

том, как необходимо в жизни быть сильным и выносливым, о дружбе и взаимопомощи.

Воспитанники Вячеслава Павловича с благодарностью вспоминают школу и своего военрука, который научил их преодолевать трудности, что необходимо в жизни каждому человеку.

Было время, когда службу в армии рисовали только розовой краской. Ныне рядом кладут и черные мазки. А юношам, готовящимся надеть военную форму, необходимо, чтобы в рассказах об армии присутствовали все цвета жизни. Лучше других это понимают бывшие воины-интернационалисты, познавшие службу и в мирных условиях, и под грохот разрывов в бою. Военрук Шевляков рассказыает своим ученикам все, что видел и пережил, не утаивая негативных явлений, вспоминая и тех, кто стал героем на афганской земле, и погибших друзей. Уберегая учеников от розовых иллюзий, показывая, как трудна, а порой опасна, но почетна и важна армейская служба, он вызывает в сердцах своих воспитанников стремление стать такими, какими были его боевые друзья.

Более двадцати воинов-интернационалистов учатся на военной кафедре Московского пединститута. Большинство из них имеют государственные награды и поступили в вуз без вступительных экзаменов. Такая возможность предоставлена «афганцам» совместным приказом министра обороны СССР и председателя Государственного комитета СССР по народному образованию. Ректорам высших учебных заведений, в которых проводится обучение по специальности «Начальная военная подготовка и физическая культура», дано право воинов запаса, награжденных за мужество, проявленное на земле Афганистана, зачислять на первый курс своих учебных заведений без экзаменов.

В Московском пединституте в 1988 году первокурсниками стали старшие сержанты запаса Андрей Иванов и Иван Колосок, которые руководят клубом воинов-интернационалистов в Одинцово, старший сержант запаса Алексей Грещиков, активно участвующий в работе такого же клуба во Фрязино. У них уже есть опыт работы с подростками, и они в будущем станут хорошими учителями школ. А их будет много. Только в 1988 году право льготного поступления использовали абитуриенты 44 высших учебных заведений.

Старший сержант запаса Дмитрий Лукащук в Аф-

ганистане служил в парашютно-десантной роте под командованием кавалера ордена Красной Звезды гвардии старшего лейтенанта Сергея Ястребцова.

После увольнения в запас Дмитрий Лукащук, награжденный медалью «За боевые заслуги», стал учителем физкультуры в средней школе. Уж кому другому, а ему хорошо известно, как много значит в жизни человека физическая подготовка. Вот и старается он привить ученикам любовь к физкультуре и спорту на своих уроках. Сам Дмитрий свой главный урок получил в горах Гиндукуша.

О мужестве, о необходимости физической закалки школьникам и студентам говорят много. Говорят родители и учителя, работники военкоматов и вожаки комсомола. Но трижды доходчивей и убедительней звучат эти слова, если их произносит ветеран Великой Отечественной войны или «афганец» — человек, побывавший в боях, знавший и радость побед, и горечь поражений, отмеченный за мужество государственными наградами.

Подполковник Раим Ахметов в Афганистане был командиром батальона. Небольшая бронегруппа, которую возглавлял он, шла по дороге, расставляя посты. И вдруг — ураганный огонь. Засада душманов действовала коварно. Ахметов быстро разобрался в обстановке и организовал отпор. Перебегая от машины к машине, давал указания, вел огонь. Видимо, душманы заметили командира, пули стали ложиться все ближе. Одна из них ударила в грудь. Раим понял, что ранен, что падает, испугался за подчиненных и... провалился в липкую темноту.

Потом, в госпитале, он увидел и пулю, которую извлекли врачи, и партийный билет, пробитый ею. Хирург сказал, что билет спас ему жизнь: пуля потеряла силу. После Афганистана подполковник Ахметов поступил в Военную академию бронетанковых войск. Учеба нелегка. Занятия в классах, выходы в поле, самоподготовка. И за здоровьем приходилось следить. Но не было случая, чтобы подполковник сослался на занятость или на плохое самочувствие, когда его приглашали на встречу с подростками. Он, как и все «афганцы», считает своим долгом участвовать в военно-патриотической работе.

В Кировском районе Москвы живет воин-интернационалист Вячеслав Цыганов. На земле Афганистана он проявил большое мужество, поддерживая связь между

подразделениями, координируя их действия. Вячеслав получил два ранения, силы, казалось, уже оставляли его, но он не покинул своего поста. С поля боя его вынесли товарищи. Вернувшись в Москву инвалидом, сержант Цыганов окончил институт, получил специальность инженера, стал чутким семьянином и внимательным отцом. Однако дома его застать нелегко. Все свободное время он трудится в объединении «Маяк», созданном воинами запаса. Забот у Вячеслава много. Это и воспитательная работа среди подростков. Мальчишки просто заслушиваются его рассказами об армейской службе. Святой долг — и забота о раненых товарищах, которым Вячеслав дает квалифицированные консультации о положенных льготах.

В этом объединении работают Михаил Шильников, награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги», Игорь Токарев, удостоенный медали «За отвагу». Они и такие и не такие, как все. Это люди перестройки. Они не считаются со своим свободным временем, не ищут покоя и материального благополучия, а стремятся к одному: словом и делом воспитать у своих подопечных качество настоящих мужчин, за которых будет не стыдно.

Кавалер ордена Красной Звезды Станислав Баев выбрал аудиторию, можно сказать, не самую легкую. Конечно, в колонию для несовершеннолетних за примерное поведение ребят не направляют. Но ведь это исправительно-трудовое учреждение и не ставит последней точки в биографии оступившихся подростков. И они еще смогут вернуться на путь истинный и быть полезными обществу. Именно в это верит Станислав, рассказывая своим слушателям о людях настоящих, мужественных, воинах-интернационалистах. И такие уроки не проходят бесследно для подростков.

И капитан Сергей Князев, награжденный орденами Красного Знамени и Красной Звезды, немало времени проводит среди молодежи. Ему по долгу службы положено заботиться о подготовке будущих воинов. В Афганистане он был тяжело ранен, но выстоял и по-прежнему в строю — работает старшим помощником начальника отделения Перовского райвоенкомата Москвы.

В любом городе и почти в каждом селе можно сегодня встретить «афганцев». Не всегда они надевают ордена, не все носят нашивки, свидетельствующие о ранениях. Но узнать их легко по какому-то особому трудо-

любию в работе, открытости и искренности в общении. И это, как магнитом, притягивает к ним молодежь, делает их кумирами тех, кому завтра предстоит служба в армии.

Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения — вопрос особой важности. Да, мы становимся свидетелями отрадных процессов разрядки напряженности. Идет сокращение армии, уничтожается оружие. Но и это совсем не повод для спешного объявления военно-патриотического воспитания молодежи делом ненужным, противоречащим духу времени. По крайней мере, такого мнения придерживаются «афганцы». Они познали истинную цену жизни. О патриотизме привыкли судить не по красивым фразам, а по конкретным делам.

ОТ ЭТОГО НЕ УЙТИ

(Вместо послесловия)

Многое из того, о чем пишет Иван Дынин, хорошо и давно известно: читали, слышали от очевидцев, наконец, видели своими глазами. И там, в Афганистане, и здесь, дома.

Так что в смысле информационном книга эта, быть может, мало что неожиданного добавит к тому, что мы знаем о недавней войне в Афганистане. Мы и сами могли бы привести немало примеров верности воинскому долгу, солдатского мужества, стойкости духа, людского благородства, как впрочем, и других примеров, связанных не с самым лучшим в человеческой натуре, с тем, что называется темным в человеке, которое, однако, как и первое, светлое, поднимается в людских душах в минуты наиболее опасные, коих на любой войне предостаточно. И та, что длилась без малого десятилетие, не исключение.

Но ведь не только одной информацией все исчерпывается, хотя верно и то, что любая информация — повод для серьезных размышлений, раздумий над тем, что происходит в мире.

1979—1989... Прочерк между двумя этими датами, ставшими печальными для многих из нас, словно лёт пули. Пули, которая прошила не только тысячи и тысячи молодых тел, но также их и, следовательно, наши души, наше общественное сознание, заставив уже не десятки, а сотни тысяч людей, чуть ли не всю страну мучится тяжелыми вопросами: насколько оправданы эти жертвы, гибель наших парней? Не слишком ли большая цена? Кому и зачем это было нужно?

Трудно однозначно ответить на этот вопрос, потому что, отвечая на него, волей-неволей придется задуматься и над такими, отнюдь не абстрактными, как это может показаться на первый взгляд, а весьма конкретными понятиями, как воинский долг, верность Воинской присяге, которые в сопряжении с другим чувством, жи-

вущим в каждом из нас чуть ли от рождения, и название которому — интернациональный долг, не позволяют воспитанному человеку подвергнуть приказ сомнению, отказать в помощи тем, кто находится в смертельной опасности. Так было в Испании, Корее, Вьетнаме... Так случилось и тогда, когда о помощи запросил Афганистан. И каждый, отправляясь туда, считал своим долгом помочь многострадальному (в чем и сами убедились) народу.

Сейчас мы можем поименно назвать узкий круг лиц, конкретных политиков, которые принимали решение о вводе советских войск в Афганистан. Эта акция получила политическое и моральное осуждение на втором Съезде народных депутатов СССР, что, впрочем, ни в какой мере не бросает тень на солдат и офицеров, в том числе и тех самых, о судьбах которых на войне и после нее рассказывает Иван Дынин.

Повествование это бесхитростно, как, впрочем, бесхитростны и судьбы только что вступивших в самостоятельную жизнь молодых людей. Жили, учились, работали. Кто в городе, кто в деревне. И вот повестка в военкомат, а через месяц-другой (у кого как) Афганистан! Ну, а здесь полной мерой то, что и суждено испытать солдату на войне. И холод, и зной, и ранения, и потери, потери... А им всего восемнадцать, от силы двадцать. И лишь командиры не намного старше.

Казалось бы, недавно для нас окончилась эта война, для которой мы пока так и не подыскали необходимых эпитетов, но она уже отстоит и далеко. И не все ее последствия сегодня отчетливо проявляются. Но каждый понимает: время расставит все на свои места. Всему будет дана своя оценка. И мы узнаем полную правду о войне, которую уже сейчас иные стыдливо именуют не иначе как «афганский поход», сознательно притушевывая значение солдатского подвига, который во все времена был свят. Проявляя уважение к этому подвигу, И. Дынин настойчиво взывает и к милосердию по отношению к тем, кто прошел через эту войну и вернулся на родину инвалидом, призывает к добросердечию и чуткости всех, кто живет рядом с родителями и вдовами павших. Истины простые, извечные, однако приходится их напоминать.

Много, очень много в документальном повествовании И. Дынина примеров бездушия, черствости, хамства, лицемерия. И как тут не согласиться с автором, сетующим на то, что мы привыкли чувствовать и даже

любить коллективно, особенно в праздники и юбилеи. Это действительно и проще, и легче. Собрать всех по какому-то поводу, провести мероприятие, чтобы затем отчитаться за него. На долгое же, индивидуальное чувство к конкретному человеку нас, как правило, не хватает. Мы уже забыли сотни и тысячи живущих рядом с нами ветеранов, инвалидов Великой Отечественной, не говоря об участниках этой, хотя и близкой, но не объявленной, а оттого и не всегда понятной войны.

Однако, начиная по-новому осмысливать свое нынешнее бытие, мы все чаще приходим к простой и удивительно ясной мысли: существует не только долг человека перед страной, мера возросшей социальной ответственности перед обществом, но и не меньший гуманный долг страны перед человеком.

Именно о гуманизме напоминает книга «После Афганистана». О гуманизме, без которого не мыслим социализм, так же как не мыслим он без демократии, без той свободы слова и мысли, которые дают нам возможность честно и правдиво говорить об афганской войне, которая, хотелось бы того или нет, суровой и горькой строкой войдет в историю.

И книга И. Дынина, как и всякая книга, построенная на документальной основе, думаю, поможет в чем-то осмыслить и оценить то, что было в судьбе нашей страны, нашего народа, что отмечено двумя датами 1979—1989. Датами, вместившими в себя куда больше, чем обычные календарные годы.

Владимир Муссалитин

Вот уже долгие годы мы говорим и думаем об Афганистане. Его военная трагедия — часть нашей социальной, духовной трагедии. Тысячи погибших, десятки тысяч покалеченных... Ради чего? Этот вопрос обязательно задаст читатель этой книги. Автор предлагает свои ответы, понимаю его аргументы. И все же вопрос «Ради чего?» не дает покоя. Задаю его себе и при каждой встрече с Александром Карпенко, прошедшим через горнило страшной афганской войны. Вглядываюсь в его обожженное лицо, в глаза, по которым «не скажут вам метрики сколько нам лет». Больно перехватывает горло, появляется спазм, вызванный ощущением полной незащищенности личности перед командно-административ-

ной системой, подводившей к роковой черте своих бесчисленных невинных жертв.

Александр принес мне стихи, предложив написать на них музыку. Стихи удивительные. В любой их строфе — нехитрая, до боли в сердце обжигающая своим драматизмом философия двадцатилетних ветеранов.

Так вошел Афганистан в мой дом и вошел навсегда. Стало совершенно ясно, что каждый из нас, а не только должностные лица, должен считать себя ответственным за судьбы «афганцев»-инвалидов. Но настал ли тот час прозрения, когда приходит понимание, что ни пятилетки, ни хозрасчет, ни вал, ни план сами по себе не есть идеалы демократического правового и гуманного общества?! Ведь рядом с нами забытые, обездоленные, нищие старики, лишенные радостей жизни дети-инвалиды, больные, у которых еще есть шанс излечиться от тяжелых недугов, но которые не имеют для этого материальных средств и медицинских возможностей. Говорю это не только как музыкант, на взгляд стороннего греющийся в лучах славы и познающий жизнь со сцены, — говорю это с болью и тревогой и как бывший врач, в свое время работавший на «скорой помощи», сердце которого до сих пор жгут страдания людей.

Трудно, с кровью приходит осмысление нашей истории — через утраченные иллюзии, через потерянное поколение молодых. Что же теперь? Убежден, каждый из нас может найти свое место в благородном деле милосердия — возвращении духовного и физического здоровья страждущим, утверждая значимость и ценность каждой личности.

Владимир Мигуля, композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР

Приложение

Льготы военнослужащим, рабочим и служащим, находившимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Республики Афганистан, и их семьям

Категория военнослужащих и других лиц	Установленные льготы
1	2
I. Льготы по пенсионному обеспечению	
1. Лица офицерского состава, прапорщики, мичманы и военнослужащие сверхсрочной службы	Засчитывается время службы на территории РА в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях — один месяц службы за три месяца, а получившим ранения, контузии, увечья или заболевания время непрерывного нахождения в связи с этим на излечении в лечебных учреждениях
2. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний военнослужащих, рабочих и служащих Советской Армии	Матерям и женам погибших предоставлено право на пенсию по случаю потери кормильца по достижении ими 50-летнего возраста, а женам — независимо от времени, прошедшего со дня смерти мужа, до достижения указанного возраста или наступления инвалидности. Пенсии по случаю потери кормильца нетрудоспособным родителям назначаются независимо от нахождения их на иждивении погибшего. Пенсии учащимся детям погибших выплачиваются до окончания ими среднего или высшего учебного заведения, но не долее достижения 23-летнего возраста.
3. Военнослужащие, рабочие и служащие Советской Армии, ставшие инвалидами вследствие ранений, контузий, увечий и заболеваний, и семьи погибших (умерших) вследствие этих причин военнослужащих, рабочих и служащих	С учетом заслуг военнослужащих, рабочих и служащих им и их семьям могут устанавливаться персональные пенсии республиканского или местного значения
II. Льготы по жилищному обеспечению, проезду и обеспечению транспортом	
1. Военнослужащие, уволенные с действительной военной службы	Предоставлено: а) право на первоочередное обеспечение жилой площадью, а инвалидам I группы вследствие ранений, конту-

Продолжение

1	2
	зий, увечий или заболеваний, полученных в боевых действиях либо при исполнении иных обязанностей военной службы, — вне очереди; б) право на получение беспроцентной ссуды на индивидуальное жилищное строительство; в) право на обеспечение вне очереди бесплатным протезированием и автомобилем «Запорожец» с ручным управлением при наличии соответствующих медицинских показаний
2. Военнослужащие, получившие ранения, контузии или увечья	Предоставляется 50-процентная скидка со стоимости проезда один раз в год (туда и обратно) железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих такового, — водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом, а инвалидам I и II групп — право бесплатного проезда один раз в год (туда и обратно) железнодорожным или речным транспортом
3. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний военнослужащих	Предоставляется преимущественное право на обеспечение жилой площадью. Предусмотрено обеспечить жилой площадью в 1988—1989 гг. семьи, не имеющие жилья и нуждающиеся в улучшении жилищных условий
4. Рабочие и служащие Советской Армии, получившие ранения или увечья, либо награжденные орденами и медалями СССР за участие в обеспечении боевых действий	Предоставлено право на получение беспроцентной ссуды на строительство домов жилищно-строительных кооперативов
5. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний рабочих и служащих	Предусмотрено обеспечение жилой площадью в 1988—1989 гг. семей, не имеющих жилья и нуждающихся в улучшении жилищных условий
III. Льготы по образованию, труду и социальному страхованию	
1. Военнослужащие, состоящие на действительной военной службе	Проявившим высокие моральные и боевые качества предоставлено право на внеконкурсное поступление в высшие военно-учебные заведения, а также преимущества в повышении по службе

Продолжение

1	2
2. Военнослужащие, уволенные с действительной военной службы	Предоставлено: а) право на внеконкурсное поступление в высшие и средние специальные учебные заведения; б) преимущественное право на поступление в профессионально-технические учебные заведения и на курсы для обучения соответствующим профессиям; в) право на использование очередного ежегодного отпуска в удобное время, а также на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы сроком до двух недель в году; г) преимущественное право на обеспечение по месту работы путевками в санатории, профилактории и дома отдыха, а также на прием в садоводческие товарищества (кооперативы); д) для студентов вузов, учащихся средних специальных учебных заведений, являющихся инвалидами вследствие ранений, контузий, увечий и заболеваний, полученных в Афганистане, установлена специальная стипендия в размере 100 рублей в месяц, а при нахождении их на полном государственном обеспечении в вузах — 40 рублей в месяц, в средних специальных учебных заведениях — 30 рублей в месяц. Для указанных инвалидов — учащихся ПТУ предусмотрена выплата стипендии с повышением на 20 рублей в месяц, а для находящихся на полном государственном обеспечении — в размере 30 рублей в месяц.
3. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний военнослужащих	Предоставлено женам преимущественное право на получение по месту работы путевок в дома отдыха и пансионаты для совместного отдыха с детьми, путевок на детей в пионерские лагеря Для студентов вузов, учащихся средних специальных учебных заведений, являющихся инвалидами вследствие ранений, контузий и увечий, полученных в Афганистане, установлена специальная стипендия в размере 100 рублей в месяц, а при нахождении
4. Рабочие и служащие Советской Армии, получившие ранения, контузии или увечья либо награжденные орденами и медалями СССР за участие в обеспечении боевых действий	

Продолжение

1	2
	их на полном государственном обеспечении в вузах — 40 рублей в месяц, в средних специальных учебных заведениях — 30 рублей в месяц. Для указанных инвалидов — учащихся ПТУ предусмотрена выплата стипендии с повышением на 20 рублей в месяц, а для находящихся на полном государственном [illegible] в размере 30 рублей в месяц.

На соответствующие органы по трудоустройству возлагается ответственность за устройство на работу лиц из числа военнослужащих, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан, после увольнения их с действительной военной службы.

Для бывших военнослужащих, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан, установлен следующий порядок оплаты их труда за время производственно-экономического обучения:

при освоении новой профессии (подготовке новых рабочих) включается 100 процентов тарифной ставки рабочего за весь период обучения;

при переподготовке, обучении второй профессии и повышении квалификации сохраняется за весь период обучения с отрывом от работы средняя заработная плата по имеющейся профессии и квалификации.

IV. Пособия и другие льготы

1. Военнослужащие срочной службы	Из 50 копеек в сутки повышен расход на питание находящимся на лечении в военно-лечебных учреждениях в связи с ранениями, контузиями, увечьями или тяжелыми заболеваниями. Получившим легкие ранения, контузии или увечья выплачивается единовременное пособие — 150 рублей. Получившим тяжелые ранения, контузии или увечья а) выплачивается единовременное пособие — 300 рублей; б) направляются для продолжения лечения в санатории или дома отдыха сроком на один месяц без взимания платы за путевку.
2. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний военнослужащих срочной службы	Выплачивается единовременное пособие в размерах: женам — 500 рублей, на каждого нетрудоспособного члена семьи, состоявшего на иждивении —

Продолжение

1	2
3. Прапорщики, мичманы и военнослужащие сверхсрочной службы	500 рублей, родителям выплачивается единовременное пособие независимо от их трудоспособности и нахождения на иждивении. На 50 копеек в сутки повышен расход на питание находящимся на излечении в военно-лечебных учреждениях в связи с ранениями, контузиями, увечьями или тяжелыми заболеваниями. Получившим легкие ранения, контузии или увечья выплачивается единовременное пособие — 250 рублей. Получившим тяжелые ранения, контузии или увечья: а) выплачивается единовременное пособие — 500 рублей; б) направляются для продолжения лечения в санатории или дома отдыха сроком на один месяц без взимания платы за путевку
4. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы	Выплачивается единовременное пособие в размерах: женам — 1 000 рублей, на каждого нетрудоспособного члена семьи, состоявшего на иждивении, — 750 рублей, родителям выплачивается единовременное пособие независимо от их трудоспособности и нахождения на иждивении
Лица офицерского состава	На 50 копеек в сутки повышен расход на питание находящимся на излечении в военно-лечебных учреждениях в связи с ранениями, контузиями, увечьями или тяжелыми заболеваниями. Получившим легкие ранения, контузии или увечья выплачивается единовременное пособие — полтора месячного оклада денежного содержания по должности и воинскому званию. Получившим тяжелые ранения, контузии или увечья: а) выплачивается единовременное пособие — три месячных оклада денежного содержания по должности и воинскому званию; б) направляются для продолжения лечения в санатории или дома отдыха сроком на один месяц без взимания платы за путевку

Продолжение

1	2
5. Семьи погибших, умерших от ран и заболеваний лиц офицерского состава	Выплачивается единовременное пособие в размерах: женам — 1 500 рублей, на каждого нетрудоспособного члена семьи, состоявшего на иждивении, — 1 000 рублей, родителям выплачивается единовременное пособие независимо от их трудоспособности и нахождения на иждивении.
6. Все категории военнослужащих и советских граждан, погибших (умерших) при выполнении интернационального долга	Производится сооружение надгробий стоимостью до 1 000 рублей за счет средств республиканских и местных бюджетов

Примечание. Семьи военнослужащих, пропавших без вести при выполнении интернационального долга на территории Республики Афганистан, пользуются правом на пенсионное обеспечение и льготами, установленными для семей погибших военнослужащих.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЦСПС О ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ В СВЯЗИ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН

15 мая 1988 года вступили в силу женевские соглашения по политическому урегулированию внешних аспектов афганской проблемы и началось возвращение на Родину воинов из состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Достигнутые соглашения знаменуют победу нового политического мышления, они открыли пути для мирного урегулирования одного из самых затяжных и болезненных региональных конфликтов.

Советские профсоюзы приветствуют достижение договоренностей по Афганистану, полностью одобряют и поддерживают политику нашей партии и государства по оказанию всесторонней помощи дружественному афганскому народу и заявляют о готовности всей своей деятельностью способствовать реализации женевских соглашений и дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между трудящимися и профсоюзами СССР и Афганистана.

Наша Родина с честью выполнила свой интернациональный долг. Лучшие качества советского человека проявили в Афганистане воины, врачи, медсестры, строители, другие специалисты, тысячи сыновей и дочерей нашей страны. Память о тех, кто погиб, священа для советского народа.

Воины-интернационалисты, возвращающиеся на Родину, после увольнения в запас волюются в трудовые и учебные коллективы, активно включатся в дело перестройки и обновления социализма. Их самоотверженность и энергия, мужество и героизм необходимы стране для мирного созидательного труда, для борьбы за революционные преобразования советского общества.

Президиум ВЦСПС постановляет:

1. Центральным комитетам профсоюзов, республиканским, краевым и областным советам и комитетам профсоюзов, профкомам предприятий и организаций, колхозов и совхозов необходимо сделать все для того, чтобы советские воины, специалисты и члены их семей, возвратившиеся на Родину, были окружены вниманием и отеческим теплом, создать атмосферу заинтересованного участия в их судьбе. В центре всенародной заботы должны быть семьи погибших и пострадавших в войне. Не допускать случаев формального и бездушного отношения к бывшим воинам-интернационалистам, получившим ранения и увечья, к семьям и памяти погибших.

Обеспечить трудоустройство воинов-интернационалистов, оказать им помощь в получении интересной, достойной работы, в приобретении профессии и специальности. Особое внимание обратить на трудоустройство воинов-инвалидов с учетом состояния их здоровья, индивидуальных возможностей и способностей. При необходимости содействовать в устройстве их на работу с неполным рабочим днем (неполной рабочей неделей), в предоставлении возможности трудиться на дому.

Принять меры по обеспечению воинов-интернационалистов благоустроенным жильем, медицинским, торговым и социально-бытовым обслуживанием, по созданию надлежащих условий для отдыха и содержательного досуга.

Совместно с комитетами комсомола привлекать воинов, прошедших службу в Афганистане, к активному участию в общественной работе, в военно-патриотическом, интернациональном, физическом воспитании молодежи и подростков. Содействовать созданию клубов, советов, объединений воинов-интернационалистов, оказывать поддержку и помощь в реализации их общественно полезных дел и в установлении тесных контактов и взаимодействия с организациями ветеранов войны и труда.

Установить строгий постоянный контроль за предоставлением воинам-интернационалистам льгот и преимуществ, предусмотренных законодательством, в том числе преимущественного права на обеспечение путевками в санатории, санатории-профилактории, дома отдыха, а также на прием в садоводческие товарищества, получение беспроцентной ссуды на индивидуальное жилищное строительство, внеконкурсное поступление в высшие и средние специальные учебные заведения, на использование ежегодно очередного отпуска в удобное для них время и на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы.

2. Советам и комитетам профсоюзов организовать шефство над госпиталями, лечебно-профилактическими учреждениями, где восстанавливают здоровье воины-интернационалисты. Рекомендовать профсоюзным организациям и трудовым коллективам предприятий, организаций, учреждений, колхозов взять шефство над каждым воином, потерявшим трудоспособность при исполнении интернационального долга. В случае необходимости оказывать материальную помощь воинам-интернационалистам, длительное время находящимся на излечении в госпиталях, домах-интернатах, других лечебных учреждениях.

3. Поручить советам и комитетам профсоюзов совместно с органами здравоохранения и органами по трудоустройству населения, комитетами комсомола проанализировать до 1 октября 1988 года положение дел с трудоустройством, материально-бытовым обслужи-

ванием воинов-интернационалистов, разработать и осуществить конкретные меры по устранению имеющихся недостатков в этом деле.

4. Отделам ВЦСПС: организационной работы, производственно-массовой работы и заработной платы, по государственному социальному страхованию, охраны труда, жилищно-бытовому, культурно-воспитательной работы, физкультуры и спорта, юридическому оказывать воинам-интернационалистам всемерное содействие в трудоустройстве, лечении, обеспечении жильем, организации отдыха и досуга.

5. Руководителям отделов ВЦСПС, подведомственных ВЦСПС организаций, центральных комитетов, советов и комитетов профсоюзов обеспечить внимательное и своевременное рассмотрение обращений воинов-интернационалистов по всем волнующим их вопросам, оперативно удовлетворять обоснованные просьбы.

6. Отделам ВЦСПС: международному и по связям с профсоюзами социалистических стран, центральным комитетам профсоюзов активнее использовать работу в международных профсоюзных и других общественных организациях для формирования мирового общественного мнения в поддержку неукоснительного соблюдения женевских соглашений по Афганистану.

7. Считать важнейшей задачей советских профсоюзов всестороннее развитие связей, оказание помощи и поддержки профсоюзам Афганистана. Международному отделу ВЦСПС, отраслевым ЦК профсоюзов, советам профсоюзов, имеющим породненные связи с местными профсоюзами Афганистана, принять дополнительные меры к их дальнейшему развитию.

8. Редакциям профсоюзных газет и журналов шире освещать опыт работы профсоюзных организаций с воинами-интернационалистами, регулярно публиковать материалы, рассказывающие о их жизни, мирном труде и учебе.

Для справки. *Перечень льгот военнослужащим, рабочим и служащим, находившимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Республики Афганистан, и их семьям определен рядом официальных документов, принятых до начала 1990 года. См.: Пульс; Военно-политический альманах. Воениздат, 1989. С. 177—183.*

ПЕРЕЖИТОЕ — НЕ ЗАБЫТОЕ 6
ДОЛГ И ДОЛГИ НАШИ 59
ОТ ЭТОГО НЕ УЙТИ *(Вместо послесловия)* . . . 131

Иван Михайлович Дынин

ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА:
«АФГАНЦЫ» В ПИСЬМАХ, ДОКУМЕНТАХ,
СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ

Редактор *В. И. Максимов*

Художник *В. И. Харламов*

Художественный редактор *В. М. Блинов*

Технический редактор *Л. Н. Лялина*

Корректор *Г. С. Милютина*

ИБ 2829

Сдано в набор 22.02.90. Подп. в печать 13.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. кн.-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 8,45. Тираж 40 000 экз. Заказ 289. Цена 1 р. Ордена Трудового Красного Знамени ИПО ВЦСПС Профиздат. 101000, Москва, ул. Кирова, 13. Типография ИПО ВЦСПС Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РАУ)

Объединим наши сердца, духовные силы и материальные средства для решения «горячих» проблем современной цивилизации — помощи одиноким старикам и больным детям, облегчения страдания инвалидов, в том числе и афганской войны. Все это — цепи международной акции «Караван милосердия», которую намечено провести в 1991 году.

НАША СЦЕНА — ВЕСЬ МИР,
НАШ ПРИНЦИП — БЕСКОРЫСТИЕ,
НАШ ПУТЬ — МИЛОСЕРДИЕ

Если вы сочувствуете нашим идеям, поддержите инициативу. Наш расчетный счет 161804 в Молодежном коммерческом банке ЦОУ при Госбанке СССР г. Москвы, МФО 299112. (РАУ, р/сч. 345051 для акции «Караван милосердия»).

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Издательско-полиграфическое объединение ВЦСПС Профиздат, выпустившее эту книгу, и Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт» предлагают вам стать участниками доброго дела — внести свой взнос в помощь инвалидам афганской войны, которые нуждаются в особой заботе общества, а значит, каждого из нас.

Цена на эту книгу установлена с надбавкой, которая будет переведена на конкретные благотворительные цели.

Информацию о том, куда именно будут направлены эти средства, Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт» обязуется публиковать в печати, а также сообщать во время проведения крупных всесоюзных и международных соревнований.

Издательско-полиграфическое объединение
ВЦСПС Профиздат
Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт»

1р.

ПОСЛЕ АФГАНИ-СТАНА

Книга Ивана **ДЫНИНА**, в основу которой положены документы и письма, свидетельства воинов-интернационалистов, а также собственные наблюдения автора, снова и снова заставляет задуматься над проблемами нравственного здоровья нашего общества.

Профиздат